

БАХТИНСКИЙ ВЕСТНИК

Russian Journal of Bakhtin Studies

Бахтинский вестник

Russian Journal of Bakhtin Studies

Научный журнал

Учредитель и издатель:
федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего
образования «Национальный
исследовательский Мордовский
государственный университет
им. Н.П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика
Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68

Адрес редакции:
430005, Российская Федерация, Республика
Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68

+7 8342 481424

Главный редактор Н. И. Воронина
Издается с 2019 года
Периодичность издания - 2 раза в год

Scholarly journal

Founder and Publisher:
Federal State
Budgetary Educational
Institution
of Higher Education
“National Research
Ogarev Mordovia
State University”

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005,
Republic of Mordovia, Russian Federation

Editorial office address:
68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005,
Republic of Mordovia, Russian Federation

+7 8342 481424

Editor-in-Chief N. I. Voronina
Published since 2019
Twice 2 year Periodicity

e-mail: bakhtinskiy.vestnik@mail.ru
<https://www.bakhtiniada.ru>

При цитировании ссылка на журнал «Бахтинский вестник» обязательна

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и философия культуры

- Поелуева Л. А. «Сакральная вертикаль» России как страны-цивилизации в парадигме «информация – коммуникация – культура» 4
- Радаева Э. А. Камертон философии культуры: история экранизаций романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» 16

Теория искусства

- Догорова Н. А. Пластическое мышление в хореографическом искусстве: к основам анализа и синтеза 27
- Денисова Г. В., Го Ц. Теория интертекстуальности в современном музыковедении (на примере китайско-российского культурного диалога) 41

Литературоведение и лингвистика

- Индрикова А. А. Язык современного поэтического эссе и метаязык культуры: к проблеме лингвокультуротворчества 53
- Муромцева А. О. Мужской лирический субъект в поэзии Алины Подгорновой 66

Биографические и архивные исследования

- Клюева И. В. Непримирымый «неофициальный оппонент» М. М. Бахтина (реконструкция биографии М. П. Теряевой) 76
- Бабушкина М. А., Владимирова А. Д. Издания с маргиналиями М. М. Бахтина (из архива мыслителя) 95
- Хроника 104

CONTENTS

Theory and Philosophy of Culture

- Poeluyeva L. A.** The “Sacred Vertical” of Russia as a Country-Civilization in the Paradigm of “Information – Communication – Culture” 4
- Radayeva E. A.** Tuning Fork of the Philosophy of Culture: History of Film Adaptations of E. M. Remarque’s Novel “All Quiet on the Western Front” 16

Theory of Art

- Dogorova N. A.** Plastic Thinking in Choreographic Art: Towards the Basics of Analysis and Synthesis 27
- Denisova G. V., Guo Q.** Understanding the Intertextuality Theory in the Context of Modern Musical Culture (on the Example of Chinese-Russian Cultural Dialogue)..... 41

Literary Studies and Linguistics

- Indrikova A. A.** The Language of Modern Poetic Essay and the Metalanguage of Culture: On the Problem of Linguocultural Creativity 53
- Muromtseva A. O.** A Male Lyrical Subject in the Poetry of Alina Podgornova..... 66

Biographical and Archival Research

- Klyueva I. V.** The Irreconcilable “Unofficial Opponent” of M. M. Bakhtin (Reconstruction of the Biography of M. P. Teryaeva) 76
- Babushkina M. A., Vladimirova A. D.** Editions with Marginalia by M. M. Bakhtin (from the Thinker’s Archive 95
- Chronicle 104

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ / THEORY AND PHILOSOPHY OF CULTURE

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.004-015>
EDN: <https://elibrary.ru/uvnkix>
УДК / UDC 130.2(470+571)

«Сакральная вертикаль» России как страны-цивилизации в парадигме «информация – коммуникация – культура»

Л. А. Поелуева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
la_poelueva@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования связана с важностью решения проблемы информатизации российской культуры, осознания современной наукой потенциала культурно-информационных ресурсов России, необходимых для воспроизводства российской идентичности, что особенно остро ощущается в условиях информационной экспансии западной культуры. «Уход» культуры в виртуальные миры цифровых экосистем и метавселенных актуализирует тему цивилизационного будущего России в парадигме «информация – коммуникация – культура». Возникает социальный запрос на ясную артикуляцию целей исторического развития страны и ее обеспечение новейшими информационными технологиями. Цель исследования – анализ трудов известных российских мыслителей и современных авторов, позволяющих раскрыть сущность информационной природы культуры и ее роль в сохранении цивилизационной идентичности России.

Материалы и методы. Материалом исследования являются философские и культурологические концепции информации и культуры, способствующие решению проблемы информатизации российской культуры, осмыслению социокультурных процессов, происходящих в современном российском обществе. Анализируя тексты с высокой цен-

© Поелуева Л. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ностной и символической нагрузкой, позволяющие репрезентировать «сакральную вертикаль» России как стержень ее культурной идентичности (М. М. Бахтин, Н. А. Бердяев, Ю. М. Лотман, В. С. Степин, В. Л. Цымбурский и др.), автор использует методологию культурологической герменевтики. Применяются элементы социо-кодового анализа и нуклеарной концепции культуры А. И. Ракитова, позволяющие интерпретировать культуру в терминах информационных технологий.

Результаты исследования и их обсуждение. Представляя цивилизационное будущее страны, автор обосновывает потенциал культурно-информационных ресурсов, который необходим для воспроизводства российской идентичности. Информация и культура рассматриваются в качестве независимых переменных по отношению к макросистеме «Россия – страна-цивилизация». Культура как надбиологическая программа кодирования и транслирования накопленного социального опыта рассматривается одновременно и как традиция, и как генератор новых программ деятельности. Информация представлена как категория, позволяющая описать процессы приведения социальных объектов в ту или иную социокультурную форму. Информационная природа культуры делает ее доминирующим фактором исторического развития, при этом борьба за историческое выживание сопряжена со столкновениями и конфликтами в сфере культуры. Поскольку ядро культуры (базовые сакральные ценности и смыслы) имеет информационную природу, автор делает вывод о важности технологического обеспечения его сохранности во внутрироссийском пользовании и активного транслирования его содержания вовне.

Заключение. Сделанные автором выводы вносят вклад в осмысление современных культурных процессов в России, проблем информационного суверенитета страны, воспроизводства российской идентичности. Материалы статьи могут быть полезны в исследовательской и преподавательской деятельности.

Ключевые слова: «сакральная вертикаль» цивилизации, Россия как страна-цивилизация, воспроизводство российской идентичности, информационная природа культуры, информационный суверенитет России

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Поелуева Л. А. «Сакральная вертикаль» России как страны-цивилизации в парадигме «информация – коммуникация – культура» // Бахтинский вестник. 2025. Т. 7, № 1. С. 4–15. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.004-015>

The “Sacred Vertical” of Russia as a Country-Civilization in the Paradigm of “Information – Communication – Culture”

L. A. Poeluyeva

Russian Academy of National Economy and Public Administration Services
under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
la_poeluewa@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is related to the importance of solving the problem of informatization of Russian culture, awareness of the potential of cultural and information resources of Russia, necessary for the reproduction of Russian identity, which is especially acute in the conditions of information expansion of Western culture. The purpose of the study is to analyze the works of famous

Russian thinkers and modern authors, which allows us to reveal the essence of the informational nature of culture and its role in the preservation of Russian civilizational identity.

Materials and Methods. The material of the research is philosophical and cultural concepts of information and culture, contributing to the solution of the problem of informatization of Russian culture, understanding of socio-cultural processes occurring in modern Russian society. Analyzing texts with high value and symbolic load, allowing to represent the “sacred vertical” of Russia as the core of its cultural identity (M. M Bakhtin, N. A. Berdyaev, Yu. M. Lotman, V. S. Stepin, V. L. Tsymbursky and others), the author uses the methodology of cultural hermeneutics.

Results and Discussion. The author focuses on the spiritual and symbolic core of Russia – its “sacral vertical” (V. L. Tsymbursky) and the works of Russian thinkers that most vividly represent it. Presenting the civilizational future of the country, the author substantiates the potential of cultural and informational resources necessary for the reproduction of Russian identity. Information and culture are considered as independent variables in relation to the macrosystem “Russia – country – civilization”. Culture as a superbiological program of coding and transmission of accumulated social experience is considered both as a tradition and as a generator of new activity programs. Information is presented as a category that allows describing the processes of bringing social objects into one or another sociocultural form.

Conclusion. The article contributes to the understanding of contemporary cultural processes in Russia, comprehension of the problems of the country's information sovereignty, reproduction of Russian identity.

Keywords: “sacred vertical” of civilization, Russia as a country-civilization, reproduction of Russian identity, informational nature of culture, Russia's informational sovereignty

Conflict of interests: The authors declare no conflict of interests.

For citation: Poeluyeva L.A. The “Sacred Vertical” of Russia as a Country-Civilization in the Paradigm of “Information – Communication – Culture”. *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2025;7(1):4–15. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.004-015>

Введение

Информационная природа культуры делает ее доминирующим фактором исторического развития, в то время как борьба за историческое выживание сопряжена со столкновениями и конфликтами в культурной сфере различных политических сил.

Для России образ будущей социальной формы является определяющим. «Уход» культуры в виртуальные миры цифровых экосистем и метавселенных актуализирует изучение темы цивилизационного будущего России в парадигме «информация – коммуникация – культура». Мировая история, рассматриваемая в этой парадигме, представляет собой цепь революций в области информационных технологий – от изобретения языка до компьютеризации всей социальной сферы при посредничестве искусственного интеллекта.

Мы исходим из понимания информации, представленный в статье О. С. Анисимова: «материал, имеющий значимость как “отражение” чего-либо, могущий быть использованным как “искомое” для ответа на актуальный или возможный вопрос (“неизвестное”), имеющий вид сообщения (устного, письменного), которое в процессе понимания оценивается как частично или полностью “новое” и полезное для решения той или иной возможной или актуальной задачи»¹.

¹ Анисимов О. С. Методологические ответы на заказ (виртуальный) В. В. Путина [Электронный ресурс] // Основные мировые идеи: цивилизационный подход: игромодельный проблемно-проектировочный модуль. URL : <http://metodologika.ru/sites/default/files/content/Docs/2015/wintmodul/metexp.docx> (дата обращения: 12.12.2024).

Материалы и методы

Материалом исследования являются философские и культурологические концепции природы информации и культуры (М. М. Бахтин, Н. А. Бердяев, Ю. М. Лотман, В. С. Степин, В. Л. Цымбурский и др.), которые, по мнению автора, способствуют решению проблемы информатизации российской культуры, осмыслению социокультурных процессов, происходящих в современном российском обществе. Автор использует методологию культурологической герменевтики (которая обращает внимание на необходимость включения в российское медиаполе текстов с высокой ценностной и символической нагрузкой, позволяющих репрезентировать «сакральную вертикаль» России как стержень ее культурной идентичности). Применяются элементы социокодowego анализа и нуклеарной теории культуры А. И. Ракитова, позволяющие интерпретировать культуру в терминах информационных технологий.

Результаты исследования и их обсуждение

Осмысление насущных проблем современности неизбежно оказывается связанным с процессом «ухода» культуры в виртуальные миры цифровых экосистем и метавселенных с их новыми правилами релятивистских экспериментов со словами и смыслами. Параллельное дистанцирование социальных практик от образовательных критериев фундаментальной науки и философии способствовало тому, что «объясняющее, синтезирующее и проникающее вглубь вещей знание» [1] стало уступать место конкуренции мнений и субъективных оценочных суждений – естественного для виртуалистики механизмического способа ее самовоспроизводства. Отсюда рассмотрение темы выводит нас на проблему взаимодействия информации и культуры в истории России в стратегической цивилизационной перспективе.

Рассматривая информацию и культуру в качестве фундаментальных переменных по отношению к макросистеме «Россия – страна-цивилизация», мы можем заметить, что со стороны базовых институтов нашего общества «в последние годы наблюдается выраженный интерес к исследованиям информационной природы культуры как доминирующего фактора текущих социально-экономических трансформаций планетарного масштаба» [2].

Информационный подход к пониманию культуры разделяют сегодня многие ученые. В качестве интегрально-обобщающей предстает концепция В. С. Степина, который рассматривает культуру как надбиологическую программу кодирования и транслирования накопленных знаний, навыков, процедур согласования действий, т. е. того, что составляет содержание социального опыта: «Культура хранит, транслирует этот опыт (передает его от поколения к поколению). В этой функции она выступает как традиция, как социальная память. Но культура способна также генерировать новые программы деятельности, поведения и общения людей, и часто задолго до того, как они внедряются в ткань социальной жизни, порождая социальные изменения. В этой функции культура предстает как творчество. Условием как культурной традиции, так и творческих инноваций является закрепление и хранение возникающих надбиологических программ человеческой жизнедеятельности в знаковой форме. Эти программы существуют в культуре как сложноорганизованный и развивающийся набор семиотических систем (социокод). Многообразие развивающегося социального опыта предполагает многообразие различных кодов, закрепляющих и транслирующих этот опыт» [3].

Ю. М. Лотман сформулировал понимание того, что человек в борьбе за жизнь выступает не только как субъект потребления материальных благ, но и «как аккумулятор информации. ... Если для человека как биологической особи достаточно первой, то социальное бытие подразумевает наличие обеих» [4, с. 393]. Это позволяет рассматривать культуру как специфическое хранилище всей ненаследственной информации, способов ее организации

и хранения: «Информация – не факультативный признак, а одно из основных условий существования человечества. Битва за выживание – биологическое и социальное – это битва за информацию» [4, с. 394]. Поэтому область культуры – это «область постоянной борьбы, социальных, классовых и исторических столкновений и конфликтов. Разные социальные и исторические группы, борясь за информацию, стремятся ее монополизировать» [4, с. 394].

В контексте нашей темы информация – это категория, позволяющая описать процесс введения социального объекта в ту или иную социокультурную форму через передачу образа и идеи этой формы. Форма всегда идет впереди содержания и обеспечивает его морфологию. «Семантизируя посредством информационного “облучения” сознание, форма определяет его структуру и – соответственно – структуру социальности со всеми присущими ей внутренними отношениями и действиями. Представая в качестве основания организующего воздействия, форма обеспечивает наличие и закрепление свойств того, что именно воспроизводится в организуемом материале»². В нашем случае это социальная материя, более конкретно – российский социум, испытывающий на себе беспрецедентное информационное давление со стороны конкурирующих идеологий.

В связи с этим не случайны и отсылки к «производству» информации. На новейших технологических платформах разворачивается современный театр военных действий и битвы за воспроизводство систем ценностей, уже получившие репрезентативное технологическое обозначение – социальная инженерия. Гуманитарные технологии с их алгоритмичкой подачи информационных сообщений нормируют процедуры социальной рефлексии в социуме, помещая их в рамки-фреймы заданных конфигураций. Для России, находящейся в данный момент в состоянии борьбы за грядущее цивилизационное устройство в качестве субъекта собственной истории и судьбы, образ будущей социальной формы является определяющим. Именно за ценностно-смысловое наполнение этого образа идет ожесточенное сражение в виртуальных мирах, куда коммуникативные потоки (медиапотоки) поставляют от заинтересованных социальных сил информацию о желаемом грядущем мироустройстве.

Следует отметить, что проблема возникла не сегодня. Еще в начале 1990-х гг. вопрос об обеспечении отечественной культуры информационными технологиями – как имеющий фундаментальный характер для развития страны – был отчетливо обозначен российскими учеными. А. И. Ракитов писал: «Здесь завязываются в один узел культурные процессы создания информационно-индустриального общества и принципиально новой технологической базы его духовной и социальной модернизации» [5, с. 14]. С тех пор состояние и проблемы информатизации культуры России не только не потеряли актуальности, но многократно ее увеличили в условиях нынешней экспансии западной культуры на сакральные ценности русского социума, осуществляемой с помощью информации, обеспеченной новейшими технологиями ее тиражирования и распространения. Добавим, что «недостаточно отрефлексированный общественным сознанием пункт о ценностном “облучении” техники со стороны производящей ее культуры», приводит к фатальному ценностно-культурному неразличению в массивах информационных сообщений тех смыслов, которые способны деформировать и уничтожить критериальный слой русской культуры [см.: 6, с. 62].

М. М. Бахтин писал: «Существует <...> неверное представление о том, что для лучшего понимания чужой культуры надо как бы переселиться в нее и, забыв свою, глядеть на мир глазами этой чужой культуры» [7, с. 456]. Исследователь отмечал, что вчувствованность в чужую культуру, своеобразное вживание в ее ценности, неизбежно и даже с необходимостью возникает при попытках ее понимания. Поэтому всегда сле-

² Анисимов О. С. Методологические ответы на заказ (виртуальный) В. В. Путина [Электронный ресурс].

дует помнить о потенциальной опасности копирования информации, ее дублирования, которое не несет в себе «ничего нового и обогащающего» [7, с. 456].

Уместными в этой связи представляются отсылки к нуклеарной теории культуры А. И. Ракитова. Заявленная в эпоху радикальной трансформации российского социума, в эпоху 1990-х, она не только не утратила, но напротив, обострила его нынешние проблемы, связанные с рефлексией оснований собственного бытия. На ее базовых положениях мы хотели бы сделать акцент. Центральными категориями данной теории являются информация, технология, цивилизация и культура.

Первый тезис связан с пониманием содержания технологии. Здесь А. И. Ракитов исходит из общего понимания техники одновременно как совокупности инструментов и машин для материального производства и как совокупности знаний, навыков, сопряженных с использованием, способом применения определенного инструментария, определяющего вектор преобразования материала в продукт. (Заметим, что особенностью технологии является то, что использующий ее получает лишь место в ней – без учета своих индивидуальных особенностей, о чем писал О. С. Анисимов³. Однако именно это и определяет успешность любой деятельности – равно индивидуальной и совокупной социальной).

Современная наука в полной мере столкнулась с ситуацией управления технологическими процессами, интеллектуальными ресурсами, социальными и политическими системами, когда знания и информация становятся неотъемлемым компонентом технологии воспроизводства социальной формы. Таким образом, культура становится для них естественно формирующимся накопителем знаний, органически инкорпорированным в социальную субъектность и поддерживаемую системой социальных институтов. В силу этого «динамика, характер технологии, ее эффективность и, так сказать, пригодность для общества зависят от культуры» [5].

Традиционное рассмотрение знания и информации как феноменов культуры требует их пристального рассмотрения в оптике историзма, когда приходится учитывать все технологические обстоятельства и условия, выступающие детерминантами производства знаний. Так, история человечества фундирована информационными революциями: изобретение языка, письменности, книгопечатания, создание электронных средств информации и наконец – компьютерная революция. Поэтому связь культуры и технологии понимается А. И. Ракитовым не в технократическом аспекте, а в гуманистическом. По мысли ученого, любая социоэтнокультурная система, обладающая развитыми технологиями (в обоих смыслах этого слова) имеет структуру, состоящую из двух компонентов: ядро культуры и защитный пояс.

В ядре сконцентрированы исторически выработанные нормы, этические стандарты, эталонные модели поведения и социальных отношений – все то, что создал и выработал социум в процессе своего исторического становления, включая импринтинговые события, зафиксированные в исторической памяти. Ядро культуры – информационное образование; его устойчивость обеспечивается межпоколенческой коммуникацией, фиксируется в структуре и семантике языка, в приемах педагогики.

Цивилизационная функция культурного ядра заключается в сохранении «сакральной вертикали» социума, и на этой основе – его целостности и самоидентичности, а, следовательно, и выживания. Культурное ядро как базовый компонент социальной структуры имеет высокую степень устойчивости: поддерживается через систему воспитания и образования, механизмы социального импринтинга, транслируется от поколения к поколению.

Важную роль в сохранности ядра культуры играет культурный защитный пояс, согласно концепции А. И. Ракитова, он выполняет функцию фильтра, который не только пропускает

³ Анисимов О. С. Методологические ответы на заказ (виртуальный) В. В. Путина [Электронный ресурс].

информацию из ядра культуры во все структурные элементы социума, но и регистрирует и поглощает импульсы других культур. Если информация на входе в систему распознается социумом как угрожающая ее существованию, способная трансформировать или разрушить ядро культуры, она не проходит через фильтры защитного пояса и «гасится» в нем, не достигая находящейся в ядре матрицы воспроизводства культурных норм и эталонов.

Отсюда следует важный вывод о том, что устойчивость ядра культуры может быть преодолена также механизмами, информационными по своей природе. Поэтому в любых переходных состояниях общество попадает в поле «высокой информационной напряженности», характерной для процессов глубинной трансформации ядра культуры. Знания, навыки и умения предстают отрефлексированной информацией, а объем знаний и умений, которым пользуется человечество в каждый конкретный исторический период, определяется технологией. От владения и содержания ее зависят тип и характер политического управления и удержания власти, и сопряженные с ними практики социокультурной инженерии. Человечество знает несколько всепланетарных революционных изобретений в области информационных технологий, каждая из которых определила качественный скачок в развитии человечества. Первую информационную революцию большинство исследователей традиционно соотносят с развитием технологий языка и устной речи, создавших в совокупности с процедурами коллективного согласования поведения, т. е. культурной нормы технологию социальной коммуникации. Именно она обеспечивает хранение и передачу знаний в пространстве и времени жизни социума.

Накопление знаний и их интеграция вызвали к жизни вторую информационную революцию и новые технологии, которые ее обеспечили, – изобретение письменности. Последовавший за этим новый этап увеличения объема используемых знаний, их хранения и трансляции потребовал изобретения новых носителей информации, твердых и мягких. Они запустили процесс семантического и территориального расширения технологий управления, что в итоге и привело, как известно из истории, к созданию государства и увеличению размера сообществ, вовлеченных как в технологию государственного управления, так и в экономическую и политическую деятельность.

Потребовалось вертикальное во времени масштабирование коммуникативных технологий; такую функцию стали выполнять особые хранилища знаний – библиотеки. Из истории известна, например, Александрийская библиотека, которую до сих пор рассматривают как эталонный образец, содержащий в концентрированном виде объем знаний, обеспечивающих экономическое, политическое и культурное развитие общества.

Третья информационная революция связана с изобретением технологии книгопечатания, качественно изменившей не только само производство и трансляцию знаний, но и их демократизацию, а вместе с этим культуру, политическое управление и всю организацию общественной жизни – всеобщий рынок. Печатный станок запустил процесс включения человека в «гомогенное» (В. Беньямин) время благодаря такому техническому средству, как газета. Печатные языки, механически воспроизводимые во множестве экземпляров, способные к распространению благодаря рынку, «создавали унифицированные поля обмена и коммуникации, располагавшиеся ниже латыни, но выше местных разговорных языков», – пишет Б. Андерсон [8, с. 215].

Унификация «языка понимания» обозначила развитие человечества в направлении «информационного общества», «общества знания», в котором информация, знание о технологиях производства товаров и производства культуры на базе унифицированного символического языка – становятся тем ресурсом, без которого невозможно само существование общества и его историческое будущее.

Четвертая информационная революция, связанная с научными открытиями в области физики, раскрытием природы электричества создала базу для новых инфор-

мационных технологий, позволивших социуму оперировать информацией в объемах и скоростях, превышающих возможности всех предшествующих эпох и совокупных возможностей всего человечества. Потребовались технологии расширения объемов памяти и способов обработки производимого знания на машинной основе, что и было обеспечено созданием современных компьютеров, изобретением микропроцессорной технологии и индустрии переработки информации, интернета.

Характерно, что промежуток времени между четвертой и пятой информационными революциями оказался практически незамеченным человечеством. В цикл производства и потребления информации оказалась встроенной особая информационная технология – искусственный интеллект, а производство и рынок товаров оказались в огромной степени зависимыми от медиарынка, в который трансформировалась привычная газета и ее более поздние модификации – радио и телевидение. Тенденция к демократизации знания, некогда инициированная печатным станком, радикально усилилась с появлением интернета и выведением всех форм социальной активности в сферу виртуального пространства, образованного сетями медиакommunikации.

Особенностью пятой информационной революции является то, что возникший в промышленную эпоху рынок средств массовой информации, на котором главную роль играли «фабрики информации», сегодня технологически модифицирован в медиарынок. Современный медиарынок меняет привычную интеракцию между потребителем информации и ее традиционным хранителем и транслятором, будь то древний шаман, средневековый проповедник или интеллектуал-публицист новейшего времени: в эту систему включается посредник, искусственный интеллект, а его создатели становятся влиятельным социальным классом. «Высокотехнологичные компании, стремительно внедряющие в деятельность современных СМИ искусственный интеллект и принципиально меняющие практику журналистской работы, по сути, становятся новым игроком на поле массмедиа, – замечает А. П. Суходолов, – превращая IT-индустрию едва ли не в главную фигуру на рынке средств массовой информации, затмевающую собой таких традиционных и важных его участников, как государство и крупный бизнес» [9, с. 650]. Возможности искусственного интеллекта несопоставимо превышают информационно-коммуникативный потенциал человеческого мозга. Особенно это касается таких сфер, как «обработка и анализ данных; автоматическое продуцирование информации о текущих событиях и фактах; интерактивное общение с аудиторией; отслеживание информационных поводов; проверка фактов на достоверность (факт-чекинг); распознавание изображений; производство видеоконтента и др.» [9, с. 651].

Стремительное вторжение искусственного интеллекта в святая святых человечества – сферу духовности и культуры – с попыткой тотального управления человечеством через технологии медиаиндустрии и медиарынок – еще не до конца осмыслено и осознано человечеством. Но показательным является то, что в очередной исторический раз управление цивилизационным развитием оказывается в руках монопольных обладателей эксклюзивных информационных технологий. Именно они получают возможность установления правил будущего мирового устройства по собственным представлениям и исходя из собственных потребностей.

Теперь рассмотрим следующий аспект нашей темы, связанный с информационной «упаковкой» матричных, «ядерных» ценностей и смыслов – «темного» и «светлого» типа – образующих «сакральную вертикаль» Русской цивилизации (В. Л. Цымбурский), которая определяет их иерархию для живущих внутри ее контура. Эта «вертикаль» представляет собой символическую структуру, соединяющую в символическом пласте культуры земное и божественное, профанное и священное. «Сакральная вертикаль» выступает своеобразной ментальной конструкцией, которая позволяет сформировать внутри цивилизации «основное человечество», а территория, на которой живут «центровые народы»,

становится «основной землей» места их обитания⁴. Для России как страны-цивилизации это важнейшая тема в международных отношениях современности. Всякая цивилизация имеет свою сакральную вертикаль, вокруг которой собирает свой цивилизационный «хронотоп» (М. М. Бахтин), свое бытие в пространстве и времени.

В данном контексте важным представляется тезис В. Л. Цымбурского о том, что «центральной народ» или группа народов («мозаическая целостность»), берут на себя миссию и задачу политического удерживания под своим контролем автономной территории, обеспечивая ее идеологией или религией. В свою очередь это позволяет осуществлять идеологический синтез смыслов и ценностей, культурных предпочтений и соединять их с государственным строительством этих народов.

Цивилизация предполагает, что ее «основное человечество» будет государственно оформлено и будет жить на «основной земле». Идеи, собирающие вокруг себя «центровые народы», могут быть представлены совокупностью учений, например, конфуцианством, даосизмом и буддизмом (как в классическом Китае). В современном западном обществе (как и в современной России) мы видим соседство христианской религии и либертарианской системы ценностей.

Русская цивилизация являет собой яркий пример. В знаменитой работе «Остров Россия» В. Л. Цымбурский пишет о том, что Россия строила свое существование как остров в океане чужих цивилизаций, где сакральная вертикаль служила стержнем, поддерживающим идентичность и единство народа. Одним из таких императивов сакральной вертикали является сохранение православия в качестве ее стержня. Цымбурский обосновывает «восприятие России как “Святой Руси”» тем, что оно основывалось на представлении «о непрерывной связи между земной властью и божественным предначертанием» [10]. В этом смысле и вступление в царствование русских монархов рассматривается как центральный сакральный акт, закрепляющий вертикальную власть через фигуру монарха как посредника между Богом и народом: «Обряд венчания на царство, устанавливающий монарха как сакрального стража земли Русской, ответственного перед народом» [10].

Вопрос о том, что является стержнем культурно-символического содержания русской цивилизации, которое образует ее сакральную вертикаль, – предмет многочисленных исследований.

Н. А. Бердяев подчеркивал: «В типе русского человека всегда сталкиваются два элемента – первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный аскетизм, устремленный к потустороннему» [11, с. 8].

А. С. Панарин справедливо утверждал, что цивилизационное устройство России могло быть основано только на действительно «больших» – наднациональных, надэтнических – идеях, которые содержатся в «великих текстах» мировых религий и отражены в классической письменной литературе, в философии русских мыслителей.

О. С. Анисимов пишет, что «собирательная» практика Русской цивилизации основывается «на высоких ценностных установках, характерных для высокого типа цивилизованности. Так, например, в советский период она оформляла себя в символических кодах “сражения” – разных идеологем и носителей силы, как равнозначимых “борцов” на мировом ринге, и противостояние противоположных типов цивилизованности символически оформлялось как сражение представителей сил “темного” и “светлого” типа в ценностной иерархии»⁵.

⁴ Цымбурский В. Л. Идентичность цивилизационная [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphras.ru/elib/1183.html> (дата обращения: 12.12.2024).

⁵ Анисимов О. С. Методологические ответы на заказ (виртуальный) В. В. Путина [Электронный ресурс]

А. В. Щипков считает, что «важнейший этап становления русского дискурса заключается в переводе византийского социокультурного наследия на язык русской и советской традиции» [12].

Категория сакральной вертикали может получить дополнительную оптику рассмотрения в контексте понятий, введенных М. М. Бахтиным в его исследованиях творчества Ф. Рабле: «большая память», «большое время», «имманентная память литературы», и даже «культурно-историческая “телепатия”», которые понимались Бахтиным как взаимосвязанные категории, содержащие общий признак – преодоление ограниченности истории во времени и выход в область вечного, универсального, критериального – т. е. такого пласта культуры, который священен и неприкосновенен, поскольку обеспечивает создавшему его народу механизм исторического выживания, «продление» в социальном времени.

Как замечает А. С. Панарин, сакральная вертикаль Русской цивилизации выстраивается на соединении христианской культуры, стремящейся постичь стихию времени, и языческого дохристианского мировоззрения, ориентированного на постижение стихийности природы, пространства. «Христианская культура характеризуется более интенсивным переживанием времени, связанным с эсхатологическими предвкусениями. Языческая культура больше привязана к пространству, связана с сопричастностью личности природным стихиям. Без любви к этим стихиям успешная колонизация суровых территорий невозможна» [13, с. 43]. Цивилизационный хронотоп России, как следует из работ Панарина, – «в ее размерах, природных богатствах и историческом призвании организатора больших суперэтнических синтезов» [14, с. 221].

В нынешних исторических условиях функция культуры в нашем обществе неизменно возрастает. Образованность, квалификация тех, кому общество делегирует функции «держания» и хранения ядра культуры, их историческая и духовная оснащенность в значительной степени определяют цивилизационную мощь и направления государственного строительства. От их «воли к культуре» зависит и воля всего общества. Потому сегодня новую актуальность приобретают слова С. С. Аверинцева, сказанные им еще в середине 1980-х гг.: «Среди нас уже ходят молодые люди, подчас наделенные способностями и каким-то невеселым умом, которые не хотят (или не могут?) руку протянуть, чтобы вступить в обладание наследием культуры; и это не назовешь ленью, это хуже. Старый, как мир, порок лени мог быть веселым, потому что не расстраивал фундаментальных жизненных функций личности. Тут не лень, тут разрушение воли к культуре и самой способности этой воли...»⁶

Учитывая, что в процесс творения ценностей и смыслов сегодня вовлечены не только культурные и политические элиты, но и активная часть самостоятельного населения России, согласимся с А. И. Ракитовым, который настаивал на том, что только информатизация культуры может выступить единственным средством, позволяющим «в гигантских масштабах и на больших скоростях делать достоянием нации и особенно новых поколений лучшие образцы отечественной культуры, как традиционной, так и современной, инновационной» [5].

Нынешний этап переходного периода в России, совпадающий с переходом к новому технологическому укладу в мировом масштабе, обостряет значение и важность информатизации культуры для нашей страны, но осуществляемой не под контролем мировой техноэлиты, а под внимательным «окормлением» российской интеллектуальной элиты и общества, глубоко понимающих историческую природу России как страны-цивилизации.

⁶ Аверинцев С. С. Попытки объясниться. Беседы о культуре. М.: Правда, 1988. 452 с. URL: <https://predanie.ru/book/72351-popytki-obyasnitsya-besedy-o-kulture/> (дата обращения: 12.12.2024).

Заключение

Таким образом, следует вести речь об усилении культурного развития страны, предусматривающего информатизацию ядра и защитного слоя русской культуры. В современных условиях оборонительная культурная стратегия выглядит недостаточной и требует перехода к наступательным практикам медиараспространения культурных эталонов, стандартов и достижений нашей культуры за границей ее собственного цивилизационного контура. Агрессивной практике «отмены» русской культуры должна противостоять собственная метавселенная, наполненная сокровищами русской культуры, доступными мировому сообществу.

На нынешнем этапе цивилизационно-стратегического развития России предстоит серьезно продумывать проблему создания обновленного цивилизационного тезауруса, способного вдохнуть жизнь в исторические концепты византизма и язычества в их соединении с русским космизмом, создать образы будущего и новые имена для поступательного развития Русской цивилизации.

Статья вносит вклад в осмысление современных культурных процессов в России, а также проблем информационного суверенитета страны и воспроизводства российской идентичности. Материалы статьи могут быть полезны в исследовательской работе при рассмотрении указанных проблем, в преподавательской деятельности (при подготовке лекций, учебников, учебных пособий по гуманитарным наукам).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панарин А. С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М. : ИФ РАН, 2005. 188 с.
2. Поелуева Л. А. Русская цивилизация перед вызовом истории: к вопросу о перспективах актуальных культурных стратегий // Вопросы культурологии. 2017. № 2. С. 29–34.
3. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. 408 с.
4. Лотман Ю. М. Культура и информация // Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. С. 393–394.
5. Ракитов А. И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 14–34.
6. Индриков А. А. Монументальный язык культуры : коды славного будущего // Ноосферные исследования. 2016. Вып. 1–2. С. 61–68. URL: http://glonoos.com/wp-content/uploads/Indrikov_2016_1-2.pdf (дата обращения: 17.12.2023).
7. Бахтин М. М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 6. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 451–457.
8. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.
9. Суходолов А. П., Бычкова А. М., Ованесян С. С. Журналистика с искусственным интеллектом // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 4. С. 647–667. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(4\)](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(4)).
10. Цымбурский В. Л. Остров Россия : геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М. : РОССПЭН, 2007. 544 с.
11. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.
12. Щипков А. В. Похищение русской идентичности // Щипков А. В. Плаха. 1917–2017 : сборник статей о русской идентичности. М. : Пробел-2000, 2015. С. 3–39.
13. Панарин А. С. Православная цивилизация. М. : Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.
14. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 270 с.

REFERENCES

1. Panarin A.S. [Russian Culture Facing the Challenge of Postmodernism]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2005. (In Russ.)

2. Poelueva L.A. Russian Civilization Facing the Challenge of History: On the Prospects of Current Cultural Strategies. *Voprosy kulturologii*. 2017;(2):29–34. (In Russ., abstract in Eng.)
3. Stepin V.S. [Civilization and Culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of the Humanities and Social Sciences; 2011. (In Russ.)
4. Lotman Yu.M. [Culture and Information]. In: *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ.; 2000. p. 393–394. (In Russ.)
5. Rakitov A.I. [A New Approach to the Relationship between History, Information, and Culture: The Example of Russia]. *Voprosy Filosofii*. 1994;(4):14–34. (In Russ.)
6. Indrikov A.A. Monumental Language of Culture: Codes of the Glorious Future. *Noospheric Studies*. 2016;(1–2):61–68. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://glonoos.com/wp-content/uploads/Indrikov_2016_1-2.pdf (accessed: 12.12.2024).
7. Bakhtin M.M. [Answer to the Question from the Editors of *Novyi Mir*]. In: Bakhtin M.M. [Collected Works]: in 7 vol. Vol. 6. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury; 2002. p. 451–457. (In Russ.)
8. Anderson B. [Imagined Communities. Reflections on the Origins and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo Pole Publ.; 2016. (In Russ.)
9. Sukhodolov A.P., Bychkova A.M., Ovanesyana S.S. Journalism with Artificial Intelligence. *Issues of Theory and Practice of Journalism*. 2019;8(4):647–667. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(4\)](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(4)).
10. Tsymbursky V.L. [Ostrov Rossiya: Geopolitical and Chronopolitical Works]. 1993–2006. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2007. (In Russ.)
11. Berdyaev N.A. [The Origin and Meaning of Russian Communism]. Moscow: Nauka; 1990. (In Russ.)
12. Shchipkov A.V. [Theft of Russian Identity]. In: Shchipkov A.V. [The Execution Block. 1917–2017. A Collection of Articles on Russian Identity]. Moscow: Probel-2000 Publ.; 2015. p. 3–39. (In Russ.)
13. Panarin A.S. [Orthodox Civilization]. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2014. (In Russ.)
14. Panarin A.S. Global Political Forecasting in the Context of Strategic Instability. Moscow: Editorial URSS; 1999. (In Russ.)

Об авторе

Поелуева Любовь Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и социальной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9746-7455>,
SPIN-код: 6002-2630,
e-mail: la_poeluewa@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 23.01.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 14.04.2025.

About the author

Lyubov A. Poeluyeva, Dr.Sci. (Philos.), Associate Professor, Professor in the Chair of Culturology and Social Communication, Russian Academy of National Economy and Public Administration Services under the President of the Russian Federation (82 Prospekt Vernadskogo, Moscow 119571, Russian Federation)
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9746-7455>,
SPIN-code: 6002-2630,
e-mail: la_poeluewa@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 23.01.2025; revised 09.04.2025; accepted 14.04.2025.

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ / THEORY AND PHILOSOPHY OF CULTURE

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.016-026>

EDN: <https://elibrary.ru/bdyqrc>

УДК / UDC 130.2:82-31

Камертон философии культуры: история экранизаций романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен»

Э. А. Радаева

Самарский государственный социально-педагогический университет,
г. Самара, Российская Федерация
ellrad@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения проблемы перевода на язык кинематографа классики мировой литературы и связанной с ней проблемы разграничения понятий «экранизация», «фильм, созданный по мотивам», «режиссерская версия классического текста». В статье исследуются три экранные версии романа Э. М. Ремарка «На западном фронте без перемен» (1929): «На Западном фронте без перемен» (1930; реж. Льюис Майлстоун, США); «На Западном фронте без перемен» (1979, реж. Делберт Манн, США); «На Западном фронте без перемен» (2022, реж. Эдвард Бергер, Германия). Цель исследования – установление обоснованности классификации указанных фильмов как экранизаций, анализ историко-культурных, социополитических и эстетических факторов их успешности в конкретных исторических контекстах, а также оценка последствий режиссерской интерпретации исходного материала для рецепции аудиторией и трансформации культурного канона.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили роман Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» и три его экранные воплощения. Методология исследования – главным образом, рефлексия в парадигме феномено-

© Радаева Э. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

логии интермедиальности. Автор использует интегративный и системно-культурологический подходы, историко-ситуационный принцип (позволяющий проанализировать особенности культурной среды функционирования современной кинопродукции), методы сравнительно-исторического (для выявления общего и специфического в развитии кинематографа на определенном этапе общественной жизни) и культурно-исторического (для определения специфики ценностных ориентаций человека и общества в современных социокультурных условиях) анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Наибольшую симпатию публики вызвала самая поздняя «экранизация» романа Э. М. Ремарка, максимально отдаленная, по сравнению с предыдущими, от исходного материала. Это приводит к определенным выводам философско-эстетического (о судьбе реализма в искусстве), аксиологического, этического, а также социально-педагогического характера: экспрессионистское мировидение начала прошлого века закономерно теряет актуальность в 1970-х гг.; миллениум же, когда постмодернистское мышление все дальше уводит нас от исторической правды, заменяет психологизм экшеном, богатую внутреннюю жизнь героев – внешней событийностью в парадигме триллера. Автор обеспокоен наблюдаемой у нынешнего поколения тенденцией знакомиться с реальными историческими событиями (ставшими первопричиной этики и эстетики «потерянного поколения») через призму «осмысления осмысленного», т. е. через призму современного режиссерского видения литературного произведения, отразившего духовную культуру «потерянного поколения».

Заключение. Статья вносит вклад в изучение проблемы интермедиальности, в частности, перевода литературных произведений на язык кино, а также влияния различных версий «экранизации» классики на общественное сознание.

Ключевые слова: Э. М. Ремарк, «На Западном фронте без перемен», экранизация литературных произведений, Льюис Майлстоун, Делберт Манн, Эдвард Бергер

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Радаева Э. А. Камертон философии культуры: история экранизаций романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» // Бахтинский вестник. 2025. Т. 7, № 1. С. 16–26. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.016-026>

Tuning Fork of the Philosophy of Culture: History of Film Adaptations of E. M. Remarque's Novel "All Quiet on the Western Front"

E. A. Radayeva

Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russian Federation
ellrad@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is due to the need to discuss the problem of translating world literature classics into the language of cinema and of the related problem of distinguishing between the concepts of "screen adaptation", "film based on", "and director's version of a classic text". The article examines three screen versions of E. M. Remarque's novel "All Quiet on the Western Front" (1929): "All Quiet on the Western Front" (1930, directed by Lewis Milestone, USA); "All Quiet on the Western Front" (1979, directed by Delbert Mann, USA); "All Quiet on the Western Front" (2022, directed

by Edward Berger, Germany). Objectives of the study: to find out how legitimate it is to call the above films screen adaptations

Materials and Methods. The material of the study was E. M. Remarque's novel "All Quiet on the Western Front" and its three screen incarnations. The research methodology is mainly reflection in the paradigm of phenomenology of intermediality. The author uses integrative and systemic-cultural approaches, historical-situational principle (which allows analyzing the peculiarities of the cultural environment of modern film production), methods of comparative-historical and cultural-historical analysis.

Result and Discussion. The greatest sympathy of the public was aroused by the latest "screen adaptation" of E. M. Remarque's novel, which is as far removed from the source material as possible in comparison with the previous ones. This leads to certain conclusions of philosophical and aesthetic (about the fate of realism in art), axiological, ethical, as well as socio-pedagogical nature: the expressionist worldview of the beginning of the last century naturally loses its relevance in the 1970s; the millennium, when postmodern thinking takes us further and further away from historical truth, replaces psychologism with action, the rich inner life of heroes with external events in the paradigm of the thriller. The author is concerned about the tendency of the present generation to familiarize itself with real historical events (which became the root cause of the ethics and aesthetics of the "lost generation") through the prism of "comprehension of the comprehended", i.e. through the prism of modern directors' vision of a literary work reflecting the spiritual culture of the "lost generation".

Discussion and Conclusion. The article contributes to the study of the problem of intermediality, in particular, the translation of literary works into the language of cinema, as well as the influence of various versions of the "screen adaptation" of classics on public consciousness. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results in developing special courses for students studying world artistic culture.

Keywords: E.M. Remarque, "All Quiet on the Western Front", film adaptation of fiction, Lewis Milestone, Delbert Mann, Edward Berger

Conflict of interests: The authors declare no conflict of interests.

For citation: Radayeva E.A. Tuning Fork of the Philosophy of Culture: History of Film Adaptations of E. M. Remarque's Novel "All Quiet on the Western Front". *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2025;7(1):16–26. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.016-026>

Введение

М. М. Бахтин в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» подчеркивал: «По отношению к материалу задание художника, обусловленное основным художественным заданием, можно выразить как преодоление материала» [1]. Интермедальность именно в рамках современной культуры вызывает в этой связи мысль о том, что остается от исходного материала в результате его многочисленных и многоаспектных «преодолений».

Поводом к данному исследованию послужил выход в 2022 г. фильма «На Западном фронте без перемен», который вызвал ажиотаж и снискал немало премий. Во всех обозримых справочных источниках он опрометчиво называется «экранизацией», тогда как людям, не понаслышке знакомым с романом, трудно было бы назвать этот фильм даже снятым «по мотивам», ввиду того, что от послужившего основой одноименного текста Э. М. Ремарка там не осталось ничего. Это сподвигло заново обратиться к вышедшему около ста лет назад роману «На Западном фронте без перемен» ("Im Westen nichts Neues", 1928–1929) и двум его экраниза-

циям в XX в. Поэтому настоящая статья посвящена не столько герменевтике литературного текста, сколько герменевтике его прочтений, в которых отчетливо видны сигнатуры культурных эпох.

Мы обнаруживаем часто встречающуюся ситуацию, когда режиссеры из коммерческих соображений стараются адаптировать (а вернее – «кастрировать») глубокую немецкую философию для массового кинопотребителя. Так, например, было с экранизацией романа «Парфюмер. История одного убийцы» П. Зюскинда (реж. Т. Тыквер, 2006). То же происходит и с романом Э. М. Ремарка: XXI в. не оставил ничего от «литературы потерянного поколения», сведя всю историю к тривиальному экшену.

По определению Д. Крото и У. Хойнза, экшен – жанр кинематографа, в котором основное внимание уделяется перестрелкам, дракам, погоням и т. д. Боевики часто обладают высоким бюджетом, изобилуют каскадерскими трюками и спецэффектами. Большинство боевиков иллюстрируют известный тезис «добро должно быть с кулаками». Фильмы этого жанра зачастую не обладают сложным сюжетом, главный герой обычно сталкивается со злом в самом очевидном его проявлении: терроризм, похищение, убийство, коррупция, несправедливость. Не находя иного выхода, главный герой решает прибегнуть к насилию. В развязке фильма отрицательные персонажи обычно оказываются убитыми, реже арестованными. Число убитых отрицательных персонажей и их пособников может достигать десятков и даже сотен. Считается, что популяризация так называемой «эстетики насилия» во многом обязана таким лентам. Фильмы, посвященные боевым искусствам, обычно рассматриваются как поджанр боевика [2, с. 174].

Автор ставит следующие цели: 1) выработав подходы к разграничению понятий «экранизация», «фильм, созданный по мотивам», «режиссерская версия классического текста», выяснить, насколько правомерным является применение по отношению к вышеуказанным фильмам термина «экранизация»; 2) определить причины успеха или неуспеха каждого из данных фильмов в том или ином культурно-историческом контексте, обозначив возможные последствия современных режиссерских трактовок романа.

Материалы и методы

Материалом исследования послужил текст романа Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» и три его так называемых «экранизации». «Лакмусовой бумажкой» духовно-интеллектуальных запросов общества на протяжении почти столетия (временная дистанция между каждой из «экранизаций» – около 50 лет) служит факт присужденных каждому из них премий:

1. «На Западном фронте без перемен» (1930), реж. Л. Майлстоун (США). Фильм получил два «Оскара»: за лучший фильм и за лучшую режиссуру.

2. «На Западном фронте без перемен» (1979), реж. Д. Манн (США). Фильм не получил премий.

3. «На Западном фронте без перемен» (2022), реж. Э. Бергер (Германия) – первая экранизация романа на немецком языке. Мировая премьера фильма состоялась на платформе Netflix 28 октября 2022 г. Фильм получил четыре «Оскара» (номинации: «Лучший иностранный художественный фильм»; «Лучшая музыка к фильму»; «Лучшая операторская работа»; «Лучшая работа художника»); «BAFTA» (номинации: «Лучший фильм»; «Лучший неанглоязычный фильм»; «Лучшая режиссерская работа»; «Лучший адаптированный сценарий»; «Лучшая музыка к фильму»; «Лучшая операторская работа»; «Лучший звук»). Фильм номинировался также на «Золотой глобус» как лучший фильм на иностранном языке.

Методология исследования – главным образом, рефлексия в парадигме феноменологии интермедиальности. Кроме того, как и в предыдущих работах [3–5], так или иначе посвященных киноискусству, автор прибегает к интегративному

и системно-культурологическому подходу, применяя сравнительно-исторический метод (выявляя общее и специфическое в развитии кинематографа на определенном этапе общественной жизни). Также используются историко-ситуационный принцип (при анализе особенностей культурной среды функционирования современной кинопродукции) и культурно-исторический анализ (при определении специфики ценностных ориентаций человека и общества в современных социокультурных условиях).

Результаты исследования и их обсуждение

С объективной точки зрения (т. е. текстуально) самым близким к тексту Э. М. Ремарка оказался фильм 1979 г., не получивший ни одной премии.

Роман Э. М. Ремарка можно назвать философско-психологическим (не социальным). Несмотря на то, что каждый герой – представитель какой-либо профессии, с этой точки зрения никто из персонажей в романе не раскрыт: ни как лесничий, ни как будущий ученый, ни как будущий фермер или военный, или писатель, поэт, художник. Об их планах на жизнь после войны лишь в самом начале упоминается вскользь. Акцент автором романа делался на том, кем они могли бы стать, кем мечтали стать когда-то, однако все эти вчерашние школьники стали прагматичными, нередко циничными солдатами и «пушечным мясом». Поэтому произведение стало классическим образцом литературы «потерянного поколения».

Если обратиться к самой первой экранизации романа «На Западном фронте без перемен», то здесь важно отметить, что режиссер Л. Маайлстоун был специалистом в области комедийного кино, военной тематики и фильмов-нуар. В экспрессионистском (нуарном) ключе и был подан роман – вплоть до декораций в духе немецкого экспрессионизма, вычурной игры актеров, буффонады и проч. В этом же фильме мы наблюдаем и выделенную Ж. Делезом «тенденцию экспрессионистской оптики» (некоторым режиссерам, и экспрессионистам, и неэкспрессионистам, присущи обе): «Наступает час, когда уже невозможно отличить зарю от сумерек, воздух от воды, а воду от земли во всеобщем хаосе болота или бури» [6, с. 56]. Здесь части различаются и соединяются по степени смешанности при непрерывной трансформации их смыслов.

За оригинальность такой подачи Л. Маайлстоун получил престижную премию в двух номинациях.

Неуспех фильма 1979 г. у широкого зрителя связан, возможно, с тем, что совсем незадолго до выхода этой ленты закончилась война во Вьетнаме (1975 г.), и американское общество «устало» от темы войны. Однако режиссера Д. Манна всегда интересовала социальная тема, тема «маленького человека», и ему чаще удавались мелодрамы. Режиссер был реалистом, реализм Э. М. Ремарка в его классической форме и был воплощен на экране. Правда, здесь присутствуют и элементы мета-фильма, о котором говорил Ю. М. Лотман применительно к Феллини: стремление к «фильму о фильме, анализирующее самое понятие правды» [7, с. 29]. Так, роман Ремарка заканчивается сухой сводкой о гибели главного героя – Пауля Боймера:

“Er fiel im Oktober 1918, an einem Tage, der so ruhig und still war an der ganzen Front, daß der Heeresbericht sich nur auf den Satz beschränkte, im Westen sei nichts Neues zu melden. Er war vornübergesunken und lag wie schlafend an der Erde. Als man ihn umdrehte, sah man, daß er sich nicht lange gequält haben konnte; – sein Gesicht hatte einen so gefaßten Ausdruck, als wäre er beinahe zufrieden damit, daß es so gekommen war”.¹ // «Он был убит в октябре 1918 года, в один из тех дней, когда на всем фронте было так тихо и спокойно, что военные сводки состояли из одной только фразы: «На Западном фронте

¹ Remarque E.M. Im Westen nichts Neues. KiWi-Taschenbuch, 1959. 224 p. URL: https://royallib.com/read/Remarque_Erich/Im_Westen_nichts_Neues.html#0 (дата обращения: 02.08.2024). Далее цитаты из романа на немецком языке приводятся по этому изданию.

без перемен»². Он упал лицом вперед и лежал в позе спящего. Когда его перевернули, стало видно, что он, должно быть, недолго мучился, – на лице у него было такое спокойное выражение, словно он был даже доволен тем, что все кончилось именно так»

Этот фрагмент следует сразу после внутреннего монолога Пауля Боймера и, с точки зрения нарратива, закрывает вопрос о самой возможности жизнеутверждающего пафоса романа:

“Aber vielleicht ist auch alles dieses, was ich denke, nur Schwermut und Bestürzung, die fortstäubt, wenn ich wieder unter den Pappeln stehe und dem Rauschen ihrer Blätter lausche. Es kann nicht sein, daß es fort ist, das Weiche, das unser Blut unruhig machte... Ich stehe auf. Ich bin sehr ruhig. Mögen die Monate und Jahre kommen, sie nehmen mir nichts mehr, sie können mir nichts mehr nehmen. Ich bin so allein und so ohne Erwartung, daß ich ihnen entgegensehen kann ohne Furcht. Das Leben, das mich durch diese Jahre trug, ist noch in meinen Händen und Augen. Ob ich es überwunden habe, weiß ich nicht. Aber solange es da ist, wird es sich seinen Weg suchen, mag dieses, das in mir»Ich«sagt, wollen oder nicht”. // «А может, все, о чем я сейчас думаю, просто навеяно тоской и смятением, которые разлетятся во прах, лишь только я вновь приду под тополи, чтобы послушать шелест их листвы. Не может быть, чтобы все это ушло навсегда, – теплое, нежное дыхание жизни, волновавшее нам кровь... Я встаю. Я очень спокоен. Пусть приходят месяцы и годы, – они уже ничего у меня не отнимут, они уже ничего не смогут у меня отнять. Я так одинок и так разучился ожидать чего-либо от жизни, что могу без боязни смотреть им навстречу. Жизнь, пронесшая меня сквозь эти годы, еще живет в моих руках и глазах. Я не знаю, преодолел ли я то, что мне довелось пережить. Но пока я жив, жизнь проложит себе путь, хочет того или не хочет это нечто, живущее во мне и называемое “я”».

Все кончилось для «я» главного героя – жизнь «не проложила себе путь» и не смогла бы ее проложить в той цивилизации, в которой поколению Пауля довелось родиться и вырасти.

Режиссер экранизации 1930 г. немного изменил финал истории: Пауль, лежа в окопе, потянулся рукой к птичке, севшей рядом с ним – и получил выстрел снайпера. Фильм заканчивается кадром, где падает обмякшая рука.

К этому эпизоду из фильма 1930 г. обращается и автор второй экранизации (1979 г.): завидев птицу на обломке разрушенного снарядом дерева, Пауль спешно достает лист бумаги и карандаш, пытаясь ее нарисовать (он и до войны много рисовал). Невольно вытянувшись, чтобы лучше разглядеть птицу, герой получает пулю от снайпера. Так обоими режиссерами делается акцент на том, что герой остается художником, несмотря на все ужасы войны, через которые он прошел.

Кроме того, экранизация 1930 г. использует прием контраста, следуя за Э. М. Ремарком: пафосные пропагандистские речи, сподвигшие молодых людей на добровольное участие в Первой мировой войне, возвания к «железной молодежи» учителя Канторека чередуются с тем, что реально происходит на фронте: солдаты зевают, стоя у кухни, их разговоры чаще носят сугубо гастро-бытовой характер: «Эта войнушка была бы не такой скучной, если бы можно было больше спать... и больше жрать».

Немец Э. М. Ремарк рассуждает о том, что предшествовало войне, что стало причиной того, что его друзья стали пушечным мясом и какова подоплека: ЗА ЧТО умирают люди? И не находит ответа. Режиссеры делают акцент на том, как много погибает людей, Ремарк – на том, как много бессмысленности в этой войне: например, строевая подготовка, которая была сведена к бездумной муштре и которая не пригодилась в военных действиях.

² Ремарк Э. М. На западном фронте без перемен / пер. с нем. Ю. Н. Афонькина. М. : Изд-во «Правда», 1985. 573 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/0/001/003/306/002.htm> (дата обращения: 02.08.2024). Далее цитаты из романа на русском языке приводятся по этому изданию.

Всего этого нет в третьей «экранизации» (2022 г.). Режиссер исключает большую часть романских героев, заменяя их теми, кого у Э. М. Ремарка нет. Так, в фильме сохранены Пауль (Феликс Каммерер), Тьяден, Кат и Альберт Кропп из романа и появляются Маттиас Эрцбергер, генерал Фридрих, майор фон Брикسدорф.

Обратимся к сюжету фильма 2022 г. (для сравнения с сюжетом романа): 7 ноября 1918 г. немецкий статс-секретарь Маттиас Эрцбергер, уставший от растущих потерь армии, встречается с верховным командованием Германии, чтобы убедить его начать переговоры о перемирии. На второй день после этого генерал Фридрихс подвозит Эрцбергера и немецкую делегацию к поезду, отправляющемуся в Компьенский лес для переговоров с союзниками о прекращении огня. Пауль и его друзья идут на поиски 60 пропавших новобранцев, присланных для усиления их подразделения, и обнаруживают, что те погибли от ядовитого газа, по неопытности слишком рано сняв маски. Фридрихс, который выступает против переговоров, отдает приказ атаковать до прибытия французского подкрепления. Ночью делегация Эрцбергера прибывает в Компьенский лес, а полк Пауля отправляется на фронт, чтобы подготовиться к атаке на французов. Утром 10 ноября Фердинанд Фох, верховный главнокомандующий союзников, дает немцам 72 часа на принятие условий союзников без возможности переговоров. Тем временем немцы после рукопашных боев захватили французскую линию обороны, но были вынуждены отступить после контратаки объединенных сил с использованием танков Сен-Шамон, самолетов и огнеметов. Франц отделяется от группы, а Альберт погибает при попытке сдаться в плен. Пауль загнан в воронку от бомбы на нейтральной территории вместе с французским солдатом, которого смертельно ранит. Пауль вынужден наблюдать за его мучительной смертью, раскаиваясь и прося прощения. Эрцбергер узнает об отречении кайзера Вильгельма II от престола и вечером получает от фельд-маршала Пауля фон Гинденбурга приказ принять условия союзников.

В итоге из жизни солдат, которая занимает большую часть произведения Э. М. Ремарка, взяты лишь два эпизода: первый – Пауль и Кат крадут гуся с фермы и делят трапезу с Альбертом, Францем и Тьяденом Стакфлетом; второй – Франц проводит ночь с француженкой и берет в качестве сувенира ее шарф.

Из разворачивающейся в романе Э. М. Ремарка философии «потерянного поколения» остался только один проходной эпизод: неграмотный Станислаус заставляет Поля прочитать ему письмо от жены и беспокоится, что не сможет вернуться к мирной жизни.

В фильме нет ни Канторека, ни Химмельштоса – первопричины всех смертей в романе.

«Ведь Канторекы были тысячи, и все они были убеждены, что таким образом они творят благое дело, не очень утруждая при этом себя. Но это именно и делает их в наших глазах банкротами. <...> Первый же артиллерийский обстрел раскрыл перед нами наше заблуждение, и под этим огнем рухнуло то мировоззрение, которое они нам прививали. Они все еще писали статьи и произносили речи, а мы уже видели лазареты и умирающих; они все еще твердили, что нет ничего выше, чем служение государству, а мы уже знали, что страх смерти сильнее. От этого никто из нас не стал ни бунтовщиком, ни дезертиром, ни трусом (они ведь так легко бросались этими словами): мы любили родину не меньше, чем они, и ни разу не дрогнули, идя в атаку; но теперь мы кое-что поняли, мы словно вдруг прозрели. И мы увидели, что от их мира ничего не осталось».

Ужасы войны у Ремарка – в лазаретах, и автор не скупится на натуралистические детали, сопровождая их онтологическими размышлениями:

«Этажом ниже лежат раненные в живот, в позвоночник, в голову и с ампутацией обеих рук или ног. В правом крыле – люди с раздробленными челюстями, отравленные газом, раненные в нос, уши и глотку. <...> Лишь здесь видишь наглядно, насколько уязвимо человеческое тело. Двое раненых умирают от столбняка. <...>

У некоторых перебитая рука или нога подвязана на шнурке и висит в воздухе, словно вздернутая на виселице. <...> Я вижу людей с распоротыми кишками, в которых постоянно скапливается кал <...>. Кажется непостижимым, что к этим изодранным в клочья телам приставлены человеческие лица, еще живущие обычной, повседневной жизнью <...>. До какой же степени лжива и никчемна наша тысячелетняя цивилизация, если она даже не смогла предотвратить эти потоки крови, если она допустила, чтобы на свете существовали сотни тысяч таких вот застенков. Лишь в лазарете видишь воочию, что такое война».

Ужасы войны у режиссеров – на самой войне, непосредственно в рамках боевых действий, не более.

Нет в фильмах сцены с ботинками – одной из фундаментальных в книге, когда друзья умирающего в лазарете солдата думают о том, как попросить его отдать им ботинки, которые ему уже не понадобятся – и ужасаются своим же мыслям.

Писатель XX столетия Э. М. Ремарк делал ставку на психологизм: «Проходит час. Я сижу возле него и напряженно слежу за выражением его лица, – быть может, он захочет еще что-нибудь сказать. Ах, если бы он открыл рот и закричал! Но он только плачет, отвернувшись к стене. Он не говорит о матери, братьях или сестрах, он вообще ничего не говорит, это для него, как видно, уже позади; теперь он остался наедине со своей коротенькой, девятнадцатилетней жизнью и плачет, потому что она уходит от него. Никогда я больше не видел, чтобы кто-нибудь прощался с жизнью так трудно, с таким безудержным отчаяньем...».

Ничего этого нет в фильме 2022 г. Современный режиссер делает ставку на трэш³, на зрелищность, превращая текст «потерянного поколения» в экшен.

Успех фильма 2022 г., который ничего не оставил от философии Э. М. Ремарка, вероятно, обусловлен современной геополитической ситуацией: протестом международного сообщества против СВО на Украине. Фильм снимался в 2021 г., до начала военной операции, но поток премий он снискал именно в 2022–2023 гг.

Обратим также внимание на афиши каждой из рассматриваемых здесь экранизаций (рис. 1–3). Афиша фильма 1930 г. (рис. 1) выполнена в экспрессионистской изобразительной манере: темный, мрачный фон, акцент на одном объекте (лицо солдата) и одной эмоции на его лице.

На афише фильма 1979 г. (рис. 2) запечатлена столь характерная для творчества Э. М. Ремарка идея братства, нерушимого товарищества людей, которых объединила война.

Искусство кино не принято считать «бесплатным приложением» к литературному тексту. По словам Ж. Делеза, «само кино представляет собой

Рис. 1. Афиша фильма «На Западном фронте без перемен» (1930 г.)

Fig. 1. Poster for the film "All Quiet on the Western Front" (1930)

Источник: <https://www.kinopoisk.ru/film/460/>

Source: <https://www.kinopoisk.ru/film/460/>

³ Трэш (от англ. trash – «мусор», «хлам», «отбросы») – направление в современном искусстве; зародилось в Германии в 1980-х гг. В фильмах такой стилистики нарочито много кровопролитных сцен, в музыке – громкий хрипящий вокал и агрессивные гитарные соло.

новую практику образов и знаков, а философия должна создать теорию последней как концептуальную практику. Ибо никакой детерминации, ни технической, ни прикладной (психоанализ, лингвистика), ни рефлексивной, недостаточно для того, чтобы сформировать концепты самого кино» [6, с. 615]. Режиссерское видение снимает все табу при интерпретации чего бы то ни было. В данном исследовании затронута лишь этическая проблема наименования продукта кинематографического творчества: «экранизация» или «по мотивам». Эти понятия должны определять подходы режиссера к работе с материалом художественного произведения. Однако рассматриваемая история так называемых «экранизаций» подчас выводит нас и на ряд иных концептуальных проблем.

Во-первых, проблемы философско-эстетического характера. Э. М. Ремарк в своем произведении художественно осмысливает события Первой мировой войны. Режиссеры – создатели «экранизаций» – дают «осмысление осмысления» этого эпохального события, если они ссылаются (хотя бы названием своего продукта) на роман Ремарка. В итоге в фильме теряется историческая правда о войне и ее последствиях («потерянное поколение» – это не только течение в литературе, но и факт духовной культуры общества определенного периода). Уход от исторической правды связан также с особенностями постмодернистского сознания и, как следствие, со скепсисом по отношению к реальности: «Когда критическое отношение к <...> следам прошлого перерастает в оторванный от повседневной методологической работы скепсис, расчищается место для их внеисторических интерпретаций. Историческая наука вырождается в таком случае в псевдонауку или трансформируется в идеологию» [8, с. 438].

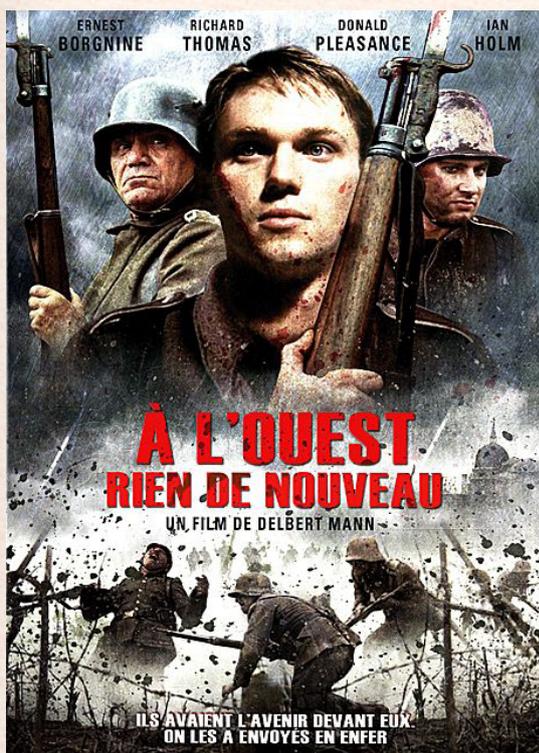

Рис. 2. Афиша фильма «На Западном фронте без перемен» (1979)

Fig. 2. Poster for the film "All Quiet on the Western Front" (1979)

Источник: https://www.senscritique.com/film/a_l_ouest_rien_de_nouveau/8336334
Source: https://www.senscritique.com/film/a_l_ouest_rien_de_nouveau/8336334

Рис. 3. Афиша фильма «На Западном фронте без перемен» (2022)

Fig. 3. Poster for the film "All Quiet on the Western Front" (2022)

Источник: <https://www.kinopoisk.ru/picture/3998224/>
Source: <https://www.kinopoisk.ru/picture/3998224/>

Во-вторых, проблемы аксиологического характера. Богатая внутренняя жизнь героя уступает место внешней событийности, лихо закрученному сюжету, интриге, психологизм – экшену.

В-третьих, проблемы социально-педагогического характера: проблемы методики преподавания мировой литературы (учитывая столь популярную в настоящее время призму интермедиального аспекта в изучении этой (и не только) дисциплины). Если студенты и школьники («зумеры» и поколение «альфа», которым свойственно экономить время на чтении книг и отдавать предпочтение их киноверсиям) ознакомятся с романом Э. М. Ремарка исключительно через «экранизацию» 2022 г, то идейный комплекс текста немецкого классика XX в. они даже отдаленно не познают.

Заключение

Таким образом, история киноверсий одной книги в очередной раз становится лакмусовой бумажкой духовной жизни общества, его культурных запросов и эстетических вкусов.

Материалы статьи могут вызвать интерес ученых и практиков системы образования к проблемам интермедиальности, в частности, перевода произведений художественной литературы на язык кино, а также влияния различных киноверсий литературной классики на общественное сознание. Результаты исследования могут быть использованы при разработке специальных курсов для студентов, изучающих мировую художественную культуру, историю кино. Его выводы также могут применяться в практике анализа киноверсий мировой литературной классики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. М. : Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. С. 69–263.
2. Croteau D., Hoynes W. Media/Society: Industries, Images, and Audiences. Thousand Oaks, Calif. : Pine Forge Press, 2003. 409 p.
3. Радаева Э. А. Образы Второй мировой войны в современном кино жанра хоррор: коды культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2024. Т. 26, № 4 (97). С. 109–119. URL: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia_hum/2024/2024_4_109_119.pdf (дата обращения: 25.12.2024).
4. Радаева Э. А. Обыватель в фокусе современных европейских ценностей (на примере творчества Ф. Бакмана) // Концепт: философия, религия, культура. 2024. Т. 8, № 4. С. 108–121. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-4-32-108-121>
5. Радаева Э. А. Эйдос нацистской Германии в современном зарубежном кино жанра хоррор: проблема классификации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2024. Т. 26, № 5 (98). С. 106–114. <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2024-26-98-106-114>
6. Делез Ж. Кино / пер. с фр. Б. Скуратов. М. : Ад Маргинем, 2019. 559 с.
7. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин : Эсти Раамат, 1973. 135 с.
8. Пружинин Б. И., Щедрина И. О. Историческая реальность и критицизм / Перспективы реализма в современной философии : сб. трудов / Ин-т философии РАН ; под ред. В. А. Лекторского. М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2018. 464 с. 1993–2006. М. : РОССПЭН, 2007. 544 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. [Author and Hero in Aesthetic Activity]. In: [Collected Works]: in 7 vols. V. 1. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kultury; 2002. (In Russ.)
2. Croteau D., Hoynes W. Media/Society: Industries, Images, and Audiences. Thousand Oaks, Calif. : Pine Forge Press, 2003.
3. Radaeva E.A. Images of World War II in Modern Horror Cinema: Codes of Culture. *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences.*

2024;26(4):109–119. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia_hum/2024/2024_4_109_119.pdf (accessed 25.12.2024).

4. Radaeva E.A. The Common Man in the Focus of Modern European Values (Based on the Works of F. Backman). *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. 2024;8(4):108–121. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2024-4-32-108-121>

5. Radaeva E.A. Eidos of Nazi Germany in Modern Foreign Horror Cinema: The Problem of Classification. *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Medical and Biological Sciences*. 2024;26(5):106–114. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2024-26-98-106-114>

6. Deleuze J. [Cinema]. Moscow: Ad Marginem; 2019. (In Russ.)

7. Lotman Yu.M. [Semiotics of Cinema and Problems of Cinema Aesthetics]. Tallinn: Eesti Raamat; 1973. (In Russ.)

8. Pruzhinin B.I., Shchedrina I.O. [Historical Reality and Criticism]. In: [Prospects of Realism in Modern Philosophy: Collection of Works]; ed. by V.A. Lektorsky. Moscow: Kanon + ROOI “Rehabilitation”; 2018. (In Russ.)

Об авторе

Радаева Элла Александровна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета (443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4209-1951>,
SPIN-код: 9361-8894,
e-mail: ellrad@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 23.01.2025; одобрена после рецензирования 09.04.2025; принята к публикации 14.04.2025.

About the author

Ella A. Radayeva, Dr.Sci. (Cult.), Associate Professor, Professor of the Chair of Literature, Journalism and Teaching Methods, Samara State University of Social Sciences and Education (65/67 M. Gorkii St., Samara 443099, Russian Federation),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4209-1951>,
SPIN-code: 9361-8894,
e-mail: ellrad@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 26.01.2025; revised 25.02.2025; accepted 07.03.2025.

ТЕОРИЯ ИСКУССТВА / THEORY OF ART

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.027-040>
EDN: <https://elibrary.ru/ksdbyp>
УДК / UDC 792.8:159.955

Пластическое мышление в хореографическом искусстве: к основам анализа и синтеза

Н. А. Догорова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация
dogorovan@rambler.ru

Аннотация

Введение. Теоретическое исследование пластического мышления в хореографическом искусстве предполагает границы его измерения как антропоизменяемого феномена и практического вида художественной деятельности человека. Поскольку важность указанной проблематики усиливается в российской и зарубежной искусствоведческой практике, данная тема становится ключевой для современных методологических исследований. Цель исследования – изучить и представить модальность пластического мышления в хореографическом искусстве через анализ и синтез прикладного искусствоведения.

Материалы и методы. В качестве теоретической опоры использовались фундаментальные труды российских и зарубежных ученых, посвященные исследованию рациональных и внерациональных оснований творчества; историко-теоретические исследования природы хореографического искусства с включением смысловых значений танцевального творчества; современные научные модели анализа тела и специфичности его функционирования в хореографии. Иконографический анализ применялся для изучения взаимосвязи

© Догорова Н. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

телесных практик с культурными и сценическими формами через движение. Формальный анализ использовался для классификации типологических сред танца (чувственная, интеллектуальная, экспериментальная и др.). Сравнительно-сопоставительный анализ проводился через сопоставление языка тела, пространства и времени в академическом и современном танце, что позволило выявить их ключевые различия и эволюцию. Историко-культурный анализ был задействован для изучения телесного опыта в танце как культурно-антропологического феномена в исторической перспективе.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование базируется на поиске новых типологических планов пластического мышления, тела и движения, а также выявлении новых когнитивных форм трансляции человеческого опыта в хореографическом искусстве с учетом комплексных подходов и междисциплинарных методических связей в философии и антропологии искусства. Анализируется пространствопонимание танца как феномен объемного смысла и структурности пластического мышления. Показано, как постепенно складывались структурно-системные образования пластического мышления в хореографическом искусстве в контексте теоретического и прикладного искусствоведения.

Заключение. Данное исследование вносит вклад в область историко-теоретических и философско-методологических основ искусствоведения. Основные части научной работы посвящены анализу роли пластического мышления в хореографическом искусстве в антропологическом аспекте. Полученные результаты могут быть полезны для исполнителей и педагогов хореографов, а также экспертов, интересующихся актуальными вопросами современного пластического театра.

Ключевые слова: пластическое мышление, хореография, язык тела, телесное пространство, когнитивные основания хореографического творчества

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Догорова Н. А. Пластическое мышление в хореографическом искусстве: к основам анализа и синтеза. // Бахтинский вестник. 2025;7(1):27–40. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.027-040>

Plastic Thinking in Choreographic Art: Towards the Basics of Analysis and Synthesis

N. A. Dogorova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation,
dogorovan@rambler.ru

Abstract

Introduction. The theoretical study of plastic thinking in choreographic art suggests the boundaries of its measurement as an anthropogenic phenomenon and a practical type of human artistic activity. Due to the growing importance of this issue in Russian and foreign art practice, this topic becomes a key for modern methodological research. The purpose of the study is to research and present the modality of plastic thinking in choreographic art through the analysis and synthesis of applied art history.

Materials and Methods. The focus of research attention is on the cognitive foundations of creativity in the art of dance, the role and functions of plastic thinking in the history of choreography. As a theoretical support, the fundamental works of Russian and foreign scientists devoted to the study of rational and extra-rational foundations of creativity

were used; historical and theoretical studies of the nature of choreographic art with the inclusion of semantic meanings of dance creativity; modern scientific models of body analysis and specificity of its functioning in choreography.

Results and Discussion. The study is based on the search for new typological plans of plastic thinking, body and movement, as well as the identification of new cognitive forms of translation of human experience in choreographic art, taking into account complex approaches and interdisciplinary methodological connections in the philosophy and anthropology of art. The spatial understanding of dance as a phenomenon of volumetric meaning and structure of plastic thinking is analyzed. It is shown how the structural and systemic formations of plastic thinking in choreographic art gradually developed in the context of theoretical and applied art history.

Conclusion. This study contributes to the field of historical, theoretical and philosophical-methodological foundations of art history. The main part of the scientific work is the analysis of the role of plastic thinking in choreographic art in the anthropological aspect. The materials obtained can be useful for performers, teachers, choreographers and dance artists, as well as experts interested in topical issues of modern plastic theater.

Keywords: plastic thinking, choreography, body language, bodily space, cognitive foundations of choreographic creativity

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Dogorova N.A. Plastic Thinking in Choreographic Art: Towards the Basics of Analysis and Synthesis. *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2025;7(1)27–40. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.027-040>

Введение

Современный искусствоведческий дискурс заключается в диалоге хореографии и искусствоведения, который выстраивается в сближении научных методов изучения текстуальных пространств в культурологии, философии и антропологии искусства с естественнонаучным поиском и семиотическим подходом (А. Бергсон [1], В. В. Зеньковский [2], А. А. Потебня [3], Г. Г. Шпет [4]; М. М. Бахтин [5], М. С. Каган [6], Г. Е. Крейдлин [7], К. Леви-Стросс [8], А. Ф. Лосев [9], Ю. А. Лотман [10], А. Ю. Шеманов [11] и др.), а также с феноменологическими концепциями, принципами и методами в исследовании искусства (Э. Гуссерль [12] – формализованный опыт и его живое значение, Ж. Деррида [13] – деконструкция языка по отношению к мыслительному процессу и содержанию текста; М. Хайдеггер [14] – акт видения – сущность в созерцаемом объекте, трансцендентальные аспекты бытия и др.). Это качественно расширяет границы искусствоведения, поскольку становится возможным включение в поле исследования пластического мышления аналитических методов анализа и синтеза, когнитивных трансформаций и экзистенциальных механизмов творческого процесса из разных областей и видовых сред танца.

В чем состоит неоднозначность теоретизирования пластического мышления в хореографическом искусстве? Известно, что мышление – это нейронный процесс, осуществляемый благодаря непрерывной деятельности клеточной системы головного мозга. Автор не ставит своей целью проникновение в главный регулирующий орган человеческого тела и не пытается выяснить, как устроены те или иные механизмы мышления в коре головного мозга при помощи методологических установок и предпосылок научной мысли. Важно уловить акцентность в языке тела и то, как она смещается в мышлении формы: от внутреннего и невидимого к явленному и разум-

ному в теории предмета. Наконец, пластическое мышление в хореографическом искусстве – это физическое или структурное пространство творчества.

В исследовании аналитических характеристик пластического мышления в хореографии до сих пор отсутствует четкая методологическая конструкция поиска, анализа и синтеза. Это порождает некий тематический разброс и область пограничных состояний внутри отдельных хореографических и этнохореологических исследований (социокультурные формы происхождения хореографии, законы балетмейстерского творчества, специфика исполнительской техники танца, выразительные особенности воплощения языка тела как фактор коммуникативного процесса, феноменология этнотанца как воплощение творческого духа и мифологического мышления определенного этноса и др.). Безусловно, культурно-антропологическая целостность пластического мышления видится в разнообразии всех вышеперечисленных сторон предмета, но ее фундамент обеспечивают открытые возможности созерцательного акта познания и самосознания, а не готовые ресурсы альтернативной творческой деятельности.

Материалы и методы

Объектом исследования выступает пластическое мышление, которое предстает одновременно как функция и инструмент познания, модальность и процессуальность пространствопонимания танца. Учитывая то, что именно этот ракурс проблематики недостаточно полно разработан и освещен в теории российского искусствоведения, автор статьи выделяет его в качестве единой методологической линии поиска, анализа и синтеза. Это означает, что культурно-антропологические аспекты пластического мышления объединяются в структуре когнитивной деятельности, поскольку пластическое мышление вбирает в себя все когнитивные ресурсы человека: от интуитивного ритмомышления и биологических форм созерцания окружающего мира до наукоемких (философско-методологических) оснований творчества с включением архитектурных конструкций, уникальных смысловых структур и сугубо точных словообразований пространства-времени танца.

Основные методы исследования: иконографический анализ (для идентификации антропологических признаков мышления в структуре человеческой деятельности через анализ и синтез движения с культурными и сценическими формами преобразования языка тела); формальный анализ (для раскрытия разнообразных типологических сред танца: чувственной, физической, интеллектуальной, ментальной, экспериментальной, лабораторной); сравнительно-сопоставительный анализ (при сравнении языка тела, организации пространства и времени в аспекте специфичности академической и современной культуры танца, что помогает выявить их особенности и эволюцию), историко-культурный анализ (исследование телесного опыта танцующего как культурно-антропологической проблематики в разные исторические эпохи позволяет понять, как телесные практики менялись в зависимости от культурных, ментальных и исторических контекстов, раскрывая антропологические свойства танцевального искусства).

Результаты исследования и их обсуждение

Сегодня появляются новые смысловые и культурные формы интеллектуальной и телесной человеческой деятельности, которые диктуют и качественно новые представления анализа и синтеза; возникают современные направления в философии и психологии искусства – нейрофилософия и нейрофеноменология, нейропсихология и нейрофизиология. Эта тонкая настройка неизбежно проникает в осмысление творческих пространств, в том числе влияя на когнитивную деятельность в искусстве. Вполне возможно, что этот путь станет предметной проекцией исследования и в хореографии. Процессы обнаружения и считывания механизмов нейронных связей в поле пластического мышления, движения и тела (образующие суть феномена хореографического

творчества) действительно смогут быть отражены в теоретико-прикладной отрасли искусствоведения как смысловые измерения когнитивного функционирования мира человеческой жизни.

Поэтому есть, как минимум, две причины, указывающие на сложность изучения феномена пластического мышления в теории хореографического искусства. Первая – нераспознаваемые механизмы деятельности человеческого мозга, вторая – обнаружение их взаимосвязи (изучение роли памяти, воображения и чувствования) с телесной обусловленностью физического действия.

Именно отсюда в искусствоведении тянется ниточка чрезвычайно узкого понимания пластического мышления как феномена коммуникации, скрытого от комплексного научного анализа и представлений о нем. Исключение составляют филологический и музыковедческий подходы к изложению смыслов в хореографии. С другой стороны, хореографическое искусство имеет свои собственные опоры в основах мышления [15], а значит, инструменты пространствопонимания танца – это архитектоника внутреннего и внешнего строения тела, создание формы движения и пространства, движение мысли в пространстве, физическая и духовная энергия тела и т. д.

Соответственно будет изначально правильным найти «меру»: что изучается в хореографическом искусстве, а также «что» и к «чему» относится. «Художник, фиксируя пространство, – пишет И. И. Иоффе, – фиксирует момент движения и в нем свое мышление о мире» [16, с. 594]. «Момент движения» – это и есть попытка уловить, зафиксировать и измерить внутренние границы практической действительности пластического мышления. Эта граница понимания мышления во времени переходит и в танец, ибо художник фиксирует не наличную форму мышления, а танцевальный язык как единичную форму существования мышления. Соответственно пластическое мышление в хореографии исследует пространство и время. Идея, образы, тема, сюжет, язык, тело, композиция, движение, форма, линии, точки – все это проецируемые действия автора – художника танца на пространство и время созерцаемой действительности. Одно и то же движение при его неоднократном воспроизведении способно воплощать новое содержание и новые смыслы (не путать с обобщением и коммуникацией), включая «ментальные интуиции тела» (И. А. Бескова).

Контекст понимания ментальности в современном танце через инструменты «пластическая выразительность – телесная выразительность» рассматривает И. В. Мухин, который утверждает: «Танцующее тело всегда отсылает нас к себе самому, и поэтому сам танец берется и понимается не в форме аутентичного выражения чего-то “внутреннего”, но идентифицируется со своим собственным “внешним”... В отличие от классического танцевального театра танец сегодня представляет собой беспрестанную игру знаков, которые упорядочены таким образом, который не дает телу исчезнуть под массой инотелесных образов, смыслов, контекстов и т. п.» [17, с. 53]. Столь же интересно размышление Мухина о протекании времени и пространства в танце: «...танец никогда не выражает собой что-то законченное, но осуществляет его» [17, с. 55]. Это высказывание не противоречит физической реальности тела в танце, которую ученый раскрывает через функцию проецирования: «...движения тела... представляют собой панораму самого тела, в которой спроецирована интенция движения на действительное... поскольку танцевальное движение – это способность к естественной, а не к иллюзорной выразительности» [17, с. 54]. Мухин рассматривает тело как динамическую систему: «Тело, проживая себя в танце, всегда стремится к выражению как своему полному завершению, однако при этом оно находится в состоянии некоторого неведения относительно своей интенциональности...» [17, с. 54].

Теоретик хореографического искусства Ю. А. Кондратенко, рассуждая о художественных свойствах реальности в танце, пишет: «Движение, в отличие от звука, не обладает

своим особым автономным существованием, оно принадлежит телу, а это значит, что не оно управляет телом, скорее наоборот, мыслящее тело управляет движением. Очевидно, что в этом случае танцевальное движение актуализирует внутреннее, потенциальное состояние тела, которому оно принадлежит. Подобная трактовка дает возможность иначе взглянуть на проблему смыслообразования. Для этого необходимо принять тело в качестве материала искусства танца, а движение – в качестве инструментального средства, позволяющего реализовывать его потенциальную выразительность» [18, с. 1366].

Можно предположить, что пластическое мышление в хореографическом искусстве выступает как феномен объемного смысла и структурного понимания пространства, разворачивающегося в поле чувственного, ментального, телесного, интуитивного и интеллектуального. Однако именно соотнесение потенциального (естественного языка физического тела) и актуального (художественно преобразованного) в границах пластического мышления до сих пор остается незавершенной теоретико-познавательной проблемой.

Подобное расширение предмета в истории хореографического искусства не всегда было явным, но именно в этом направлении оно прогрессировало. Первобытная культура – интуитивность, синкретичность и перманентность ритмомышления. Античность – гармония и порядок мироустройства через мѐропонимание и познание «числа». Средневековье – «фигура» и канон глубинно и весомо поставлены во главу угла мироздания. Они дали определение началу сущности Бытия человека, позднее сменив священные и ритуальные смыслы в фольклоре, выдвинули архитектурный принцип построения пространства танца. Просвещение выдвинуло методы логики и анализа как инструменты научного доказательства явлений опытным путем. Новое время выделило феномен рефлекса как обучающую систему и физиологический механизм тела, обеспечивающий власть человека над внешней природой (Р. Декарт).

Изложенные типологические признаки человеческого мышления оказываются непрерывными в рамках культурологической перспективы и составляют теоретико-прикладной фундамент развивающихся свойств пластического мышления в танцевальном искусстве. Проблема заключается в том, что в конце XIX – начале XX в. традиционная система представлений и базовая категориальность европейского классицизма становятся ограниченными для понимания пластического мышления, производимого на языке телесных динамик (расширение образов понимания движущей системы в разных танцевальных пространствах), культурно-философских смыслов и художественных процессов осязания формы. К тому же, как известно, пластическое мышление ставило своей целью исполнительскую разверстку стилей, а не чисто технические задачи танца. В научно-теоретической мысли исследование пластического мышления не поднимается до междисциплинарного уровня (связь антропологии и философии искусства, естествознания и физики, естествознания и геометрии) и культурной трансляции смыслов. Соответственно пластическое мышление в хореографическом искусстве не культивировалось объемно как трансформация телесных образов создания движения для максимально точного его понимания в теории.

Тем не менее к середине XX в. в российском искусствоведении сформировались два крупных направления исследовательской деятельности, в рамках которых осуществлялись: 1) анализ исторических эпох и форм развития западно-европейской хореографической культуры (в основном традиционной); 2) изучение творческих биографий легендарных личностей балетмейстеров, хореографов и педагогов в истории мирового балетного театра. Теоретики и практики хореографии (Л. Д. Блок [19], А. Л. Волинский [20], А. Я. Левинсон [21], В. М. Гаевский [22], В. М. Красовская [23], Ю. И. Слонимский [24] и др.) осмыслили культурно-исторические события в эволюции техники классического танца. Через призму эмпирических

законов обсуждались темы и художественно-эстетические задачи аспектов балетмейстерской деятельности.

В начале 1900–1920-х гг. условия «пространствопонимания» [25, с. 272] как целостного миропредставления и чистого ума, основанного на строгой закономерности природы и непрерывности всех ее явлений, обсуждал П. А. Флоренский. В контексте изучения пластического мышления в хореографии остается актуальным доказательство его теории о двойном пространстве и/или геометрии мнимостей. Ученый писал: «Расширить область двухмерных образов геометрии так, чтобы в систему пространственных представлений вошли и мнимые образы... и при том ничего не отнимая от уже занявших свои места образов действительных» [26, с. 10]. Хотя Флоренский размышляет здесь о геометрическом пространстве, он поднимает важные проблемы метафизических особенностей мышления в искусстве, образов физического и структурного целого. Биодинамика в пластическом мышлении танцевального пространства тесно смыкается с естествоведческой и физическо-геометрической концепцией Флоренского. Она служит основой для понимания динамического тела в хореографии. Однако у них разная акцентность. Если физиологические процессы организма в формировании человеческого опыта и культуры являются общими для всех людей и закрепляются в любых искусствах, то динамическое тело уточняет движение и его активность непосредственно через экспрессивные аспекты и биосостояния. Характер связи этих явлений близок к хореографическому, поскольку «динамическая» форма тела представляет собой комплексную (а не только биофизическую) структуру с переменными свойствами, способными изменяться и изменять пространство вокруг себя (практические теории Р. Лабана, Х. Лимона и др.). Динамическое тело можно рассматривать как системно-структурное обра-

Рис. 1. Анна Павлова в хореографической миниатюре «Умиравший лебедь»

Fig. 1. Anna Pavlova in the choreographic miniature "The Dying Swan"

Источник: <http://www.kino-teatr.ru/teatr/history/12-22/1260/>

Source: <http://www.kino-teatr.ru/teatr/history/12-22/1260/>

зование, которое не разрывает знание (научное понимание, а также личный опыт) и практику (методы) со способами мышления в хореографии.

Благодаря методологическим изысканиям В. В. Зеньковского о связи тела с идеями в мире [27], сегодня можно говорить о пластическом мышлении как о феномене, порождающем в телесной форме культурные и хореографические смыслы, тяготеющие к философским (рис. 1).

В. П. Зинченко уточняет, что тело человека проявляет себя как энергия самосохранения, принцип жизни, центр телесного и рефлексивного опыта. Охватывая проблематику соотношения человеческого тела и души как некое живое существо движения и «путь реальности», ученый поясняет свою мысль: «...в движениях живого тела (или в живом движении) души не меньше, чем тела... Душа в такой же мере может быть внутренней формой тела, в какой она же может быть и внешней. В последнем случае тело оказывается внутренней формой души» [28, с. 122].

В первой четверти XX в. архитектурная телесность и ритмопластическая интонация движения появились в осмыслении формы танца в творчестве балетмейстера М. М. Фокина [29] и его исполнителей, в хореографии В. Ф. Нижинского (рис. 2). Физическими танцовщиками можно назвать артистов хореографа и педагога Ф. В. Лопухова [30].

Этот специфический вектор измерения хореографического творчества указывает на то, что в практической хореографии первой четверти XX в. уже произошли важные перемены – типологическая и телесно-ориентированная соотнесенность средств, связанная с синтаксисом и морфологическими признаками ритмопластического движения. Причем это произошло как в неклассическом (С. М. Волконский, Э. Жак-Далькроз, Ф. Дельсарт, А. Дункан), так и в академическом танце [31, с. 240] (рис. 3).

В пластическое мышление проникают «ломанные» перспективы (звучо- и светотранслируемые смыслы) пространства-времени, осязательные фактуры, масса и объемы, производимые в физических параметрах и гравитационных величинах движения (рис. 4, 5). Эти компоненты телесной формы и осознанности языка послужили основой для измерения концептуальных пространств пластического мышления в современной хореографии.

На протяжении всего XX столетия научные изыскания искусствоведов и философов приводят к смысловому измерению хореографии как вида художественной деятельности. Оно было обращено на поиск обновления языка классического танца в балете и построение монументального (симфонического) произведения хореографического искусства. Однако не

Рис. 2. Лидия Нелидова (Лупандина) и Вацлав Нижинский в балете «Послеполуденный отдых Фавна»

Fig. 2. Lidiya Nelidove (Lupandina) and Vaclav Nijinsky in “The Afternoon of a Faun”

Источник: <https://dzen.ru/a/YPaNVZRX2RFZDbpl>
Source: <https://dzen.ru/a/YPaNVZRX2RFZDbpl>

Рис. 3. Вацлав Нижинский в партии Петрушки из одноименного балета

Fig. 3. Vaclav Nijinsky in the party of Parsley from the ballet of the same name

Источник: <https://var-veka.ru/blog/velikie-tancory-vaclav-nizhinskiy.html>
Source: <https://var-veka.ru/blog/velikie-tancory-vaclav-nizhinskiy.html>

было понимания выразимости языка тела, т. е. объемной структурной основы пластического мышления в культурно-антропологическом срезе, поскольку была потеряна изначальная функция языка, отправляющая к проникновению в смысл и связь явлений через мышление. Пластическое мышление в хореографическом искусстве чаще всего сравнивалось с тайнами творчества либо, наоборот, представлялось как коммуникационно-сконструированный процесс события, тогда как смысловой акт физического действия в хореографическом движении пересекается с естественными (первичными) формами языка, но уходит в синтезирующую способность человеческого мышления, души, духа и тела.

Еще в XIX в. А. А. Потебня сформулировал критерии самопознания как объективацию фактов непрерывной душевной жизни в образе слова, данного человеку в виде акта движения мысли (познание и познаваемое) и достигаемого через механизмы воплощения и восприятия. Эта схема, сочетающая изначальную когнитивную функцию слова, остается актуальной до сих пор: «Мир является нам лишь как ход изменений, происходящих в нас самих... Познание своего я есть другая сторона познания мира, и наоборот» [3, с. 305]. Исходя из логики анализа и синтеза теории самопознания Потебни, можно заключить, что произведение хореографического искусства представляет собой сложную систему мыслей. Это создаваемый художником в танце поток элементов, движений, фраз, предложений, а также интонационных систем движения, одновременно порождающий и впечатление, и отношение автора к некоему знаку.

Начиная с середины XX в. системность в хореографическом искусстве складывалась в межпредметном русле смысловых и стилистических компонентов. Наибольшую роль в этом процессе сыграла объективация исполнительских систем в театре, музыке, живописи и танце предыдущих эпох. Новые художественные направления и течения – импрессионизм и индивидуальный хореографический стиль (А. Дункан); импрессионизм и реализм в русском балете (А. Горский, М. Фокин); западный экспрессионизм (М. Вигман, К. Йоз, Р. Лабан); неоклассика (Дж. Баланчин, М. Бежар, Л. Мясин); конструктивизм, авангард и личные жанры в хореографии (Л. Мясин, Ф. Лопухов); модерн (А. Дункан, Л. Фуллер; М. Грэм, Р. Сен-Дени и др.) – давали новые семантические формы понимания практической и духовной жизнедеятельности человека. Эти процессы в мировом культурном пространстве во многом были синхронизированы.

Рис. 4. Институт ритма. Групповые упражнения. Петроград, начало 1920-х гг.
Fig. 4. Rhythm Institute. Group exercises. Petrograd, early 1920s

Рис. 5. Студия «Гептахор». Петроград, начало 1920-х гг.
Fig. 5. Studio "Heptahor". Petrograd, early 1920s

Источник: Сироткина И. В. Свободное движение и пластический танец в России. М., 2014. URL: <https://design.wikireading.ru/3711> (дата обращения: 10.01.2025).
Source: Sirotkina I.V. Free Movement and Plastic Dance in Russia. Moscow; 2014. Available at: <https://design.wikireading.ru/3711> (accessed 10.01.2025).

В XX в. в российской искусствоведческой мысли появляется новый практический синтез – описание чувственных сигналов в теле, понимание направленности и ненаправленности, законченности и открытости, наконец, интерпретации двигательной активности тела, содержащей отчасти и традиционные способы хореографического построения (вертикаль, силы гравитации, центр тяжести, устойчивость, выворотность, позиции). Все эти образования становятся предметом исследования будущей теории хореографического движения.

Несмотря на то, что уже в теоретико-творческих концепциях Б. В. Асафьева [32], Л. Д. Блок [19], В. В. Вансловова [33], А. Л. Волынского [34], А. А. Горского [23], П. М. Карпа [35], А. Я. Левинсона [21], Ф. В. Лопухова [36], Е. Я. Суриц [37], М. М. Фокина [36], в исполнительском искусстве Л. Ф. Мясина, В. Ф. Нижинского, А. П. Павловой, О. И. Преображенской содержались личностные смысловые коннотации пластического мышления в хореографическом искусстве, они долгое время были недоступными для междисциплинарной теории. И лишь в конце XX – начале XXI в. стали предметом исследования опытных и молодых ученых (Н. В. Атитанова [38], Ю. А. Кондратенко [18], И. В. Мухин [17], Т. В. Портнова [39]).

Однако и эта позиция не является исчерпывающей в анализе и синтезе пластического мышления. Появляется еще одно смысловое измерение творчества в хореографии – этнопластическое. Здесь этнический компонент изначально выступает сегментом, изоморфной и периферийной сущностью пластического мышления, а в культурном многообразии творчества – его доминантной предпосылкой и предметной детерминантой. Это означает, что этнопластическое в мышлении формы не столько обуславливает и/или дополняет механическую структурность движения в национальном ключе (в особенности расставляя приоритеты между достижениями академического и народного творчества), сколько преобразует потенциальный ресурс в языке пространственной координаты (труд, быт, стереотипы поведения, особенности характера, мировосприятие, ценности, традиции и другие жизненные формы) в чрезвычайно важную телесную компоненту на физиологическом, поэтическом, интеллектуальном и чувственном уровнях. Отсюда следует, что пластическое и этнопластическое являются не взаимоисключающими, но достраивающими друг друга и взаимопроникающими процессами. Этнопластический поток сознания сохраняется и в академическом искусстве танцовщика (он существует генетически), выступая неотъемлемой частью и предпосылками человеческого мышления в целом.

Заключение

Таким образом, пластическое мышление в западноевропейском искусстве танца формировалось на протяжении нескольких веков (начиная с эпохи Средневековья) и лишь сегодня обретает устойчивую форму благодаря многогранному анализу языка тела и синтезу пространства-времени в теории и практике хореографического искусства. Историческая и культурно-антропологическая периодизация позволяют выстроить генезис пластического мышления, рассматривая его как феномен смыслового измерения хореографических пространств творчества, где анализ и синтез неразрывно связаны.

Выделим уже сложившиеся единицы пластического мышления в хореографии и уточним их наполнение: внутренние процессы и способности – воображение, экологическая память, слух, чувствование, ощущение; величины измерения времени – хореографическая фраза, протяженность линии движения, тактовая, долевая, ритмическая и музыкальная структура; хореографический синтаксис – интонация, пластический мотив, пространственные уровни и артикуляция движения; язык тела – это мощная процецируемая система, содержащая все возможные разновидности форм (представление, повествование, высказывание) и идентичности телесного выражения через ассоциативный, чувственный, интеллектуальный, ритмопластический и физический комплекс действий; архитектурная структура тела – это мера и позиции тела, упорядочивающие его в границах анатомической и координационной системы мышления, высту-

пая важным критерием профессионализма (точность, функциональность, эстетическая выразительность); пространство – это не только физическое место для танца, но и осознанные способы интерпретации и функциональные образы понимания действительности, протекающие в реальном времени танца.

В каждую эпоху пластическое мышление усложнялось и кодифицировалось. Так, архитектурная структура тела проявилась отчетливо в XVII в., однако станок и зеркало (рубеж XVIII–XIX вв.) не только изменили ее функциональные свойства и вызвали трансформацию обучаемого хореографического пространства, но и приблизили их понимание к новой функциональности языка – академической эстетике танца. Антропологический поворот в искусстве хореографии, произошедший на рубеже XIX–XX столетий, тонко интегрировал образовательный и художественный компоненты танца, но при этом перестроил традиционную модель хореографического знания, предъявив всему западноевропейскому миру новую парадигму пластического мышления – свободное тело. Безусловно, эти преобразовательные процессы в хореографии существенно расширили прежние представления о художественном смысле и формообразовании, однако происходили они не только на основе анализа, но и внутри теории пространствопонимания танца и практического синтеза разных искусств. Романтический балет переставал быть только романтическим. Однако, перерождаясь в классическое балетное произведение, он не терял своих аналитических корней и архитектурного устройства. Благодаря такой внутренней спаянности единиц мышления идея, образ, тема, композиция, сюжет, техника, стиль исполнения становились уровнями единого функционального замысла пространства и его морфологических свойств, первоначально – на основе действенной кодификации танца, затем – в способах «чистого» образа языка движения и, наконец, – в кристаллизации самостоятельного языка драматургии со своей семантикой и поэтическими смыслами. Кульминацией пластического мышления в хореографическом искусстве можно считать симфонический синтаксис (условно-обобщенный и изобразительно-выразительный план) движения, в котором трансформировались и интегрировали изначально разнородные по своему положению в сознании (академические и неакадемические) величины языка тела, способы понимания пространства и времени, а также антропологические, морфологические и типологические границы телесности.

В свете современных дискуссий проблема пластического мышления приобретает особую актуальность, поскольку она сопряжена со сложной системой познания предмета и междисциплинарностью поля искусствоведения. На стыке естественноведческого и философско-методологического объекта человеческой экзистенции возникает теоретико-практическая модальность пластического мышления в хореографии, высвечивающая ценность историко-типологического анализа и синтеза. Таким образом, можно полагать, что, соединяя культурно-антропологическую линию развития танца с исторической, искусствоведение обретает возможность исследовать вопросы генезиса пластического мышления и его смысловых основ в хореографическом искусстве на глубинном уровне (отражая как преемственность и перспективы пластического мышления в фокусе разных школ, так и культурно-антропологические риски).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск : Харвест, 1999. 1408 с.
2. Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М. : Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1993. 224 с.
3. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М. : Искусство, 1976. 614 с.
4. Шпет Г. Г. История как проблема логики. Ч. 2. Архивные материалы / реконструкция Т. Г. Щедриной. М. : Университетская книга, 2019. 278 с.
5. Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х – 1970-х гг. М. : Русские словари ; Языки славянской культуры, 2002. 800 с.

6. Каган М. С. Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Л. : Искусство, Ленингр. отд-ние, 1972. 440 с.
7. Крейдлин Г. Е. Жестовое и глазное визуальное коммуникативное поведение // Труды по культурной антропологии. Памяти Григория Александровича Ткаченко. М. : Восточная литература; Муравей. 2002. С. 236–251.
8. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
9. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М. : МГУ, 1982. 500 с.
10. Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Избранные статьи в 3-х т. Т. 1: статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин : Александра, 1992. С. 243–247.
11. Шеманов А. Ю. Воплощенность личности и ресурсы инклюзии: от психологической к социокультурной перспективе // Обсерватория культуры. 2014. № 5. С. 15–22.
12. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск : Харверст ; М. : АСТ, 2000. 752 с.
13. Деррида Ж. Подпись Событие Контекст // Поля философии. М. : Академический проект, 2012. С. 349–375.
14. Хайдеггер М. Поворот // Время и бытие. М. : Республика, 1993. С. 253–258.
15. Догорова Н. А. Антропологические интерпретации в основах мышления и языка телесности в танце // Теория и история искусства. 2024. № 1/2. С. 263–271.
16. Иоффе И. И. Избранное. Ч. 1. Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления. М. : ООО «РАО Говорящая книга», 2010. 655 с.
17. Мухин И. В. Тело в танце: эстетическая выразительность // Эстетика сегодня: состояние; перспективы: материалы научной конференции (20–21 окт. 1999 г.). СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 1999. С. 53–55.
18. Кондратенко Ю. А. К проблеме искусствоведческого анализа речевого высказывания в танце // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 4 (5). С. 1366–1370.
19. Блок Л. Д. Классический танец. История и современность. М. : Искусство, 1987. 556 с.
20. Волынский А. Л. Книга ликований. Азбука классического танца. М. : Артист. Режиссер. Театр, 1992. 297 с.
21. Левинсон А. Я. Мастера балета. СПб. : Изд-во Н. В. Соловьева, 1915. 132 с.
22. Гаевский В. М. Хореографические портреты. М. : Артист, режиссер, театр, 2008. 608 с.
23. Красовская В. М. Русский балетный театр начала XX в. Танцовщики. 2-е изд. испр. СПб. : Планета музыки, 2009. 528 с.
24. Слонимский Ю. И. Мастера балета: К. Дидло, Ж. Перро, А. Сен-Леон, Л. Иванов, М. Петипа. М. : Искусство, 1937. 286 с.
25. Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М. : Мысль, 2000. 446 с.
26. Флоренский П. А. Мнимости в геометрии. М. : Поморье, 1922. 74 с.
27. Зеньковский В. В. Проблема космоса в христианстве // Живое предание. Православие в современности. М. : Свято-Филаретская московская высшая православно-христианская школа, 1997. С. 63–81.
28. Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся : очерки российской психологии. 2-е изд., уточн. и доп. М. : ТОО «Тривола», 1994. 333 с.
29. Фокин М. М. Против течения. М. : Искусство, 1981. 510 с.
30. Лопухов Ф. В. Пути балетмейстера. Берлин : Петрополис, 1925. 173 с.
31. Лопухов Ф. В. Шестьдесят лет в балете : Воспоминания и записки балетмейстера. М. : Искусство, 1966. 367 с.
32. Асафьев Б. В. О балете : Статьи. Рецензии. Воспоминания. Л. : Музыка. Ленинградское отделение, 1974. 296 с.
33. Ванслов В. В. Балет в ряду других искусств // Музыка и хореография современного балета : в 5 вып. Вып. 2. М. : Музыка, 1977. С. 5–32.
34. Волынский А. Л. Плачущий дух // Жизнь искусства. 1923. № 8 (27 февр.). С. 4–5.
35. Карп П. М. Балет и драма. Л. : Искусство, 1979. 246 с.
36. Догорова Н. А. Хореографическое искусство: проблемы режиссуры и актерского/исполнительского мастерства : избранные лекции. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2011. 56 с.
37. Суриц Е. Я. Хореографическое искусство 20-х гг. Тенденции развития. М. : Искусство, 1979. 360 с.

38. Атитанова Н. В. Танец как смысловая универсалия: от выразительного движения к «движению» смысла : дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2000. 163 с.

39. Портнова Т. В. Балет в ряду пластических искусств (Проблема синтеза и формы взаимодействия) : лекции. М. : Фотохудожник, 1996. 165 с.

REFERENCES

1. Bergson A. [Creative Evolution. Matter and Memory]. Minsk: Kharvest; 1999. (In Russ.)
2. Zenkovsky V.V. [Problems of Education in the Light of Christian Anthropology]. Moscow: St. Vladimir Brotherhood Publ.; 1993. (In Russ.)
3. Potebnya A.A. [Aesthetics and Poetics]. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1976. (In Russ.)
4. Shpet G.G. [History as a Problem of Logic. Part 2. Archival Materials / reconstruction of T.G. Shchedrina]. Moscow: Universitetskaya kniga; 2019. (In Russ.)
5. Bakhtin M.M. [Collected Works. In 7 vols. Vol. 6. Problems of Dostoevsky's Poetics, 1963. Works of the 1960s – 1970s.]. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoj kultury; 2002. (In Russ.)
6. Kagan M.S. [Morphology of Art. Historical and Theoretical Study of the Internal Structure of the Art World]. Leningrad: Iskusstvo Publ.; 1972. (In Russ.)
7. Krejdlin G.E. [Gesture and Eye Visual Communicative Behavior]. In: Works on Cultural Anthropology: In memory of Grigory Alexandrovich Tkachenko. Moscow: Vostochnaya literatura; Muravej Publ.; 2002. (In Russ.)
8. Levi-Stross C. [Structural Anthropology]. Moscow: EKSMO-Press; 2001. (In Russ.)
9. Losev A.F. [Sign. Symbol. Myth]. Moscow: MGU; 1982. (In Russ.)
10. Lotman Yu.M. [Canonical Art as an Information Paradox]. In: [Yu. M. Lotman. Selected Articles in 3 vols. V. 1: Articles on Semiotics and Typology of Culture]. Tallin: Aleksandra; 1992. p. 243–247. (In Russ.)
11. Shemanov A.Yu. [The Embodiment of Personality and Inclusion Resources: From Psychological to Sociocultural Perspective]. *Observatory of Culture*. 2014;(5):15–22. (In Russ.)
12. Husserl E. [Logical Investigations. Cartesian Meditations. The Crisis of the European Sciences and Transcendental Phenomenology. The Crisis of European Man and Philosophy. Philosophy as a rigorous science]. Minsk: Harverst Publ.; Moscow: AST; 2000. (In Russ.)
13. Derrida J. [Signature Event Context]. In: [Margins of Philosophy]. Moscow: Akademicheskij Projekt; 2012. p. 349–375. (In Russ.)
14. Heidegger M. [The Turn]. In: [Being and Time]. Moscow: Respublika Publ.; 1993. (In Russ.)
15. Dogorova N.A. Anthropological Interpretations in the Basics of Thinking and the Language of Physicality in Dance. *Theory and History of Art*. 2024;(1/2):263–271. (In Russ.)
16. Ioffe I.I. [Selected Works. Part 1. Synthetic History of Arts. Introduction to the History of Artistic Thinking]. Moscow: RAO Govoryashchaya kniga; 2010. (In Russ.)
17. Mukhin I.V. [Body in Dance: Aesthetic Expressiveness]. In: 20–21 okt. 1999 g. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society; 1999. p. 53–55. (In Russ.)
18. Kondratenko Yu.A. Speech Act in Dance: To the Problem of Art Analysis. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2009;11(4–5):1366–1370. (In Russ., abstract in Eng.)
19. Blok L.D. [Classical Dance. History and Modernity]. Moscow: Iskusstvo; 1987. (In Russ.)
20. Volynsky A.L. [The Book of Exaltations: The ABCs of Classical Dance]. Moscow: Artist; Rezhisser; Teatr; 1992. (In Russ.)
21. Levinson A.Ya. [Ballet Masters]. St. Petersburg: N.V. Solovev; 1915. (In Russ.)
22. Gayevsky V.M. [Choreographic Portraits]. Moscow: Artist; Rezhisser; Teatr Publ.; 2008. (In Russ.)
23. Krasovskaya V.M. [Russian Ballet Theater in the Beginning of the XX Century: Dancers]. 2nd ed., revised. St. Petersburg: Planeta Muzyki; 2009. (In Russ.)
24. Slonimsky Yu.I. Ballet Masters: K. Didelot, J. Perrault, A. Saint-Leon, L. Ivanov, M. Petipa]. Moscow: Iskusstvo; 1937. (In Russ.)
25. Florensky P.A. [Articles and Research on the History and Philosophy of Art and Archaeology]. Moscow: Mysl; 2000. (In Russ.)
26. Florensky P.A. [Imaginarities in Geometry]. Moscow: Pomore Publ.; 1922. (In Russ.)
27. Zenkovsky V.V. [The Problem of the Cosmos in Christianity]. In: [Living Tradition. Orthodoxy in Modern Times]. Moscow: St. Philaret Moscow Higher Orthodox Christian School Publ.; 1997. (In Russ.)

28. Zinchenko V.P., Morgunov E.B. [A Developing Person]. In: [Essays on Russian Psychology]. Moscow: Trivola; 1994. (In Russ.)
29. Fokin M.M. [Against the Current]. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1981. (In Russ.)
30. Lopukhov F.V. [The Ways of the Choreographer]. Berlin: Petropolis; 1925. (In Russ.)
31. Lopukhov F.V. [Sixty Years in Ballet]. Moscow: Iskusstvo; 1966. (In Russ.)
32. Asafiev B.V. [About Ballet]. In: [My Life: Articles. Reviews. Memories]. Leningrad: Muzyka; 1974. p. 45–50. (In Russ.)
33. Vanslov V.V. [Ballet among Other Arts]. In: [Music and Choreography of Modern Ballet]: in 5 iss. Iss. 2. Moscow: Muzyka; 1977. p. 5–32.
34. Volynsky A.L. [Crying Spirit]. *Zhizn iskusstva*. 1923;8(Feb.,27):4–5. (In Russ.)
35. Karp P.M. [Ballet and Drama]. Leningrad: Iskusstvo Publ.; 1979. (In Russ.)
36. Dogorova N.A. [Choreographic Art: Problems of Directing and Acting/Performing Skills: Selected Lectures]. Saransk: Mordovia University Publ.; 2011. (In Russ.)
37. Suritz E. Ya. [Choreographic art in the 20s. Development trends]. Moscow: Iskusstvo; 1966. (In Russ.)
38. Atitanova N.V. [Dance as a Semantic Universal: From Expressive Movement to the “Movement” of Meaning. Cand. Sci. Diss. (Philosophy)]. Saransk; 2000. (In Russ.)
39. Portnova T.V. [Ballet in the Series of Plastic Arts (The Problem of Synthesis and the Form of Interaction): Lectures]. Moscow; Fotokhudozhnik; 1996. (In Russ.)

Об авторах

Догорова Надежда Александровна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры театрального искусства Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5419-5614>,
SPIN-код: 4347-7765,
e-mail: dogorovan@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 31.01.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

About the author

Nadezhda A. Dogorova, Dr.Sci. (Arts), Associate Professor, Professor in the Chair of Theatrical Arts, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-5419-5614>,
SPIN-code: 4347-7765,
e-mail: dogorovan@rambler.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 31.01.2025; revised 24.02.2025; accepted 03.03.2025.

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСКУССТВА / THEORETICAL RESEARCH

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.041-052>
EDN: <https://elibrary.ru/nebwud>
УДК / UDC 78:008

Теория интертекстуальности в современном музыковедении (на примере китайско-российского культурного диалога)

Г. В. Денисова ✉, Ц. Го

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация

✉ denissovagv@my.msu.ru

Аннотация

Введение. В XX в. музыкальное искусство перешло на новый виток развития и на современном этапе характеризуется тенденцией к полистилистике, развернуто-стью музыкальной практики ко всей культурной традиции. В связи с этим в публикациях современных музыковедов наблюдается рост интереса к проблемам диалогичности, полистилистики и интертекстуальности. Цель исследования – изучить вопрос развития теории интертекстуальности (в основе которой – диалогический принцип М. М. Бахтина) в исследованиях музыкального искусства.

Материалы и методы. В фокусе исследования находятся музыкальные произведения китайских композиторов, а также их рефлексия в современных музыковедческих трудах. Методологической основой работы выступает культурологический подход, который трактует интертекстуальность как феномен, укорененный в национально-культурном контексте. В исследовании применяется комплекс методологических подходов: интертекстуальный (для детального изучения конкретных произведений китайской музыки), интегративный (для использования широкой эмпирической базы различных областей гума-

© Денисова Г. В., Го Ц., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

нитарных наук), аксиологический (для установления ценностных ориентиров взаимодействующих культур) и диалогический метод (способствующий осмыслению музыкальных традиций).

Результаты исследования и их обсуждение. Авторы показывают, что современное музыковедение идет по пути освоения уже накопленного научного опыта в смежных областях гуманитарного знания и старается выработать собственные методы исследования текста, в частности, путем обращения к интертекстуальности как механизму сохранения и передачи культурной информации. Интертекстуальность в музыке реализуется как условие и способ существования текста в семиотической культурной среде применительно к композиционному процессу отдельного художника с учетом индивидуальных приемов межтекстового взаимодействия, результатом которого становится диалог самобытных культурных концепций.

Заключение. Исследование вносит вклад в разработку теории интертекстуальности и ее применения при анализе музыки, в изучение китайско-российского культурного диалога. Материалы статьи могут быть полезны специалистам в области сравнительного музыковедения, изучения китайской музыкальной культуры, китайско-российских культурных взаимосвязей.

Ключевые слова: современное музыковедение, музыка китайских композиторов, китайско-российский культурный диалог, теория интертекстуальности, полистилистика в музыке

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Денисова Г. В., Го Ц. Теория интертекстуальности в современном музыковедении (на примере китайско-российского культурного диалога) // Бахтинский вестник. 2027. Т. 7, № 1. С. 41–52. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.041-052>

Understanding the Intertextuality Theory in the Context of Modern Musical Culture (on the Example of Chinese-Russian Cultural Dialogue)

G. V. Denisova ✉, Q. Guo

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation
✉ denissovagv@my.msu.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study lies in the fact that in the 20th century, musical art entered a new stage of development and at the present stage is characterized by a tendency towards polystylistics and the expansion of musical practice to the entire cultural tradition. In this regard, in the publications of modern musicologists, there is a growing interest in the problems of dialogicity, polystylistics and intertextuality. The purpose of the study is to consider the development of the theory of intertextuality (which is based on the dialogic principle of M. M. Bakhtin) in the study of musical art.

Materials and Methods. The material of the study is the works of Chinese composers and their reflection in modern musicology. The leading approach in the work is culturological (allowing to understand intertext as a part of national culture). The authors also use intertextual (to analyze specific works of Chinese

music), integrative (to use a broad empirical base of various fields of humanities), axiological (to establish the value orientations of interacting cultures) approaches and the dialogical method (facilitating the understanding of musical traditions).

Results and Discussion. The authors show that modern musicology follows the path of mastering the already accumulated scientific experience in related fields of humanities and tries to develop its own methods of text research, in particular, turning to intertextuality as a mechanism of preservation and transmission of cultural information. Intertextuality in music is realized as a condition and a way of existence of the text in the semiotic cultural environment in relation to the creative process of an individual composer, taking into account individual techniques of intertextual interaction, which results in a dialogue of original cultural concepts.

Conclusion. The article contributes to the development of the theory of intertextuality and of its application to music research, to the study of the Chinese-Russian cultural dialogue. Its materials may be useful to specialists in the field of comparative musicology, the study of Chinese musical culture, and Chinese-Russian cultural relations.

Keywords: contemporary musicology, music of Chinese composers, Chinese-Russian cultural dialogue, theory of intertextuality, polystylistics in music

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

For citation: Denisova G.V., Guo Q. Understanding the Intertextuality Theory in the Context of Modern Musical Culture (on the Example of Chinese-Russian Cultural Dialogue). *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2025;7(1):41–52. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.041-052>

Введение

Одним из ключевых понятий современной культуры является «интертекстуальность», которая в современном гуманитарном знании воспринимается в контексте диалогизации культуры. Проблемы взаимодействия культур осмысливаются и разрабатываются в трудах российских и зарубежных ученых.

Глобализация культурных процессов определяет ее существенные изменения в рамках национальной культуры и формирует требования к сохранению индивидуальности и самобытности. Несомненно, что попытки «поглощения» и «насаждения» несвойственных определенной культуре традиций и устоев вызывают определенную настороженность как у научного сообщества, фиксирующего подобные изменения, так и у политических деятелей. Если в государственном развитии данные процессы купируются соответствующими ограничениями, то в социокультурном пространстве они требуют иных подходов.

Непрекращающийся в культурной сфере феноменологический диалог как обмен персональными ценностями с сохранением индивидуальности требует отдельного изучения с учетом всех возможных методологий. Поэтому столь важным является исследование феноменов, которые оказывают влияние на культурные процессы, определение их принципов и перспектив развития.

Материалы и методы

Ведущим в работе является культурологический подход, позволяющий осмыслить интертекст как часть национальной культуры. Необходимость интерпретации музыкального интертекста с выявлением диалогического взаимодействия китай-

ской и русской культур определила выбор интертекстуального подхода (для анализа конкретных произведений китайской музыки), аксиологического подхода (для установления ценностных ориентиров взаимодействующих культур), интегративного подхода (который позволяет использовать широкую эмпирическую базу соответствующих областей гуманитарных наук при решении поставленных задач), диалогического метода (способствующего осмыслению музыкальных традиций).

Результаты исследования и их обсуждение

Сказанное получает принципиальное значение для изучения эволюции китайского музыкального искусства в XX в., когда традиции русской музыкальной школы стали образцом для последующего развития китайской музыкальной культуры. В результате прямого контакта с живыми классиками во время обучения в Шанхайской и Харбинской консерваториях, а с середины XX в. – в консерваториях Советского Союза у представителей китайской музыкальной культуры сформировалось мнение, согласно которому «истинной» музыкой может быть только западноевропейская. Даже руководитель Шанхайской консерватории Сяо Юмэй в 1930 гг. утверждал, что китайское музыкальное искусство отстало от западного на сто лет [1].

Поворотной в этом смысле стала деятельность композитора и пианиста А. Н. Черепнина, который, по его собственным словам, «учил китайцев оставаться китайцами».

После посещения Шанхайской консерватории в 1934 г. он был разочарован работами китайских композиторов, отмечая, что они сочиняли музыку, не исходящую из китайских народных традиционных источников, которые так его впечатлили¹. Тогда же он предложил организовать конкурс музыки с китайским колоритом. Обосновав свое предложение тем, что выбирает пьесы в китайском стиле, которые сам смог бы исполнить, Черепнин продемонстрировал, что национальные китайские мотивы могут быть востребованы и могут звучать в форме классических музыкальных произведений. В дальнейшем он выступал активным пропагандистом национальной музыкальной культуры Китая, исполняя собственные произведения в китайском стиле и произведения молодых китайских композиторов.

В результате взаимодействия с представителями русской музыкальной школы в китайской культуре произошел разворот от императивных установок западной классической музыки к переосмыслению собственного музыкального опыта, национальной музыкальной культуры со всей ее самобытностью и спецификой. Китайские композиторы, руководствуясь опытом, методами и принципами русской музыкальной школы, осуществили творческое преломление национальных традиций в классических формах музыкальных произведений, способствуя эволюции музыкального искусства Китая в целом.

Вхождение в XX в. в культурное пространство Китая русской эмиграции с ее собственным представлением о музыкальной культуре, активное социально-культурное взаимодействие, последующее обучение русскими и советскими специалистами китайских талантов с внедрением системы музыкального образования, русской и советской методологии, несомненно, оказали воздействие на становление китайских композиторов и китайского слушателя. Так, китайская камерная вокальная лирика в первой четверти XX в. наполняется новыми жанрами: в частности, появляется «художественная песня», которая отсылает и к европейской культуре, и к традиции русской камерно-вокальной лирики [2]. Например, «Прогуливаться по снегу, любясь цветущей сливой» Хуан Цыя очевидно перекликается с романсом П. И. Чайковского «Растворил я окно». Основы творчества ведущих представителей этого жанра Хэ Лутина («Нареке Цзялинцзян») и Лу Хуабоя

¹ Корабельникова Л. З. Александр Черепнин: долгое странствие. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 288.

(«Родина») восходят к А. С. Даргомыжскому и М. И. Глинке. Этот жанр сохраняет традицию следования музыкального материала за сюжетом, когда меняется эмоциональный и интонационный настрой музыкального текста. Так характеризуется произведение Цин Чжуня «Река Янцзы течет на восток», что позволяет провести параллель с сочинениями М. П. Мусоргского «Песни и пляски смерти» или «Полководец». Как отмечает исследователь музыкальной культуры Китая И. Хань, «произведения М. И. Глинки, А. С. Даргомыжского, М. А. Балакирева, М. П. Мусоргского, А. П. Бородина, Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского, С. В. Рахманинова воспринимались китайскими композиторами как вершина искусства передачи психологических нюансов <...>. Наибольший интерес к этому жанру пришелся на период, связанный с вынужденной эмиграцией русских аристократов, уходивших через Китай от революционных событий в России после Октябрьской революции 1917 г. Вместе с ними в Китай пришла русская музыкальная культура...» [3, с. 57].

Изменения в песенных жанрах, характерные для значительных социокультурных перемен, отразились на восприятии китайским слушателем нетрадиционной музыкальной стилистики. Одним из ярких примеров является творчество родившегося в России китайского композитора Г. Я. Оре (Ся Ликэ), который адаптировал многие фольклорные мелодии для фортепиано, став основоположником кантонского фортепианного стиля в китайской музыке. Особо выделяется в его творчестве сочинение «Фантазия Южного Китая», которое впервые в истории фортепианной музыки воплотило темы кантонской оперы на основе синтеза с традициями М. П. Мусоргского, Н. А. Римского-Корсакова и учителя Оре – А. К. Лядова (трихордовые наигрыши, мелодические подголоски, плавное голосоведение с нисходящим движением баса).

Совпадения в понимании идеологического значения искусства в Советском Союзе и в Китае наложило свой отпечаток на развитие такого жанра, как опера: неслучайно в 1940–1950-х гг. стали появляться новые оперы в стиле «яньгэ», т. е. музыкальные постановки, основанные на народных песнях. Вероятными прообразами этого жанра являются советские патриотические оперы образца 1930–1950-х гг.

Активное распространение жанра танцевальной драмы на бытовой или романтический сюжет, основу которого составляют народные танцы и песни, а инструментальное сопровождение представлено преимущественно традиционными китайскими инструментами, также отчасти следует объяснять русским культурным влиянием. Особую роль в данном случае сыграло творчество А. А. Авшаломова, который, по сути, стал китайским композитором после своей эмиграции в Пекин в 1918 г. Именно Авшаломов является автором оперы «Великая стена» (1941), в которой осуществлен синтез национального материала (в основе произведения лежит народная песня «Мэн Цзяннью») и его обработки в классической форме.

Примеры интертекстуальных переключек китайского музыкального искусства XX в. с русскими музыкальными традициями можно продолжить и дальше, однако для данной работы принципиальное значение имеет тот факт, что в настоящее время усилился процесс сближения России и Китая как в политической, так и в социокультурной сфере, чему, несомненно, способствует не только общий взгляд на традиционные ценности и национальное самоопределение, но и осознание общих целей и задач развития в соответствии с программой «Один пояс – один путь». На этом фоне усиливаются контакты и взаимодействия культур двух стран, расширяется и углубляется система распространения культурных ценностей.

Установление межкультурных коммуникаций с соблюдением исторической преемственности в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов в XXI в. должно происходить с учетом исторического опыта, который был получен в результате российско-китайского музыкально-культурного обмена в XX в., когда

установилась глубокая связь, оказывавшая значительное влияние на творческие и образовательные процессы в музыкальном искусстве.

Учитывая, что феномен интертекстуальности особенно активен в диалоге культур и обладает характерной зависимостью от социокультурного контекста, представляется актуальным изучение влияния русской музыкальной школы на трансформацию китайского музыкального искусства в XX в. и перспектив их сотрудничества в XXI в. именно в контексте теории интертекстуальности. Роль в культурной парадигме интертекстуальности как уникального механизма сохранения культурной памяти определена самим свойством искусства проецировать в произведении смысловые связи с предшествующими произведениями (текстами), сохранять присутствие «другого» голоса и оппозиции «свое – чужое».

Предпосылки для экстраполяции теории интертекстуальности в музыкальную культуру находятся в фокусе исследований Е. А. Яблонской, которая обращает особое внимание на актуализацию проблем творчества через понимание интертекстуальности в качестве «машины памяти» [4, с. 97-111]. На рубеже XX–XXI вв. обращение к интертекстуальным взаимодействиям стало одним из способов решения творческих задач и реализации индивидуального авторского замысла, не обязательно обусловленного жесткими жанровыми и стилевыми обстоятельствами, поскольку взаимодействие может осуществляться на интонационно-тематическом уровне, выполняя различные функции — от характеристики персонажей до выражения основной идеи текста.

Исследователи продолжают разрабатывать основные положения М. М. Бахтина в ракурсе изучения принципа «чужого слова» через понимание смысловой направленности. Бахтин выделял текст как первичную данность: «Текст как субъективное отражение объективного мира, текст – выражение сознания, что-то отражающего. Когда текст становится объектом нашего познания, мы можем говорить об отражении отражения. Понимание текста и есть правильное отражение отражения» [5, с. 320]. При этом он определял и проблему «автор – читатель», когда текст воспринимается в диалогической соотнесенности и в соответствии с «объемом общей памяти» между ними, подходя к явлению интертекста с точки зрения восприятия (а не только порождения).

Исходя из этого, Ю. Кристева определяет интертекстуальность как процесс, при котором «всякий текст вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону»². Это позволяет автору использовать «чужое слово, чтобы вложить в него новую смысловую направленность, сохраняя при этом тот предметный смысл, который оно уже имело»³, что делает слово полифоническим, несущим сразу несколько дискурсивных инстанций. Акцентируя внимание на открытии, впервые сделанном М. М. Бахтиным в области теории литературы, Ю. Кристева утверждает, что «любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста»⁴. Важно указать на процессы, которые Бахтин обозначал как «диалог» в том смысле, что при использовании «чужого слова» возникает «новая смысловая направленность».

Р. Барт предложил следующее понимание интертекстуальности и интертекста: «Каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат»⁵.

² Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 432.

³ Там же. С. 437.

⁴ Там же. С. 429.

⁵ Цит. по: Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 36.

Особого внимания в этой связи заслуживает структурно-семиотический подход Ю. М. Лотмана, в основу которого заложено представление о том, что «текст в тексте» являет собой специфическое риторическое построение, а различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста: «переключение из одной системы семиотического осознания текста в другую составляет в этом случае основу генерирования смысла»⁶. При этом, отмечает ученый, «текст как генератор смысла <...> для того, чтобы быть приведенным в работу, нуждается в собеседнике. В этом сказывается глубоко диалогическая природа сознания как такового»⁷.

Обращение ученого к феномену памяти как форме хранения знаний, приводит к введению понятия семиосферы, которая определяется как «все присущее данной культуре семиотическое пространство»⁸, подтверждая преемственность знаний в системе гуманитаристики. Особую ценность представляет, таким образом, подход к области культурной памяти в лингвокультурном сознании этноса, которая сформирована употребляемым корпусом текстов (интертекстуальный энциклопедический код) [6; 7].

Поскольку человечество, начиная с античности, всегда было склонно цитировать предшественников, соглашаясь или полемизируя с тем или иным культурным контекстом, теория интертекстуальности, с одной стороны, связана с теорией полистилистики и вопросами раскрытия (и осмысления) имплицитного смысла текста; с другой стороны, она сформировалась под влиянием теоретиков структурализма и постструктурализма, став неким принципом постмодернистской критики (Р. Барт, Ю. Кристева и др.), трактующей интертекстуальность в широком смысле как универсальное свойство любого «текста».

Связывая концепцию интертекстуальности Ю. Кристевой с научными трудами М. М. Бахтина, следует понимать, что идеи были кардинальным образом трансформированы в ее структурно-семиотическом подходе. Исследователи отмечают, что бахтинский антропоцентрический подход заменен текстоцентрическим подходом, в котором текст – это не авторское творчество, а результат диалогического отношения с другими текстами [8]. Р. Барт развивает свою точку зрения: «Всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски “источников” и “влияний” соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек»⁹.

Множественность подходов к теории интертекстуальности не отменяет главного: интертекстуальность является средством или механизмом формирования смысла произведения. Именно этот постулат в полной мере актуален в музыкальном искусстве. Интертекст является механизмом сохранения и трансляции культурной памяти, целеполаганием интертекстуальности, поэтому определение достижения смысловой глубины и передачи культурной традиции в новом тексте в полной мере актуально в музыкальном искусстве. Первым исследователем данной темы, фактически перенесшим идеи Р. Барта и Ю. Кристевой на музыкальную почву, считают М. Г. Арановского, который «адаптировал» бартовские идеи в музыкальном искусстве и выявил различие функционирования интертек-

⁶ Лотман Ю. М. Текст в тексте // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1981. Вып. 567. С. 13.

⁷ Там же. С. 10.

⁸ Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб. : Искусство–СПБ, 2000. С. 251.

⁹ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. С. 418.

стов в литературе и музыке, обосновав, что музыкальные тексты не продолжают, а повторяют друг друга: «...повторяется не предыдущее произведение, не предшествующий текст, а некий единый для всех паттерн»¹⁰. Согласно теории Арановского, интертекстуальность всегда была присуща музыкальному искусству, а его эволюция лишь отражала смену стилевых направлений»¹¹. Творчество композитора, таким образом, есть выражение универсального взгляда с некоторым проявлением личного. Так, барокко представляется как «общее – общее» с широким использованием чужих текстов; неоклассицизм подменяет «свое – чужое» на «прошлое – современное»; авангард с его отрицанием категории стиля уже лишается данной оппозиции, а полистилистика (например, у А. Шнитке) меняет облик оппозиции в зависимости от авторского решения. Интертекстуальность в этом ракурсе выступает как механизм самодвижения искусства, поскольку, по словам Арановского, «устанавливая между собой связи, тексты тем самым оказывают влияние на общую линию развития искусства, во многом определяя его направление»¹². Согласно такой точке зрения, интертекстуальная связь определяется жанровыми канонами, т. е. симфония связана с симфонией, соната с сонатой и т. д., поскольку «запрограммированные самой техникой композиции, они иногда принимали облик традиции, если не канона»¹³.

Определяя формы интертекстуального взаимодействия музыкальных текстов, М. Г. Арановский вводит также понятие «музыкальная лексема», которое в дальнейшем будет разработано В. Н. Холоповой как структурно-семантическая единица (музыкальная интонация), несущая «выразительно-смысловое единство, существующее в невербально-звуковом выражении, функционирующее при участии музыкального опыта и внемузыкальных ассоциаций»¹⁴. Такое понимание музыкальной лексемы восходит к концепции Б. В. Асафьева, согласно которой существует некий «интонационный фонд», а сама музыка рассматривается как «искусство интонируемого смысла», поэтому «бытующие интонации» являются не просто структурными микрофрагментами текста, но семантическими единицами»¹⁵.

Познание музыкального произведения в контексте теории интертекста опирается на образный строй произведения, его философские и художественные идеи, а также заимствование материала. И. С. Стогний подразделяет варианты отображения интертекстуальности в музыкальных произведениях на три модуса, два из которых связаны с «театром переживания» [9]. Первый относится к «идее маски» и реализуется с использованием «чужого слова», проявляясь в аллюзии, цитировании, стилизации, т. е. происходит конструирование интертекстуальности, интеграционный процесс «свое – чужое», когда автор стилизует свой текст в манере чужого, интегрируя его в семантико-композиционную структуру нового произведения. Второй модус связан с «идеей переживания», здесь «дистанция между “своим” и “чужим” заметно уменьшается или вообще исчезает» [9]. Рассматривая третий модус, И. С. Стогний выводит два принципа использования интертекста, переход его в гипертекст. Например, «Лунная соната» Л. ван Бетховена как символ эпохи в финале фортепианной сонаты Ф. Шуберта, а затем у Д. Шостаковича [9]; «Кармен», начиная с оперы Ж. Бизе, балета Р. К. Щедрина и заканчивая джазовой «Концертной фантазией» А. П. Розенבלата [9].

¹⁰ Арановский М. Г. Музыкальный текст: Структура и свойства. М. : Композитор, 1998. 343 с.

¹¹ Там же. С. 74.

¹² Там же. С. 65.

¹³ Там же. С. 63.

¹⁴ Холопова В. Н. Музыка как вид искусства. СПб. : Лань, 2002. С. 320.

¹⁵ Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. М. ; Л. : Изд-во и типолитограф. Музгиза, 1947.

Интертекстуальное обращение может осуществляться не только через аллюзию на первоисточник, но и на его уже существующие модификации. Примером может служить Вторая фортепианная соната А. Шнитке, которая отсылает к Первой прелюдии Д. Шостаковича из цикла 24 прелюдии и фуги соч. 87, вдохновленная, в свою очередь, баховской прелюдией. Так возникает модель интертекста, основанная на «наращивании целого культурного слоя вокруг определенного художественного объекта» и включающая в себя мировоззренческие, концептуальные, сюжетные «диалоги» [10]. В этой связи возникает важный для проблематики музыкальной интертекстуальности вопрос «узнаваемости» заимствованного материала, т. к., по словам А. В. Денисова, «чужой текст должен быть не просто узнан, его образ как будто скрыт под покровом авторского “Я”, просвечивая сквозь него мерцанием новых смыслов»¹⁶, что актуализирует проблему донесения смысла. Представляется, что особую сложность для восприятия и интерпретации являют собой модифицированные музыкальные цитаты, поскольку, как подчеркивает Денисов, при помещении в диссонирующий по отношению к ним контекст семантика цитаты может приобретать иную, подчас даже гротескно-пародийную коннотацию; данный вид цитаты требует трансформации определенных репрезентативных признаков – «темпа, темброво-регистровое решение, гармония и фактура сопровождения, артикуляция»¹⁷. Такие изменения «деформируют» цитату с приданием ей совершенно противоположного эмоционального ключа. Примером могут служить цитаты из «Тристана и Изольды» Р. Вагнера в «Детском уголке» К. Дебюси или превращение в пародию на советскую эпоху песни из кинофильма «Двадцатый май» (композиторы – братья Даниил и Дмитрий Покрассы) «Москва майская» в вокальном цикле Б. Тищенко «Апельсинка» (2004).

При рассмотрении вопроса узнаваемости музыкальной цитаты особое внимание следует уделять различию между возможностями литературного текста и текста музыкального. Если в первом случае возможна экплицитная отсылка к автору, то в качестве музыкальной цитаты может однозначно восприниматься только цитата, которая имеет устоявшееся историческое значение и широкую известность (например, мотив из четырех тактов симфонии № 5 Бетховена, получивший название «Так судьба стучится в дверь»).

Существующие научные разработки позволяют исследователям в дальнейшем обращаться к изучению некоторых отдельных аспектов интертекстуальности и применять методику их обнаружения к конкретным произведениям и авторам. Интертекстуальность в музыке реализуется как условие и способ существования текста в семиотической культурной среде применительно к композиционному процессу отдельного художника с учетом индивидуальных приемов межтекстового взаимодействия, результатом которого становится диалог самобытных культурных концепций.

Заключение

Теория интертекстуальности получила достаточное развитие в сфере исследований музыкальной культуры, где выявлены и обоснованы механизмы реализации интертекстов. Создавая текст, автор музыкального произведения осознанно или неосознанно сохраняет невидимые связи, которые позволяют слушателю при постижении произведения распознать «просвечивающий» прецедентный текст. В данном процессе, опираясь на аллюзии, цитаты и реминисценции, интертекст выполняет задачи углубления художественного смысла.

¹⁶ Денисов А. В. *Метаморфозы музыкального текста*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2024. 189 с.

¹⁷ Денисов А. В. *Интертекстуальность в музыке: исследовательский очерк*. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. С. 46

Исходя из понимания двойственности феномена интертекстуальности как взаимодействия композитора и слушателя, следует учитывать наличие у них общего «тезауруса», который в определенной мере зависит от эволюции музыкального сознания на нескольких уровнях – универсальном, национальном и индивидуальном. Это, с одной стороны, создает определенные проблемы донесения смысла (в понимании А. В. Денисова), с другой – позволяет рассматривать культурную память как интертекстуальный энциклопедический код (по Г. В. Денисовой), определяя интертекстуальность как «машину памяти» (по Е. А. Яблонской).

Исследование указывает на то, что до определенного периода актуализации теории интертекстуальность в музыкальной культуре являлась способом авторского мышления, а с середины XX в. стала проявляться как художественный принцип музыкально-творческого процесса. Оценивая перспективы развития музыкальной культуры конца XX – начала XXI вв., можно наблюдать движение в сторону создания общей семиосферы (в понимании Ю. М. Лотмана) с размытием границ «свое – чужое» при сохранении национальной идентичности и узнаваемого авторского стиля.

Статья вносит вклад в разработку теории интертекстуальности (на материале музыки), в изучение китайско-российского диалога. Ее материалы могут быть полезны специалистам в области сравнительного музыковедения, изучения китайской музыкальной культуры, китайско-российских культурных взаимосвязей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзенштадт С. А., Цзя Л. Александр Черепнин в Китае: путешествие, изменившее судьбы китайской музыки // Обсерватория культуры. 2022. Т. 19, № 6. С. 648–658. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2022-19-6-648-658>
2. Ван Ш. Жанры камерно-вокальной лирики европейского типа в китайской музыке 1920–1940 гг. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2, ч. 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20743> (дата обращения: 03.02.2024).
3. Хань И. Романс как новый жанр в музыкальной культуре Китая XX в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2008. № 3. С. 57–59. URL: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/4c7/08-03.pdf> (дата обращения: 07.02.2024).
4. Яблонская Е. А. Интертекстуальные аспекты музыкальной культуры последней трети XX века // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2007. № 2 (12). С. 97–111.
5. Бахтин М. М. Проблема текста // М. М. Бахтин. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари, 1997. С. 306–326.
6. Денисова Г. В. Интертекстуальная компетенция личности: вектор культурной эволюции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 9 (801). С. 184–193. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/9_801.pdf (дата обращения: 03.02.2024).
7. Денисова Г. В., Смирнова О. В., Сапунова О. В. Лингвокультурные универсалии как доминирующий фактор восприятия мемов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № 6. С. 43–49. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-23.043>
8. Кремнева А. В. Основные направления интертекстуальных исследований и возможные перспективы дальнейшего изучения проблемы межтекстового взаимодействия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (116). С. 105–116.
9. Стогний И. С. Модусы интертекстуальности в музыке // Musicus: Вестник Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. 2011. № 3–4. С. 28–34. URL: http://old.conservatory.ru/files/Musicus27_Stogniy.pdf (дата обращения: 24.05.2024)
10. Стогний И. С. Интертекстуальность в музыке. Вариации на тему // Современные проблемы музыковедения. 2017. № 3. С. 85–96. URL: <https://gnesinsjournal.ru/index.php/CM/article/view/134> (дата обращения: 21.05.2024).

REFERENCES

1. Aizenshtadt S.A., Tszya L. Alexander Tcherepnin in China: Chronicle of the Journey That Showed the Way to Chinese Music. *Observatoriya kul'tury*. 2022;19(6):648–658. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2022-19-6-648-658>
2. Wang C. Genres of European-Type Chamber Vocal Lyrics in Chinese Music of the 1920s–1940s. *Modern Problems of Science and Education*. 2015;(2-1). (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20743> (accessed: 03.02.2024).
3. Han Y. [Romans as a New Genre in Chinese Musical Culture of the XX Century]. *Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East*. 2008;3:57–59. (In Russ.) Available at: <https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/4c7/08-03.pdf> (accessed 07.02.2024).
4. Yablonskaya E.A. [Intertextual Aspects of Musical Culture of the Last Third of the Twentieth Century]. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2007;(2):97–111. (In Russ.)
5. Bakhtin M.M. [The Problem of the Text]. In: M.M. Bakhtin. [Collected Works]: in 7 vols. Vol. 5. [Works of the 1940s – Early 1960s.]. Moscow: Russkie slovari; 1997. p. 306–326. (In Russ.)
6. Denisova G.V. Intertextual Competence and Cultural Evolution Nowadays. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2018;(9):184–193. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/9_801.pdf (accessed 03.02.2024).
7. Denisova G.V., Smirnova O.V., Sapunova O.V. Linguocultural Universals as a Dominant Factor in the Perception of Memes. *Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education*. 2023;(6):43–49. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20339/PhS.6-23.043>
8. Kremneva A.V. The Main Directions of Intertextual Research and Possible Prospects for Further Study of the Problem of Intertextual Interaction. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*. 2017;(3):105–116. (In Russ., abstract in Eng.)
9. Stogniy I.S. [Modes of Intertextual Relations in Music]. *Musicus: Quarterly of the St. Petersburg State Conservatoire named after N.A. Rimsky-Korsakov*. 2011;(3–4):28–34. (In Russ.) Available at: http://old.conservatory.ru/files/Musicus27_Stogniy.pdf (accessed 24.05.2024).
10. Stogniy I.S. [Intertextuality in Music. Variations on a Theme]. *Contemporary Musicology*. 2017;(3):85–96. (In Russ.) Available at: <https://gnesinsjournal.ru/index.php/CM/article/view/134> (accessed: 21.05.2024).

Об авторах

Денисова Галина Валерьевна, доктор культурологии, профессор кафедры семиотики и общей теории искусства факультета искусств Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7719-8380>,
SPIN-код: 3972-0093,
e-mail: denissovagv@my.msu.ru

Го Цин, аспирант кафедры семиотики и общей теории искусства факультета искусств Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1503-8657>,
e-mail: 694875907@qq.com

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 18.02.2025; одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 29.04.2025.

Вклад авторов

Г. В. Денисова – формулирование идеи исследования, целей и задач; создание и подготовка рукописи; критический анализ.

Ц. Го – анализ литературы по заявленной проблеме; структурирование текста статьи.

About the authors

Galina V. Denisova, Dr.Sci. (Cult.), Professor of the Chair of Semiotics and General Theory of Art, Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7719-8380>,

SPIN-код: 3972-0093,

e-mail: denissovagv@my.msu.ru

Qing Guo, Researcher of the Chair of Semiotics and General Theory of Art, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1503-8657>

e-mail: 694875907@qq.com

Authors' contribution

G. V. Denisova – formulation of the research idea, goals and objectives; creation and preparation of the manuscript; critical analysis.

Q. Guo – analyzing the literature on the research problem; structuring the text of the article.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 18.02.2025; revised 23.04.2025; accepted 29.04.2025.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВИСТИКА / LITERARY STUDIES AND LINGUISTICS

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.053-065>
EDN: <https://elibrary.ru/vqxulz>
УДК / UDC 811.161.1:130.2

Язык современного поэтического эссе и метаязык культуры: к проблеме лингвокультуротворчества

А. А. Индрикова

Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Российская Федерация
sajenina@list.ru

Аннотация

Введение. Язык современного поэтического эссе рассматривается как культурно-символическая система, особый поэтико-философский тезаурус, понимание которого сопряжено с овладением метаязыком русской культурной матрицы. Исследование языка поэтического эссе подчеркивает сложность и многогранность проблемы поэтического языка, сводящейся к освоению символического метаязыка русской культуры и ее констант. Цель исследования – анализ современных методов изучения поэтического эссе как продукта лингвокультуротворческой деятельности, требующего овладения особым метаязыком культуры.

Материалы и методы. Материал исследования – жанр поэтического эссе. В работе применяются культурно-генетический и типологический подходы, раскрывающие поэтическое эссе как феномен лингвокультуротворчества, в котором пересекаются литература, культура и общество. Теоретической основой выступают труды по литературоведению, семиотике и философии языка, что способствует комплексному изучению структуры и метаязыковой природы жанра. Используется диалогическая методология М. М. Бахтина, позволяющая рассматривать поэзию как динамическое взаимодействие различных культурных традиций, исторических эпох и индивиду-

© Индрикова А. А., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

альных мировоззрений. Анализ концептной структуры поэтического эссе фундирован эволюционно-семиотическими рядами Ю. С. Степанова.

Результаты исследования и их обсуждение. Автор предлагает комплексную методологию исследования современного поэтического эссе, которая объединяет культурно-генетический и типологический подходы, проясняющие взаимодействие литературы, культуры и общества. Концептная система поэтического эссе в рамках такой методологии позволяет выявить систему ценностей автора и составить представление о тезаурусе констант русской культуры, неизменно воплощающих в актуальной форме поэзиса ее архетипы. Современное поэтическое эссе обладает синтетическими свойствами поэтического, философского текста и признаками эссе – конкретно-прозаического текста, ограниченного заданностью темы и рамками компактного объема.

Заключение. Материалы статьи могут быть полезны в научной и педагогической работе при анализе современного поэтического творчества. Сделанные автором выводы вносят вклад в понимание метаязыковой специфики современного поэтического эссе и в целом способствуют более глубокому осознанию механизмов лингвокультуротворчества и восприятия литературы.

Ключевые слова: поэтическое эссе, русский культурный тезаурус, константы культуры, лингвокультуротворческая деятельность, метаязык

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Индрикова А. А. Язык современного поэтического эссе и метаязык культуры: к проблеме лингвокультуротворчества // Бахтинский вестник. 2025. Т. 7, № 1. С. 53–65. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.053-065>

The Language of Modern Poetic Essay and the Metalanguage of Culture: On the Problem of Linguocultural Creativity

A. A. Indrikova

Moscow State Linguistic University (MSLU),
Moscow, Russian Federation
sajenina@list.ru

Abstract

Introduction. The language of modern poetic essay is considered as a cultural-symbolic system, a special poetic-philosophical thesaurus, understanding of which is associated with mastering the metalanguage of the Russian cultural matrix. The study of the language of poetic essay emphasizes the complexity and multifaceted nature of the problem of poetic language, which is reduced to mastering the symbolic meta-language of Russian culture and its constants.

Materials and Methods. The material of the study is the genre of poetic essay. The work uses cultural-genetic and typological approaches that reveal the poetic essay as a phenomenon of linguocultural creation, in which literature, culture and society intersect. The theoretical basis is provided by works on literary studies, semiotics and philosophy of language, which contributes to a comprehensive study of the structure and metalinguistic nature of the genre. The dialogical methodology of M. M. Bakhtin is used, which allows us to consider poetry as a dynamic interaction of different cultural traditions, historical epochs and individual worldviews.

Results and Discussion. The author proposes a comprehensive methodology for the study of modern poetic essay, which combines cultural-genetic and typological

approaches that clarify the interaction of literature, culture and society. The conceptual system of the poetic essay within the framework of such methodology allows us to reveal the author's system of values and to get an idea of the thesaurus of constants of Russian culture that invariably embody its archetypes in the actual form of poetry.

Conclusion. The materials of the article can be useful in scientific and pedagogical work when analyzing modern poetic creativity. The conclusions made by the author contribute to the understanding of the metalinguistic specificity of the modern poetic essay and in general contribute to a deeper understanding of the mechanisms of linguocultural creation and perception of literature.

Keywords: poetic essay, Russian cultural thesaurus, cultural constants, linguocultural creativity, metalanguage

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Indrikova A.A. The Language of Modern Poetic Essays and the Metalanguage of Culture: On the Problem of Linguocultural Creativity. *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2025;7(1): 53–65. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.053-065>

Введение

Появление жанра поэтического эссе в русской культуре рубежа XX–XXI вв. неслучайно. Это симптом смысловой перезагрузки современной культуры, попытка обобщения огромного культурного опыта в поэтической форме. Исследователь современной поэзии и поэтологии А. А. Житенев отмечает, что начало XXI в. связано с «ощущением исчерпанности многих смыслов и значений, связанных с поэзией как феноменом культуры» [1]. Одновременно с необходимостью переосмысления накопившихся объемов культурного опыта повышается требовательность к автору, от которого ожидается серьезная рефлексивная подготовка, глубокое знание истории, философии и литературы. Поэтическая форма эссе позволяет зафиксировать настоящий момент в истории как результат лингвокультурогенеза и как момент перехода, смыслового сдвига в литературе, через который современная культура выстраивает свой поэзис – систему образов будущего, усиленную философской и поэтической составляющей жанра поэтического эссе.

Жанр эссе «остаётся одной из наименее теоретически изученных областей словесности», – отмечает философ, культуролог, филолог М. Н. Эпштейн, работы которого внесли серьезный вклад в изучение этого жанра¹ [2]. Анализу стилистических особенностей эссе посвящена статья Л. Г. Кайды [3], характеристике основных черт жанра и обозначению его границ – статья В. М. Уचाкиной [4]. Особенности эссе в публицистическом и журналистском дискурсах выявляют В. И. Новиков [5], О. В. Пугачева [6], с позиций методики обучения его рассматривают Р. П. Мильруд и И. Р. Максимова [7]. Однако практически нет исследований такой разновидности жанра, как поэтическое эссе. Цель данной статьи – анализ современных подходов к исследованию поэтического эссе, представляющего собой результат сложной лингвокультуротворческой деятельности, предполагающей освоение особого метаязыка культуры.

Материалы и методы

Материал исследования – современное поэтическое эссе. Основой исследования являются культурно-генетический и типологический подходы, позволяющие рассмотреть поэтическое эссе как феномен лингвокультуротворчества, отражающий

¹ Эпштейн М. Н. На перекрестке образа и понятия. (Эссеизм в культуре Нового времени) // Парадоксы новизны. М. : Советский писатель, 1988. С. 334–380;

взаимодействие литературы, культуры и общества. Автор опирается на труды в области литературоведения, семиотики и философии языка, что позволяет провести междисциплинарный анализ структуры и метаязыковой специфики поэтического эссе. Автор разрабатывает методологию, объединяющую культурно-генетический и типологический подходы. В качестве теоретической основы применяется диалогический метод М. М. Бахтина, позволяющий рассматривать поэзию как динамическое взаимодействие различных культурных традиций, исторических эпох и индивидуальных мировоззрений. Анализ концептной структуры поэтического эссе фундирован эволюционно-семиотическими рядами Ю. С. Степанова.

Результаты исследования и их обсуждение

Генетический и типологический подходы в исследовании современного поэтического эссе. Генетический подход в исследовании современного поэтического эссе сосредоточивается на выявлении преемственности литературных категорий, жанров и приемов. Типологический анализ позволяет исследовать эссе сквозь призму изменения форм художественного сознания и представлений о литературе. Основной целью исторической поэтики, по мнению русского историка литературы А. Н. Веселовского, является извлечение законов поэтического творчества из литературной эволюции – из самой ткани истории развития литературы². Это предполагает изучение как культурно-генетических, так и типологических аспектов поэтики современного эссе. Вслед за Веселовским мы подчеркиваем важность изучения эссе как продукта эволюции поэтического сознания, отражающего идеологические и культурные потребности эпохи в особом культурном тезаурусе, сопрягающем социальный опыт эпохи перехода к информационному постиндустриальному типу культуры с опытом предшествующих социальных формаций.

Индивидуально-творческий тип художественного сознания, характерный и для современного поэтического эссе XXI в., развивается уже с конца XVIII в. и основывается на принципе историзма. В рамках этого типа художественного сознания литература становится инструментом выражения авторского мировоззрения, отражая уникальный опыт и восприятие реальности. Индивидуально-творческий тип художественного сознания знаменует качественный скачок в развитии литературы, устанавливая тесную связь между личностью автора и содержанием произведения, с одной стороны, и между личностью автора и культурно-историческим периодом, с другой. Историко-генетический подход к изучению эссе предполагает акцент на изменениях форм и категорий поэтики, обусловленных не только преемственностью, но и социальными трансформациями.

Художественное сознание автора современной эпохи влияет и на принципы литературного творчества, что проявляется в содержательном изменении таких категорий поэтики, как стиль, жанр, автор.

Важнейшая категория поэтики современного эссе – автор, понимаемый как уникальная личность с собственной точкой зрения и стилистической манерой. Индивидуальность автора становится источником художественной новизны, а литература – формой его самовыражения. Автономия автора подчеркивается его свободой от жанровых и стилистических норм, характерных для традиционалистского сознания.

Жанровая система в современной литературе становится более гибкой. Появление поэтического эссе является симптомом развития смешанных форм, индивидуализированных под конкретного автора. Современное поэтическое эссе показывает, как жанр теряет свою строгую нормативность и превращается в средство для передачи социально значимых идей и личного чувственного опыта, что способствует его эволюции и многообразию.

² Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 299.

Стиль современного поэтического эссе (в отличие от предыдущих эпох) приобретает индивидуально-личностный характер. Авторы используют оригинальные лексические, синтаксические и изобразительные средства для создания уникальных художественных образов, реферирующих со всем предшествующим культурно-символическим наследием литературы.

Таким образом, культурно-генетический и типологический подходы к исследованию современного поэтического эссе позволяют раскрыть взаимодействие литературы с культурой и обществом, освещая трансформацию ее категорий на различных этапах истории.

К дефиниции жанра поэтического эссе. В «Литературном энциклопедическом словаре» эссе определяется как «прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции, выражающее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета»³. «Большой энциклопедический словарь» дает такое определение: «Эссе – это жанр философской, литературно-критической, историко-биографической, публицистической прозы, сочетающий подчеркнуто индивидуальную позицию автора»⁴. С точки зрения жанровых особенностей поэтическое эссе обладает синтетическими свойствами одновременно поэтического и философско-публицистического текста, ограниченного заданностью темы и рамками компактного объема, свойственными эссе в целом.

Современное поэтическое эссе определяется нами как сложный философско-поэтический жанр, характеризующийся художественностью, яркостью образов (т. е. элементами, присущими современной художественно-публицистической прозе) и обладающий характерной заданностью тематики, формы и размера. Обратимся последовательно к каждому из компонентов содержательной характеристики поэтического эссе.

Признаки поэтического текста. К формальным особенностям поэтического произведения относятся рифма, размер и ритм; богатство выразительных средств (метафор, олицетворений, сравнений, эпитетов); присутствие лирического героя; способность эмоционального воздействия на читателя.

Кроме вышеперечисленных в недавних исследованиях выделяют следующие категориальные признаки поэтического текста: цельность; связность; неаддитивность (открытая, незавершенная концовка); концептуальное единство, достигаемое посредством синонимизации ключевых слов⁵.

Все указанные признаки поэтического текста, кроме рифмы, свойственны современному поэтическому эссе. Некоторые исследователи отмечают, что «формальные признаки поэтической речи (рифма, ритм, образность, ясность, емкость, глубина, лаконичность, приемы построения) – еще не гарантируют высокого качества произведения»⁶. Следует добавить, что отсутствие рифмы в эссе компенсируется авторской размерностью, музыкальностью и особой ритмикой, обеспечиваемой во многом особым синтаксисом – инверсиями, анафорами, эпифорами. Гармоничное сочетание

³ Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 516.

⁴ Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://slovar.cc/enc/bolshoy/2135168.html> (дата обращения: 12.12.2024).

⁵ Сергодеев И. В. Категориальные признаки поэтического текста: цельность, связность, неаддитивность // Филология, лингвистика, журналистика: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей Междунар. науч.-практич. конф. Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2020. С. 42–44. URL: <https://naukaip.ru/wp-content/uploads/2020/08/МК-859.pdf> (дата обращения: 31.10.2023).

⁶ Юденко В. Что такое поэзия. Эссе [Электронный ресурс] // Проза.ру: интернет-портал. URL: <https://proza.ru/2011/05/16/1047> (дата обращения: 12.12.2024).

формы и содержания обеспечивается единством высокого стиля автора, выступающего в качестве требования адекватной формы воплощения высокой идеи.

Говоря о поэтических признаках современного поэтического эссе, необходимо акцентировать такой параметр, как высокоорганизованность смысла. Под смыслом мы вслед за О. С. Анисимовым понимаем «процесс активного осмысливания», характерного, в первую очередь, для русской поэзии; высокая организованность смысла достигается воплощением автором такого содержания, в котором обнаруживается «общезначимое» (в отличие от житейского) для всего человечества, его «культурные и исторические корни»⁷. Именно референцию к общезначимому, универсальному в характере деятельности автора находим у М. М. Бахтина в наброске «Меннипова сатира и ее значение в истории романа»: «Процесс творчества совершается не в голове творящего и не на бумаге. Он совершается в большом мире и в большом времени (в большой объективной памяти человечества)» [8, с. 738].

Итак, поэтическим текст современного поэтического эссе становится благодаря не столько неким формальным признакам жанра, сколько особому способу воплощения в произведении образов, которые могут быть определены как «стремящиеся к эстетическому идеалу». Способ воплощения подобных художественных образов может быть описан в терминах высокого стиля, задающего «наивысшую степень» воплощения образа.

Признаки философского текста. Поэтическое эссе обладает признаками философского текста. Философский текст не выделяется в стилистике как отдельный жанр текста, но изучается в философии и теории культуры как «процесс конструирования философской коммуникации» [9, с. 122].

Китайский исследователь Ж. Сюй, отмечая, что характерным признаком философского текста является его «избыточность», подчеркивает, что специфической особенностью языковой формы философского текста является употребление лексических единиц не в прямом (словарном) значении: «За лексической формой слова скрыт концепт, прочтение которого нуждается не столько в языковых навыках, сколько в культурологических знаниях, а именно познании той картины мира, которая стоит за словом» [10, с. 257]. Это характерно и для поэтического эссе.

Сложность понимания философского текста определяется, с одной стороны, сложностью понимания внутренней интенции автора-мыслителя, его идейного замысла, что сопряжено с постижением определенного культурно-языкового наследия автора эссе и новизной его поэтической идеи, с другой стороны, сложностью самого языка философии. Все эти языки (язык философии, язык автора-философа, язык культуры) служат своего рода метаязыком текста поэтического эссе. Поэтому чтение и перевод поэтического эссе сопряжены с постижением и освоением этого особого метаязыка.

Чтение эссе предполагает считывание всего поэтико-философского тезауруса автора. Это сложная лингвокультуротворческая деятельность. Для адекватного понимания такого материала требуется овладение авторским философским метаязыком, основанным на историко-культурной матрице русского языка, воплощенной в мировоззрении автора, его системе ценностей, идеалах и прослеживаемой в концептной системе эссе. Поэтому чтение поэтического эссе предполагает освоение особой технологии культурного чтения – постижение особого языка поэтического эссе, которое возможно при условии овладения метаязыком русской культурной матрицы и философской системы автора текста.

Используя идеи и терминологию М. М. Бахтина, жанр эссе можно понимать как полифонический текст, в котором разные голоса и точки зрения переплетаются и диа-

⁷ Анисимов О. С. Идентификация и самоорганизация актера в сценическом пространстве: Метод К. С. Станиславского и игротехника. М. : Угрешская типография, 2013. 358 с.

логизируют друг с другом. Эссе стремится к истине через сопряжение воплощенного в авторском языке индивидуального видения автора и коллективного культурного опыта – культурного тезауруса.

Признаки художественно-публицистического текста. Современному поэтическому эссе публицистичность придает яркость и образность языка, стройная образная система, а художественность создается богатством образных средств (метафор, сравнений, олицетворений, эпитетов) и высотой стиля.

Язык поэтического текста: методологические трудности. Поэтический язык представляет собой уникальную языковую систему, отличающуюся от обычного литературного языка своей структурой, функциями и эстетическими задачами. В «Литературном энциклопедическом словаре» слово «поэтика» (от греч. *poietike* – поэтическое искусство) определяется как «наука о строении литературных произведений и системе эстетических средств, в них используемых, а также об исторических законах их изменения, о возможных способах художественного воплощения авторского замысла»⁸. Опираясь на данное определение, язык современного поэтического эссе можно изучать как с точки зрения эстетики его формы и содержания, так и с позиций тех исторических законов, которые обуславливают неслучайное рождение того или иного текста и вписывают его в новый культурный контекст. В рамках формального метода, разработанного в рамках русской «формальной школы» и Пражского лингвистического кружка, поэтический язык можно определить как способ существования естественного языка, в котором любой элемент стремится к семантическому наполнению и эстетической значимости. Согласно Р. Якобсону, поэтическая функция языка направлена на самовыражение, что отличает его от обычного языка, где доминирует коммуникативная функция⁹. В этом контексте поэтический язык становится вторичной моделирующей системой, где форма и содержание находятся в особом взаимодействии.

Определение поэтического языка вызывает методологические трудности. Понятие «язык» в данном контексте не соответствует традиционным языковым системам, таким как французский или немецкий. Поэтический язык нельзя рассматривать через призму диалектологических методов, так как он не является диалектом русского литературного языка. Например, латинский язык в средневековой Европе использовался как язык поэзии, но не был поэтическим языком в смысле его специфики.

Поэтический язык характеризуется множеством особенностей, важнейшей из которых традиционно считается его эстетическая функция. Основное назначение поэтического языка – создание эстетически значимого текста. Это достигается через использование особых фонетических, морфологических и синтаксических средств. Так, например, современное поэтическое эссе использует архаизмы и диалектизмы для создания особой атмосферы и передачи исторического контекста. Эссе как любой поэтический текст часто включает элементы структурно-композиционной и концептуально-содержательной сложности, которые создают дополнительные трудности для восприятия текста. Это может быть связано с повторением одинаковых звуков или сложными синтаксическими конструкциями.

Поэтическая конструкция поэтического эссе выстроена на системном единстве элементов всех уровней – от фонетической до семантической. Эти элементы работают

⁸ Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова ; науч. ред.: И. Н. Сухих, С. В. Друговейко-Должанская ; ст.: Д. С. Лихачев, М. Л. Гаспаров. СПб. : Паритет, 2006. URL: https://foxford.ru/wiki/literatura/poetics?srsId=AfmB0opeBT3o6msl_QrnnpAQzXdfW9Fma9KY39Y8zZkaWrgchLtFPwV&utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.ru%2F (дата обращения: 12.12.2024).

⁹ Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М. : Прогресс, 1987. С. 274-275.

в совокупности, создавая целостную структуру произведения и передавая единый замысел автора.

Одной из ключевых проблем исследования языка поэтического эссе является отсутствие чисто лингвистических признаков, которые могли бы однозначно отличить поэтический язык от непоэтического. Например, исследования формальной школы, в частности Р. Якобсона, показали, что диссимиляция плавных звуков возможна как в непоэтическом, так и в поэтическом языке¹⁰. Это указывает на то, что особенности поэтического языка не лежат на уровне лексики или фонетики.

Поэтический язык – это форма языка, в которой каждый элемент приобретает эстетическую значимость. Его главная функция заключается в создании художественного эффекта через использование фонетических, лексических и синтаксических средств. В отличие от непоэтического языка, поэтический язык направлен на самоценность формы и ее взаимодействие с содержанием.

Взаимосвязь поэтического языка и композиции. Поэтический язык и композиция тесно связаны между собой. Язык становится поэтическим только в рамках конкретной композиционной структуры. Например, ритмическая организация стихотворения зависит от выбора метра и строфической структуры. Композиция же определяет, какие элементы языка будут использоваться для достижения художественного эффекта.

Формалисты подчеркивали важность анализа взаимодействия формы и содержания. По их мнению, язык следует рассматривать как материал для создания художественной конструкции. Только в рамках этой конструкции лингвистические элементы могут выполнять эстетические функции.

Поэтический язык и композиция литературного произведения представляют собой ключевые аспекты художественного текста, формирующие его эстетическую ценность и структурную целостность. Поэтический язык, подчиненный художественной функции, и композиция, организующая элементы текста, являются взаимосвязанными компонентами, определяющими восприятие произведения читателем. Основные характеристики поэтического языка: эстетическая насыщенность (все элементы языка подчинены задаче создания художественного впечатления); ритмическая организация (использование ритма, метра и звуковых повторов (анафоры, эпифоры) для усиления выразительности); символизм и многозначность (слова и выражения приобретают дополнительные смыслы в зависимости от контекста); сложность восприятия (часто используются сложные конструкции или редкие слова для акцента на форме).

Формалисты утверждали, что поэтические свойства языка проявляются только в рамках конкретной художественной конструкции. Это означает, что лингвистические признаки становятся поэтическими лишь тогда, когда они выполняют определенные функции в структуре произведения.

Композиция – это система организации частей текста, обеспечивающая его целостность и гармонию. Она включает как внешние элементы (сюжетное построение), так и внутренние (ритм, смена точек зрения). Композиция связывает все компоненты текста в единое целое, подчиняя их авторской идее. Основные элементы композиции: сюжетная структура (включает завязку, развитие действия, кульминацию и развязку); архитектура (внешняя структура текста: главы, строфы); речевые формы (повествование, диалог, описание); образная система (персонажи, символы и детали).

Композиционные приемы общие для всех поэтических текстов: повторы (например, лейтмотивы или рифмы усиливают эмоциональное воздействие); противопоставление (антитеза образов или событий создает драматический эффект). Композиция не только структурирует текст, но и направляет восприятие читателя. Например,

¹⁰ Якобсон Р. О. О чешском стихе, преимущественно в сопоставлении с русским. [Берлин] : Гос. изд-во РСФСР, 1923. С. 17.

кольцевая композиция создает ощущение завершенности, а ретроспекция позволяет взглянуть на события с новой точки зрения.

Поэтический язык и композиция являются основными компонентами литературного произведения, которые формируют его структуру и эстетическое воздействие. Поэтический язык обретает свои свойства только в контексте конкретной композиционной организации текста. Композиция же обеспечивает единство формы и содержания произведения, направляя восприятие читателя. Изучение этих аспектов позволяет глубже понять природу художественного творчества и специфику литературного текста как эстетического объекта.

От поэтического языка современного эссе – к тезаурусу русской культуры. Исследование культурных констант занимает центральное место в понимании оснований русской культуры. Русская культура, обладая богатым наследием и многослойной структурой, представляет собой сложную систему, в которой культурные константы выполняют функцию базовых ориентиров. Они закрепляют фундаментальные ценности, идеалы и смыслы, определяющие специфический облик культуры.

Культурные константы – это устойчивые элементы, сохраняющиеся в историческом развитии культуры и остающиеся значимыми для ее носителей. Эти элементы могут принимать форму символов, понятий, текстов, образов, ритуалов и норм. Их особенность заключается в способности интегрировать исторический опыт и одновременно направлять общественное сознание в будущее. Константы играют ключевую роль в обеспечении преемственности культурного наследия.

Тезаурус констант русской культуры формирует метаязык поэтического эссе, передающего в новой, более сжатой форме, уникальный эволюционный опыт русской культуры, тем самым сохраняя «культурное ДНК» для последующих поколений.

Для русской культуры такие константы формируются на пересечении религиозных, литературных и философских традиций. Они впитывают в себя элементы как народной, так и высокой культуры, образуя богатую символическую систему.

Основные константы русской культуры:

1. Правда. Категория правды занимает центральное место в русской культуре, обладая глубокими духовными корнями. Правда в русской традиции нередко осмысливается как идеал, связанный с моральным совершенством, праведностью и исканием высшей истины. Правда символизирует не только личностное, но и общественное спасение. Такие произведения, как «Слово о полку Игореве» или романы Ф. М. Достоевского, раскрывают важность этой категории в контексте личной и коллективной ответственности.

2. Соборность. Идея соборности – еще одна ключевая константа русской культуры. Она выражает принцип единства, основанного на свободном и добровольном участии в общем деле. Этот концепт восходит к православной традиции, где собор рассматривается как форма духовного и социального единения. В русской философии XIX–XX вв. (А. С. Хомяков, Н. А. Бердяев) соборность осмысливается как альтернатива индивидуализму и коллективизму, подчеркивающая ценность личной ответственности в контексте общего блага.

3. Родина. Образ Родины в русской культуре объединяет личное, семейное и национальное измерения. Родина выступает не только как географическое пространство или политическая единица, но и как сакральный символ, связанный с представлениями о доме, земле, вере и исторической памяти. В поэзии Ф. И. Тютчева, прозе Л. Н. Толстого и других классиков русский образ Родины приобретает универсальное звучание, символизируя глубинную связь человека с культурными и природными корнями.

4. Страдание и смирение. Страдание как способ преодоления себя и путь к духовному очищению также является константой русской культуры. В православной традиции страдание осмысливается через призму христианской антропологии, где оно становится

не только наказанием, но и возможностью для личностного роста. Смирение, как сопряженная категория, отражает идею принятия мира таким, каков он есть, с верой в его высший смысл. Эти концепты ярко представлены в произведениях Ф. М. Достоевского, где герои проходят через внутренний кризис, ведущий к духовному прозрению.

5. Духовная борьба. Русская культура насыщена образом борьбы, происходящей не только на внешнем, но и на внутреннем уровне. Эта борьба включает противостояние между добром и злом, духом и плотью, свободой и необходимостью. Центральным элементом духовной борьбы становится поиск нравственного выбора, что делает данный процесс основой личностного развития. Эта тема отчетливо звучит в русской классической литературе, начиная с «Бориса Годунова» А. С. Пушкина и заканчивая произведениями Л. Н. Толстого.

Символы играют важнейшую роль в сохранении и трансляции культурных констант. Символы, будь то береза, крест, храм или образ Иисуса Христа, являются носителями смыслов, понятных большинству носителей культуры. Символическое значение часто закрепляется в языковых выражениях, фольклоре, архитектуре и ритуалах. Например, образ березы как символа чистоты и девичьей красоты встречается в народных песнях и литературе, а церковные купола становятся выразителем связи земного и небесного миров.

Особое место занимают тексты, которые приобретают статус культурных кодов. Произведения русской литературы, такие как «Война и мир» или «Братья Карамазовы», становятся не только художественными, но и философскими трактатами, передающими культурные ценности [11].

Культурные константы не являются статичными; они подвержены изменениям под влиянием исторических, социальных и политических факторов. Например, идея соборности в XX в. была переосмыслена в контексте советской идеологии, что привело к ее адаптации к новым реалиям и выразилось, в частности, в идее коммунистического «братства». Тем не менее основные смыслы констант сохраняются, так как они укоренены в глубинных структурах культуры. Так, например, концепты «русский мир», «русская мечта» с референцией сразу к нескольким константам («мир» и «родина», «соборность») в текстах эссе А. А. Проханова – пример «продолжения» жизни констант и их смысловое «уплотнение».

Глобализация и цифровизация создают новые вызовы для сохранения культурных констант. Процессы унификации и утраты национальной идентичности ставят под угрозу традиционные символы и смыслы. Однако русская культура демонстрирует устойчивость, адаптируя свои константы к новым условиям и находя формы их языковой актуализации в современном мире. В эссе К. А. Тангалычева «Язык – животворящая материя» показаны возможности сохранения констант традиционных культур в русском языке [12].

Тезаурус констант русской культуры представляет собой сложную и многослойную систему, в которой переплетаются исторические, религиозные и философские традиции. Ключевые константы (правда, соборность, родина, страдание, духовная борьба) служат основой для формирования метаязыка русской культуры. Их изучение позволяет не только глубже понять специфику русской культуры, но и выявить универсальные ценности, значимые для всего человечества¹¹. В условиях современных вызовов важно сохранять и развивать культурные константы, которые продолжают служить источником вдохновения и опоры для будущих поколений. В этом смысле поэтическое эссе отвечает требованиям компактности формы и ценностного отбора концептов, способных передать константы русской и мировой культуры.

Итоги методологического анализа проблемы поэтического языка. В результате нашего анализа проблемы языка современного поэтического эссе можно выделить

¹¹ Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Академический проект, 2004. 992 с.

несколько ключевых моментов, которые сводятся к методологической сложности и многогранности явления поэтического языка.

1. Поэтические функции языка современного поэтического эссе. Прежде всего необходимо отметить, что признаки поэтического языка не принадлежат языковым элементам как таковым, а являются свойствами конкретных поэтических конструкций. Это означает, что поэтические функции языка могут проявляться только в контексте определенного произведения или высказывания, и их значение зависит от историко-культурного контекста и идейного замысла автора. Поэтические функции языка и его элементов становятся актуальными лишь в рамках поэтических произведений. Каждый элемент языка может приобретать самостоятельное значение и конструктивные функции только в зависимости от особенностей конкретной поэтической конструкции. Это подчеркивает важность анализа не отдельных языковых единиц, а их взаимодействия в рамках художественного текста.

2. Необходимость комплексного подхода. Для более глубокого понимания поэтического языка необходимо применять комплексный подход, который учитывает не только лингвистические аспекты, но и культурные, исторические и социальные контексты. Анализ современного поэтического эссе должен включать исследование функций языковых элементов в рамках конкретных художественных задач и их взаимодействия с другими компонентами текста – культурным контекстом и метаязыком культуры, являющимися продуктом художественного сознания автора и общеисторического генезиса культуры.

Можно сделать вывод, что современное поэтическое эссе обладает синтетическими свойствами поэтического, философского текста и признаками эссе – конкретно-прозаического текста, ограниченного заданностью темы и рамками компактного объема. Современная – поэтическая – форма эссе позволяет зафиксировать настоящий момент в культуре, и предложить культуре идею будущего, усиленную философской и поэтической составляющей жанра поэтического эссе.

Заключение

Таким образом, итоги нашего исследования языка поэтического эссе подчеркивают сложность и многогранность проблемы поэтического языка. Признаки поэтичности зависят от конкретных конструкций и функций в рамках произведений, а не от абстрактной системы языка. Комплексный методологический подход к изучению поэтического языка требует внимательного анализа взаимодействия языковых элементов с художественными задачами текста, что позволит более полно осознать природу поэзии как уникального явления лингвокультуротворчества.

В каждом поэтическом эссе неизменно прослеживается метаязык культуры – система ценностей автора, выраженная в концептной системе. Ключевой концепт выстраивает всю концептную систему и весь текст эссе, позволяет выявить систему ценностей автора и составить представление о тезаурусе констант русской культуры, которые неизменно воплощают в разной форме поэтического эссе некие архетипические субстанции культуры. Текст современного поэтического эссе рассматривается как сложная лингвокультуротворческая деятельность, которая предполагает освоение особого метаязыка культуры.

Материалы статьи могут быть полезны в научной и педагогической работе при анализе современного поэтического творчества. Сделанные автором выводы вносят вклад в понимание метаязыковой специфики языка современного поэтического эссе, что способствует более глубокому осознанию механизмов лингвокультуротворчества и восприятия литературы. Анализ взаимодействия поэтического языка с философским и публицистическим дискурсами позволяет выявить эволюционные закономерности жанра поэтического эссе в современном культурном

контексте. Перспективы исследования связаны с дальнейшим изучением метаязыка поэтического эссе как особой формы лингвокультуротворчества, раскрывающей механизмы передачи и трансформации культурных констант.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Житенев А. А. Поэтология в книгах эссе А. Скидана и М. Степановой // Филологический класс. 2019. № 2 (56). С. 174–180. URL: <https://filclass.ru/en/archive/2019/2-56/poetology-in-essay-books-of-a-skidan-and-m-stepanova> (дата обращения: 23.02.2024).
2. Эпштейн М. Н. Клуб эссеистов и коллективная импровизация : творчество через общение // Новое литературное обозрение. 2010. № 4. С. 64.
3. Кайда Л. Г. Эссе как жанр в литературе и публицистике // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2008. № 4. С. 19–24.
4. Учакина В. М. Современный жанр эссе как система // Гуманитарные исследования. 2020. № 1. С. 100–107. URL: [https://humanities.asu.edu.ru/files/1\(73\)/100-107.pdf](https://humanities.asu.edu.ru/files/1(73)/100-107.pdf) (дата обращения: 31.10.2023).
5. Новиков В. И. Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения: 23.02.2024).
6. Пугачева О. В. Лингвистические аспекты жанра эссе в публицистическом дискурсе // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. С. 344–346. URL: http://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/v2011_2.pdf (дата обращения: 23.02.2024).
7. Мильруд Р. П., Максимова И. Р. Эссе как жанр, прием обучения и инструмент педагогического измерения // Язык и культура. 2020. № 49. С. 255–275. <https://doi.org/10.17223/19996195/49/17>
8. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4 (1). «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930–1950-е гг.). Комментарии и приложения. М. : Языки славянских культур, 2008. 1120 с.
9. Зубова М. В. Философский текст как философская коммуникация // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 25 (58). С. 122–126. URL: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/25\(58\)/zubova_25_58_122_126.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/25(58)/zubova_25_58_122_126.pdf) (дата обращения: 12.12.2023).
10. Сюй Ж. Герменевтический подход в переводе китайских философских текстов (на примере русских переводов «Лунь Юя» // Новый филологический вестник. 2018. № 3 (46). С. 235–261. <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00055>
11. Индриков А. А. Монументальный язык культуры: коды славного будущего // Ноосферные исследования. 2016. № 1–2 (13–14). С. 61–68. URL: http://glonoos.com/wp-content/uploads/Indrikov_2016_1-2.pdf (дата обращения: 12.12.2023).
12. Индриков А. А., Поелуева Л. А., Индрикова А. А. Метаязык «восходящей эволюции»: рефлексия над монументальными основаниями культуры // Знание. Понимание. Умение. 2023. № 1. С. 146–159. <https://doi.org/10.17805/zpu.2023.1.10>

REFERENCES

1. Zhitenev A.A. Poetology in Essay Books of A. Skidan and M. Stepanova. *Philological Class*. 2019;(2):174–180. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://filclass.ru/en/archive/2019/2-56/poetology-in-essay-books-of-a-skidan-and-m-stepanova> (accessed 23.02.2024).
2. Epstein M.N. [The Club of Esseists and Collective Improvisation: Creativity – Through – Communication]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2010;(4):64. (In Russ.)
3. Kaida L.G. [Essay as a Genre in Literature and Journalism]. *Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism*. 2008;(4):19–24. (In Russ.)
4. Uchakina V.M. Modern Genre of Essay as a System. *Humanitarian Studies*. 2020;(1):100–107. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: [https://humanities.asu.edu.ru/files/1\(73\)/100-107.pdf](https://humanities.asu.edu.ru/files/1(73)/100-107.pdf) (accessed 31.10.2023).
5. Novikov V.I. Essay as a Genre Dominant of the New Literary Journalism. *Mediascope*. 2012;(2). (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (accessed 23.02.2024).
6. Pugacheva O.V. Linguistic Aspects of the Essay Genre in Journalistic Discourse. *Bulletin of the Bryansk State University*. 2011;(2):344–346. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/v2011_2.pdf (accessed 23.02.2024).

7. Milrud R.P., Maksimova I.R. Essay as a Genre, Teaching Technique, and Tool for Pedagogical Measurement. *Language and Culture*. 2020;(49):255–275. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/19996195/49/17>

8. Bakhtin M.M. [Collected Works: in 7 vol.]. Vol. 4 (1): [«François Rabelais in the History of Realism» (1940). Materials for the Book about Rabelais (1930–1950s). Comments and Appendices]. Moscow: Yazyki slavyanskih kultur; 2008. (In Russ.)

9. Zubova M.V. [Philosophical Text as Philosophical Communication]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2008;(25):122–126. (In Russ.) Available at: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/25\(58\)/zubova_25_58_122_126.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/25(58)/zubova_25_58_122_126.pdf) (accessed 12.12.2023).

10. Xu R. The Hermeneutic Approach in Translation of Chinese Philosophical Texts (by the Example of the Russian Translation of the «Lun Yu»). *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2018;(3):235–261. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00055>

11. Indrikov A.A. Monumental Language of Culture: Codes of the Glorious Future. *Noospheric Studies*. 2016;1–2(13–14):61–68. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://glonoos.com/wp-content/uploads/Indrikov_2016_1-2.pdf (accessed 12.12.2023).

12. Indrikov A.A., Poelueva L.A., Indrikova A.A. Metalanguage of «Ascending Evolution»: Reflection on the Monumental Foundations of Culture. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2023;(1):146–159. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17805/zpu.2023.1.10>

Об авторе

Индрикова Анастасия Александровна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета (119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3457-2862>,

SPIN-код: 6024-5654

e-mail: sajenina@list.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 23.01.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 20.04.2025.

About the author

Anastasia A. Indrikova, Cand.Sci. (Cult.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of World Culture, Moscow State Linguistic University (38 Bld. 1 Ostozhenka St., Moscow 1119034, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3457-2862>,

SPIN-code: 6024-5654

e-mail: sajenina@list.ru

The author has read and approved the final manuscript

Submitted 23.01.2025; revised 15.04.2025; accepted 20.04.2025.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВИСТИКА / LITERARY STUDIES AND LINGUISTICS

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.066-075>
EDN: <https://elibrary.ru/tkznpq>
УДК / UDC 82-14Подгорнова

Мужской лирический субъект в поэзии Алины Подгорновой

А. О. Муромцева

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет,
г. Саранск, Российская Федерация
alena.muromczewa@yandex.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена изучению поэтики современной мордовской женской лирики. Предметом исследования является субъектная организация лирических текстов эрзянского автора Алины Подгорновой. Цель исследования – раскрыть специфику репрезентации мужского субъекта в ее стихотворениях.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили произведения Алины Подгорновой. В работе использованы традиционные методы литературоведческого анализа: структурно-семантический, метод целостного анализа художественного текста.

Результаты исследования и их обсуждение. В лирике Алины Подгорновой представлен мужской лирический субъект, что свидетельствует об обновлении и обогащении мотивно-образного кластера национальной женской поэзии. Маскулинный лирический субъект не является постоянной формой авторской саморепрезентации, обращение к «мужской маске» обусловлено постмодернистским мироощущением автора, его стремлением изменить устоявшийся гендерный миропорядок, посмотреть на мир глазами мужчины. Поэт моделирует

© Муромцева А. О., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

взаимоотношения между женщиной и мужчиной в соответствии с индивидуально-творческой позицией, создает субъективное представление о манере поведения, интенциях мужчины, традиционных маскулинных чертах и их трансформации в определенных условиях. Раскрыта методика репрезентирования мужского субъекта в стихотворениях Алины Подгорновой, основанная на переосмыслении мужского и женского архетипов и опровержении идеологии гегемонной маскулинности, вследствие чего мужской субъект часто изображается в сатирическом ракурсе, наделяется негативными коннотациями (слабость характера, отсутствие этических принципов), вызывает разнородные эмоции реципиента.

Заключение. Материалы статьи могут быть использованы в процессе преподавания дисциплин филологического профиля в вузе. Перспективы дальнейшего исследования проблемы связаны с изучением особенностей субъектной организации лирических произведений авторов-женщин.

Ключевые слова: современная поэзия Мордовии, мордовская женская литература, Алина Подгорнова, гендерная картина мира, мужской субъект в женской поэзии, «мужская маска» женской поэзии, маскулинность поэтического героя

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00098 «Мордовская женская литература: специфика репрезентации гендерной картины мира, национально-художественное своеобразие» (<https://rscf.ru/project/24-28-00098/>).

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Муромцева А. О. Мужской лирический субъект в поэзии Алины Подгорновой // Бахтинский вестник. 2025. Т. 7, № 1. С. 66–75. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.066-075>

A Male Lyrical Subject in the Poetry of Alina Podgornova

A. O. Muromtseva

National Research Mordovia State University

Saransk, Russian Federation

alena.muromczewa@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of the poetics of modern Mordovian women's poetry. The subject of the study is the thematic organization of the lyrical texts of the Erzya writer Alina Podgornova. The goal is to reveal the peculiarities of the representation of the male subject in her poems.

Materials and Methods. The research material is the works of A. Podgornova. The study uses traditional methods of literary analysis: structural-semantic, method of holistic analysis of a literary text.

Results and Discussion. The article asserts that the lyrics of A. Podgornova present a masculine lyrical subject, which indicates the renewal and enrichment of the motif-figurative cluster of national women's poetry. It should be noted that the male lyrical subject is not a permanent form of the author's self-representation, the appeal to the "masculine mask" is determined by the author's postmodern world view, his desire to change the established gender world order, to see life through the eyes of a man. The poet models the relationship between a woman and a man in accordance with his indi-

vidual creative position, creates a subjective idea of a man's behavior, intentions, masculine traits and their transformation under certain conditions. The article reveals the method of modeling the male image in the author's poems, based on the rethinking of male and female archetypes and the refutation of the ideology of hegemonic masculinity, as a result of which the male subject is often depicted from a satirical perspective, is endowed with negative connotations (weakness of character, lack of ethical principles), evokes various emotions in the recipient.

Conclusion. The material of the article can be used in the process of teaching philological disciplines at the university. Prospects of further research of the problem are connected with the study of features of subjective organization of lyrical works of female authors.

Keywords: contemporary poetry of Mordovia, Mordovian women's literature, Alina Podgornova, gender picture of the world, male subject in women's poetry, "male mask" of women's poetry, masculinity of the poetic hero

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation Grant No. 24-28-00098 "Mordovian women's literature: specificity of the representation of the gender picture of the world, national and artistic originality" (<https://rscf.ru/project/24-28-00098/>).

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Muromtseva A.O. A Male Lyrical Subject in the Poetry of Alina Podgornova. *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2025;7(1):66–75. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.066-075>

Введение

Одним из ярких представителей эрзянской литературы начала XXI в. является Алина Подгорнова, в поэтической мирореальности которой, по утверждению С. В. Шеяновой, Н. М. Юсуповой, Ф. И. Габидуллиной, «отражаются современные глобализационные процессы, кризисная атмосфера рубежной эпохи, модели коммуникации в социуме, гендерные роли и отношения, универсальные духовно-нравственные ценности, запросы и возможности отдельной личности, а в произведениях прослеживаются черты постмодернизма – трагическое мироощущение, неудовлетворенность действительностью, ироническая рефлексия мира, тяготение к аллегорическому мышлению» [1, с. 123]. Отличительной чертой лирики Подгорновой является репрезентация мужского субъекта, что в целом не характерно для национальной женской поэзии. Мужской субъект, через маску которого автор-женщина воспринимает действительность, практически не представлен в произведениях мордовских поэтесс, что нивелировало научный интерес к моделированию маскулинного субъекта в женской литературе со стороны национальных исследователей. Между тем проблема субъектной организации лирического текста, вопросы отношения автора к субъекту творчества вызывают особый интерес. По словам М. М. Бахтина, «автор интонирует каждую подробность своего героя, каждую черту его, каждое событие его жизни, каждый его поступок, его мысли, чувства. <...> Сознание героя, его чувство и желание мира ...со всех сторон, как кольцом, охвачены завершающим сознанием автора о нем и его мире: самовысказывания героя охвачены и проникнуты высказываниями о герое автора. Жизненная заинтересованность в событии героя объемлет художественную заин-

тересованностью автора»¹. Таким образом, анализ лирического субъекта и отношения к нему автора позволяет раскрыть не только формально-содержательные особенности произведения, но и творческое мировоззрение писателя. Это способствует выявлению закономерностей литературного процесса в целом, что доказывается в работах современных исследователей [2–4].

Цель исследования – проанализировать особенности воплощения мужского образа в поэтическом творчестве Алины Подгорновой.

В отечественном литературоведении природа лирического субъекта концептуально разработана в трудах М. М. Бахтина², С. Н. Бройтмана³, Б. О. Кормана⁴ и др. Постановка проблемы типологии лирического субъекта принадлежит Б. О. Корману, выделившему несколько форм выражения авторского сознания, в том числе героя ролевой лирики, в которой автор «выступает не от своего лица, а от лица разных героев»⁵. Согласно концепции Бахтина, автор-творец является эстетической категорией и в качестве таковой он внеаходим своему произведению, то есть не равен биографическому автору и не может выступать субъектом речи в произведении, так как его высказывание – художественное произведение как целое⁶. В произведении он «делегирует» свою речь другим. В лирике этим «другим» выступает лирический субъект, который может принимать разные формы, в частности ролевого субъекта или героя ролевой лирики. В таком случае «лирическое «я» по-прежнему находится в центре, но надевает на себя маску, то есть смотрит на мир через эту маску, как бы глазами другого, точнее, через (сквозь) призму другого взгляда. Субъект, которому здесь принадлежит высказывание, открыто выступает в качестве «другого», но надетая маска все равно разыгрывается субъектом как его «я» [см.: 5, с. 25]. В мордовском литературоведении типы субъектной организации лирического произведения, а также специфика репрезентации мужского субъекта на материале современной женской поэзии не становились предметом специального исследования.

Творчество Алины Подгорновой рассмотрено исследователями в аспекте особенностей авторского мироощущения, творческой картины мира [1; 6], мотивно-образного кластера [7–10], но нуждается в изучении в аспекте заявленной проблемы.

Материалы и методы

Материал статьи составили стихотворения Алины Подгорновой из двуязычного сборника «Мель» («Мысль»). Методологическую основу работы определяют метод целостного анализа художественного текста, структурно-семантический метод, посредством которых описываются структурно-содержательные компоненты лирического произведения, особенности его субъектной организации, раскрывается методика моделирования маскулинного лирического субъекта в соответствии с авторским мироощущением.

Результаты исследования и их обсуждение

В сборник Алины Подгорновой «Мель» («Мысль»)⁷ вошло несколько произведений («О трех последних возлюбленных лорда Байрона», «Трагический треугольник», «Королек ты мой, птичка певчая...», «Я сижу взаперти, в четырех стенах...», «Морю любви моей медленно иссыхать...», «Сколько раз было выкра-

¹ Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М. : Языки славянской культуры. 2003. 957 с.

² Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов.

³ Бройтман С. Н. Лирический субъект // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. М. : Издательство Кулагинной ; Intrada, 2008. С. 112–114.

⁴ Корман Б. О. Лирика Некрасова. Изд-е 2-е, перераб., дополн. Ижевск : Удмуртия, 1978. 300 с.

⁵ Там же. С. 165.

⁶ Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов.

⁷ Подгорнова А. Мель (Мысль). Саранск : Красный Октябрь, 2021. 112 с.

шено крыльцо...», «Песенка обывателя» и др.), в которых субъектом выступает образ мужчины, что обусловлено постмодернистским сознанием, мироощущением автора и позволяет говорить о такой черте ее поэтической манеры, как маскулинизация. Одновременно отметим, что речь не идет о постоянной форме саморепрезентации автора, последовательной маскулинизации лирического субъекта, скорее это «маска», игра гендерными ролями, своеобразная возможность посмотреть на мир глазами мужчины, опровергнуть или утвердить устоявшиеся гендерные стереотипы. Как известно, в русской литературе к мужскому лирическому субъекту часто обращались З. Гиппиус, П. Соловьева, М. Цветаева, М. Шагинян, М. Левберг и др. По утверждению В. Б. Зусевой-Оскан, «в эпоху модернизма эксперименты с “гендерными перевертышами”, в том числе и области лирики, активизируются» [4, с. 75]. Данное положение прослеживается и в лирических произведениях Алины Подгорновой, экспериментирующей со стихом, с образами.

В стихотворении «Трагический треугольник»⁸ мужской субъект используется для того, чтобы раскрыть мужское восприятие чувства любви. Используя выражение Л. Н. Глухенькой, можно сказать, что автор придерживается «феминистской концепции гендерных отношений» [2, с. 33], моделирует традиционные высокие представления о взаимоотношениях женщины и мужчины, обличает слабые стороны характера мужчины. Ожидаемый драматизм при расставании влюбленных в произведении резко сменяется иронией. Синтез разнородных эстетических форм характерен для постмодернистского дискурса. Негативное отношение автора к герою проявляется с первых строк («Разве знал я, что исковеркает / Мою молодость страсть к тебе?»), транслирующих его жалость к самому себе. Самое эмоциональное его воспоминание о возлюбленной связано с цветом ее волос: «Никогда я не слыл буяном, // Не умел быть и в ласках рьян, // Но от рыжих твоих, о, Яна, // Распьяным был я пьяно-пьян!». Ряд деталей («курица кукарекает», «я сам был чуть-чуть еврей», «научил тебя “Яву” красную не курить», «разве стала бы ты тушить свою сигарету / О жаровню любви моей?!» и др.) усиливают иронический дискурс лирического пространства, превращая мужчину в объект осмеяния. Он обижен на возлюбленную за то, что она «все его планы расстроила», раздосадован тем, что ушла к «мордвину». При этом он не терзается потерей возлюбленной, его «страдания», по словам исследователей, «ограничиваются меланхолией и прогулкой по “заветным местам”» [см.: 1, с. 128]. Для усиления «мужской маски» и разграничения гендерной идентичности мужчины и женщины в тексте используется мужская форма вербализации: просторечно-междометные формы, лексические единицы с отрицательной коннотацией («окаянный», «мордастый аспид», «распьяный», «ей-же-ей»), констатирующие стереотипные представления о мужской речи, в которой отклонения от лексико-грамматических норм транслируют маскулинность. В данном стихотворении мужской субъект позволяет раскрыть авторское восприятие мужской природы, оценить глубину восприятия мужчиной самого сильного человеческого чувства – любви, раскрыть сложность гендерных отношений.

В стихотворении «О трех последних возлюбленных лорда Байрона»⁹ сюжет строится на гендерном «поединке» мужчины и женщины. Мужчина воплощает традиционные маскулинные черты: непостоянство в любви («За кровавой юбкой помчался в Грецию»), чрезмерную пылкость, азарт («Вам мало крови, что бродит по венам женщины. / Вам всем подавай другую – страстней – любовницу...»), желание управлять окружающими («Войну и смерть вы хотите держать в наложниках»), свободолюбие («Свобода ведь выше любви»). Оппонентом любвеобильного лорда Байрона выступает его бывшая возлюбленная (не инициализированная

⁸ Подгорнова А. Мель (Мысль) С. 49.

⁹ Подгорнова А. Там же. С. 44.

в тексте), которая рассказывает историю своей неудавшейся любви незнакомому гондольеру. Девушка воплощает заложенные в женщине природные черты: жертвенность («Чего я только для счастья его не вынесла»), борьбу за любимого («Я боролась с могущественной соперницей»), переживание душевной боли («Она замолчала. Нахлынула боль...»), безрассудство («Покинула мужа – извольте, с большим желанием»), внутреннюю силу («Стальная нота в ее зазвучала голосе»). Героиня утверждает сложившийся стереотип «Понять мое горе сможет любая женщина. / Всякая женщина, хоть из глухой провинции, / Но не мужчина! Пусть будет он трижды рыцарем, / Пусть будет короной его голова увенчана», однако сама его и отрицает, открывшись и доверившись незнакомцу-гондольеру. Он сочувствует собеседнице, но ему, мужчине, близка позиция сбежавшего лорда: «А этот, ее, поступил, как по мне – то верно. / Свобода ведь выше любви. На порядок выше». Аллюзия расширяет исторический контекст текста, позволяет соотнести психологический и поведенческий портреты мужчины давно минувшей эпохи и современника. Мужской образ сатиризуется, лорд Байрон воспринимается как символ мужской полигамности. Героиня воплощает женскую судьбу, в которой всегда есть то, от чего не застрахована ни одна женщина – измена любимого.

Первые строки стихотворения А. Подгорновой «Я сижу взаперти, в четырех стенах...»¹⁰ созвучны с пушкинским «Узником». Однако, как подчеркивают С. В. Шеянова, А. Ф. Юсупов, А. В. Маскаева, «анонсируемый реминисценцией из русского классика романтический образ бунтаря у эрзянского автора подменяется образом психологически подавленного расставанием с возлюбленной мужчины» [6, с. 154]. Молодой человек оказывается не способен на решительные действия, чтобы вернуть любимую, «воскреснуть из пепла своей беды». Он пребывает в меланхоличном состоянии: «Не находит покоя моя душа / С той минуты, как ты, разлюбив, ушла. / ...Можно было забыться, закрыв глаза, / Но меня обвивает твоя лоза...». Этот образ разрушает сложившиеся представления об истинном мужском типе поведения – активном, агрессивном, целенаправленном, настойчивом. Взрослый мужчина трансформируется в ранимого, депрессивного юношу, который вместо анализа причин расставания, «учится различать сто цветов тоски», «отрывает от сердца слои, куски», «с головой уходит в ядовитый дым». Взаимоотношения с возлюбленной он называет «рассказом на двух листах», которыми «намедни хотел костер разжечь», таким образом нивелируя значение любви в жизни человека. Негативное восприятие мужчины усиливает его признание: «Но я так и не понял, в чем был не прав». Очевидно, он не способен брать ответственность за свои поступки, поведение, слова, ищет причину расставания извне, обвиняет бывшую возлюбленную. Автор иронизирует над лирическим субъектом, который не соотносится с представлениями о любящем мужчине, типе его поведения. Как утверждает В. Б. Зусева-Оскан, в написанных от лица мужчины произведениях «мужской субъект часто обращается к “ней” – женскому субъекту, возлюбленной или, во всяком случае, подруге, связанной с ним непростыми отношениями» [4, с. 323]. Анализируемое стихотворение также построено в форме обращения мужчины к женщине, однако в тексте доминирует местоимение «я», а не «ты» или «мы», что свидетельствует об эмоциональной эгоистичности героя, его концентрированности на своем состоянии. Он ни разу не назвал возлюбленную ласковым словом, не попытался понять ее желания. Очевидно, она была психологически подавлена, если сбежала из его дома, оставив все свои вещи. Разрушение стереотипов о мужчине как сильной особи, приводит к сатиризации мужского образа в тексте, обусловлено авторской рецепцией идей феминизма, соотносимых с постмодернистской эстетикой.

¹⁰ Подгорнова А. Мель (Мысль). С. 55.

Образ одинокого, неуверенного в себе мужчины изображен в стихотворении «Уроки жизни для меня проходят даром»¹¹. Доминирующий мотив неопределенности, безвыходности определяет минорное звучание произведения. Лирический субъект позиционирует себя как насекомое, «всё к одному цветку летящим за нектаром». Его фобия – потерять ледяной цветок, который может в любое время растаять. Он чувствует себя беззащитным («Я не могу сказать, что цел и невредим»), окружающий мир воспринимается им чужим, небезопасным пространством («Небезопасно мне ходить-бродить по кромке»), он требует сострадания, участия к себе («Хоть кто-нибудь меня бы расспросил, / Каких хождение это стоит сил»). Субъект эмоционален, психологически нестабилен, что передается метафорой «Как льдинка, я дрейфую среди льдин. / Но с каждым днем все глубже я один». Лед, льдины, ледяной цветок, утекающая вода – важные художественные детали, способствующие раскрытию интенций и состояния мужчины, его чувства разочарования, негодования, досады, синтаксически оформленных посредством вопросительных конструкций, многоточия. Метания, терзания лирического субъекта подводят читателя к процессу саморефлексии, глубоким размышлениям экзистенциального содержания. В анализируемом стихотворении постмодернистское мироощущение автора прослеживается не только в нивелировании «маскулинности» героя, обличении его несостоятельности, гендерной роли, но и в трансляции мысли о доминирующей в современном социуме негативной эмоциональной атмосфере, равнодушии людей к проблемам окружающих. Таким образом узкая интимная тема трансформируется автором в серьезную общественную проблему.

Мотив расставания с возлюбленной, невозможность вернуть отношения раскрыт в стихотворении «Сколько раз было выкрашено крыльцо...»¹². Герой-меланхолик тяжело переживает случившееся, он подавлен от осознания того, что больше «не услышит из прошлого» любимую, «только скрипы пола» будут напоминать о ней. Характер взаимоотношений лирического субъекта и его возлюбленной передается построенными на игре слов строками: «А признанья мои, что теперь смешны, / И тогда, наверное, были слышны / Только полу». Очевидно, в этой паре любил он, а она ждала удобного случая, чтобы «зазвучать в обыгравших ее чьих-то руках первой скрипкой». В авторской мирореальности на измену способен не только мужчина, но и женщина, именно она стала инициатором расставания в этой паре. С другой стороны, герой не обладает традиционными маскулинными чертами, он не смог удержать женщину, предоставить ей роль «первой скрипки». Он осознает свою слабость, иронично признаваясь: «Цокотуха, и та изменила мне». Тем не менее он способен на глубокие переживания. Мир для него разделился на два временных полюса: до и после расставания с возлюбленной. В состоянии «до» он может пребывать только во сне. Сон становится средством не только физического, но и эмоционально-психологического восстановления героя. После расставания он не бросается обидными фразами в адрес женщины, наоборот, поощряет ее («Ты должна быть довольна собой вполне»), не жалеет себя, что импонирует реципиенту. В данном стихотворении нет явной сатиризации мужского субъекта, однако не транслируется и феминистская идеология об идеальной женщине – героиня эгоистична, преследует свои цели, для их достижения использует коварство.

В стихотворении «В тот день дул норд, хозяин здешних мест»¹³ лирическим субъектом выступает мужчина-меланхолик с трагическим мироощущением, воспринимающий современный мир как совокупность противоречий, нестабильности, что соотносится с постмодернистским мирообразом самого автора. Ранней

¹¹ Подгорнова А. Там же. С. 53.

¹² Подгорнова А. Мель (Мысль). С. 59.

¹³ Подгорнова А. Там же. С. 51.

весной «чтоб от гнетущих мыслей отдохнуть» он подходит к окну, наблюдает нераспустившуюся листву, ощущает холодный ветер, норд. Увидев за окном девушку «с зеленой тонкой шапочкой в руке – / Весенней, свежей, радостной, аллеиной», он испытывает давно забытые эмоции, ощущает, как «Амур вонзает в сердце пики». Минорное настроение постепенно сменяется радостным пафосом, что передается оригинальным метафорическим рядом: «И будто по команде соловьи, / Что раньше голосов подать не смели, / Срываясь на высоких, перепели / Мне “Варшавянку” в песню о любви». Иронический контекст, в который включен гимн революционной эпохи «Варшавянка», отражает специфику авторского стиля. Интертекст расширяет символический подтекст произведения, вызывает у читателя ассоциации с трагической эпохой начала XX столетия. «Варшавянка» отражает негативное состояние героя, песня ему враждебна и чужда по природе, противопоставляется духовному началу («Варшавянка», а не божий перст, / Заставила свой вес поднять с матраса»). Лирический субъект «готов догнать» таинственную незнакомку, хотя сомневается, что смог бы сдать экзамен по взаимоотношениям между мужчиной и женщиной на хорошую оценку. Однако его попытка была прервана «ворвавшимся нордом», «погасившим пламень, словно спичку» и «правильным аккордом “Варшавянки”». Холодный ветер символизирует жестокую, несправедливую действительность. Финал произведения экзистенциален: мужчина не в силах изменить действительность, он продолжит пребывать в подавляющих его личностных обстоятельствах: «И вспомнил я, что осознал сполна: / Отнюдь не процветающий оазис – / Мой мир по обе стороны окна, / А лишь под снос пригодный старый базис». В данном произведении представления об устоявшемся маскулинном типе поведения оказываются разрушены бездейственностью, аморфностью лирического субъекта, который не получает гневно-сатирическую оценку автора, однако не наделяется и положительными чертами.

Заключение

Таким образом, проанализировав ряд произведений Алины Подгорновой, в которых лирическим субъектом является мужчина, мы выявили тенденцию к переосмыслению традиционных гендерных ролей и сатиризации мужского образа. Поведение мужчины не соответствует сложившимся представлениям о сильном поле или нивелируется слабыми чертами его характера. Следует отметить, что маскулинный лирический субъект не является постоянной формой саморепрезентации автора. На наш взгляд, это литературная маска, наиболее подходящая для отражения постмодернистского мироощущения поэтессы. Важен и следующий момент: в процессе репрезентации маскулинной маски Подгорнова сумела сохранить свой особый «женский» голос, «женскую» интонацию.

Предложенные в статье положения и выводы могут быть использованы в вузовской практике преподавания дисциплин филологического профиля для студентов-бакалавров по курсу «История мордовской литературы», обучающихся по программе «Финно-угорская литература» студентов-магистрантов – по курсам «Современная финно-угорская поэзия», «Финно-угорская литература рубежа XX–XXI вв.» и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шеянова С. В., Юсупова Н. М., Габидуллина Ф. И. Специфика поэтической системы А. Подгорновой (сборник «Мель» («Мысль»)) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 1. С. 123–132. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-1-123-132>

2. Глухенькая Л. Н. Опыт постмодернистского феминизма в поэзии К. Э. Даффи // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7, № 1. С. 31–41. URL: <https://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2021/04/Gluhenkaya.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).
3. Зусева-Озкан В. Б. Маскулинное лирическое «Я» в поэзии Марии Евгеньевны Левберг // Сибирский филологический журнал. 2022. №1. С. 73–90. <https://doi.org/10.17223/18137083/78/6>
4. Зусева-Озкан В. Б. «Мужская маска» женской поэзии: З. Н. Гиппиус и ее последовательницы // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 1. С. 316–337. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-316-337>
5. Малкина В. Я. Типология лирических субъектов // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 20–31. EDN: <https://elibrary.ru/NRIAJL>
6. Шеянова С. В., Юсупов А. Ф., Маскаева А. В. Интертекстуальность как способ воплощения авторского мироощущения в поэзии А. Подгорновой // Вестник угроведения. 2023. Т. 13, № 1 (52). С. 150–158. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-150-158>
7. Шеянова С. В. Мотивно-образный кластер «времена года» в эрзянской женской лирике // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 213–225. URL: <https://vestnikniign.ru/gallery/V-4-2024-st16.pdf> (дата обращения 05.01.2025).
8. Шеянова С. В. Природная образность в эрзянской женской лирике // Вестник угроведения. 2024. Т. 14, № 1 (56). С. 128–136. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-1-128-136>
9. Муромцева А. О. Времена года в лирике Алины Подгорновой // Litera. 2024. № 6. С. 280–289. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70899 (дата обращения 06.01.2025).
10. Муромцева А. О. Репрезентация лирического «Я» в поэзии А. Подгорновой // Litera. 2024. № 3. С. 205–208. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70105 (дата обращения 06.01.2025).

REFERENCES

1. Sheyanova S.V., Yusupova N.M., Gabidullina F.I. The Specifics of the Poetic System of Alina Podgornova (Collection “Mel” (“The Thought”). *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(1):123–132. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-1-123-132>
2. Gluhenka L.N. Postmodern Feminist’s Experience in Poetry by Carol Ann Duffy. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 2021;7(1):31–41. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://sn-philol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2021/04/Gluhenkaya.pdf> (accessed 10.01.2025).
3. Zuseva-Özkan V.B. The Masculine “I” in the Poetry of Mariya Levberg. *Siberian Journal of Philology*. 2022;(1):73–90. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/18137083/78/6>
4. Zuseva-Özkan V.B. Masculine Mask of Female Poetry: Z.N. Gippius and Her Successors. *Studia Litterarum*. 2022;7(1):316–337. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-1-316-337>
5. Malkina V.Ya. Typology of Lyrical Subjects. *The New Philological Bulletin*; 2023;(4):20–31. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: <https://elibrary.ru/NRIAJL>
6. Sheyanova S.V., Yusupov A.F., Maskaeva A.V. Intertextuality as a Way of Embodiment of the Author’s Worldview in the Poetry of A. Podgornova. *Bulletin of Ugric Studies*. 2023;13(1):150–158. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2023-13-1-150-158>
7. Sheyanova S.V. The Motive-Shaped Cluster “Seasons” in Erzya Women’s Lyrics. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(4):213–225. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vestnikniign.ru/gallery/V-4-2024-st16.pdf> (accessed 05.01.2025).
8. Sheyanova S.V. Natural Imagery in Erzya Women’s Lyrics. *Bulletin of Ugric Studies*. 2024;14(1):128–136. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2024-14-1-128-136>
9. Muromtseva A.O. Seasons in the Lyrics by Alina Podgornova. *Litera*. 2024;(6):280–289. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://en.nbpublish.com/library_read_article.php?id=70899 (accessed 06.01.2025).

10. Muromtseva A.O. Representation of the Lyrical "I" in the Poetry by A. Podgornova. *Litera*. 2024;(3):205–208. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://en.nbpublish.com/library_read_article.php?id=70105 (accessed 06.01.2025).

Об авторе

Муромцева Алена Олеговна, студентка филологического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68),

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7040-1482>,

SPIN-код: 8470-9878,

e-mail: alena.muromczewa@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 28.01.2025; одобрена после рецензирования 07.03.2025; принята к публикации 12.03.2025.

About the author

Alena O. Muromtseva, Student of Faculty of Philology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7040-1482>,

SPIN-code: 8470-9878,

e-mail: alena.muromczewa@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript.

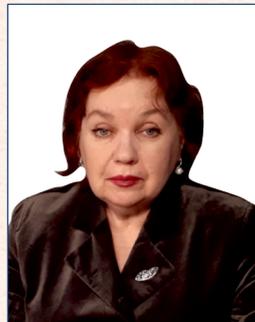
Submitted 28.01.2025; revised 07.03.2025; accepted 12.03.2025.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И АРХИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / BIOGRAPHICAL AND ARCHIVAL RESEARCH

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.076-094>
EDN: <https://elibrary.ru/vthxtn>
УДК / UDC 378.245.2Бахтин

Непримиримый «неофициальный оппонент» М. М. Бахтина (реконструкция биографии М. П. Теряевой)

И. В. Ключева

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет,
г. Саранск, Российская Федерация
klyueva_irina@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования заключается в необходимости создания наиболее объективной и точной научной биографии М. М. Бахтина. Одним из условий достижения этого является воссоздание ее контекста, что предполагает, в частности, характеристику представителей окружения мыслителя: как друзей, так и недоброжелателей. Цель исследования – дать представление о личности «неофициального оппонента» на защите диссертации М. М. Бахтина – М. П. Теряевой.

Материалы и методы. В статье использованы разнообразные источники: протокол защиты диссертации М. М. Бахтина и связанные с ней материалы, введенные в научный оборот Н. А. Паньковым; тексты М. П. Теряевой, ее сестры – В. П. Зазубриной-Теряевой и дочери – И. И. Липилиной; издания научного, справочного, документального и популярного характера, содержащие информацию о представителях семьи Теряевых и лицах, входивших в их близкое окружение, и др. Применялись историко-культурный, сравнительно-исторический и биографический методы.

© Ключева И. В., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенная реконструкция биографии М. П. Теряевой показывает, что формирование ее личности происходило в непростых обстоятельствах жизни ее семьи, оказавшейся вовлеченной в жестокие события революции и Гражданской войны, пережившей репрессии 1930-х гг., утраты в Великой Отечественной войне. Автор приводит аргументы в пользу того, что «образ» М. П. Теряевой, рассматриваемый в бахтиноведении как однозначно негативный, заслуживает более корректных оценок: ее отношение к диссертации М. М. Бахтина не определялось какими-либо конъюнктурными соображениями, она была убежденным «борцом» с любыми (действительными или мнимыми) отклонениями от идеалов, которые отстаивала с юности и которым оставалась верна до конца.

Заключение. Статья вносит вклад в реконструкцию историко-литературного и социокультурного контекста, связанного с фигурой М. М. Бахтина, в устранение лакун в его научной биографии, в исследование его окружения. Сделанные автором выводы позволяют переосмыслить некоторые ключевые эпизоды истории академической жизни советского периода, избегая их упрощенных, однозначных трактовок. Материалы статьи могут быть полезны бахтиноведам, специалистам в области истории социально-гуманитарной науки в СССР.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, защита диссертации М. М. Бахтина, М. П. Теряева, семья Теряевых, В. Я. Зазубрин

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ключева И. В. Непримирымый «неофициальный оппонент» М. М. Бахтина (реконструкция биографии М. П. Теряевой) // Бахтинский вестник. 2025. Т. 7, № 1. С. 76–94. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.076-094>

The Irreconcilable “Unofficial Opponent” of M. M. Bakhtin (Reconstruction of the Biography of M. P. Teryaeva)

I. V. Klyueva

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation
klyueva_irina@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study lies in the need to create the most objective and accurate scientific biography of M. M. Bakhtin. One of the conditions for achieving this is the recreation of its context, which implies, in particular, the characterization of the representatives of the thinker’s environment: both friends and ill-wishers. The purpose of the article: to give an idea of the personality of the “unofficial opponent” in the defense of M.M. Bakhtin’s dissertation – M. P. Teryaeva.

Materials and Methods. The research is based on a variety of sources: the protocol of the defense of M. M. Bakhtin’s dissertation and related materials introduced into scientific circulation by N. A. Pan’kov; texts by M. P. Teryaeva, her sister – V. P. Zazubrina-Teryaeva and her daughter – I. I. Lipilina; scientific, reference, documentary and popular publications, containing information about representatives of the Teryaevs family and persons who were part of their close circle, etc. It employs historical-cultural, comparative-historical and biographical methods.

Results and Discussion. The conducted reconstruction of the biography of M. P. Teryaeva shows that her personality was formed in the difficult circumstances of the life of her family, which found itself involved in the cruel, uncompromising events of the revolution and the Civil War, survived the repressions of the 1930s, the losses in the Great Patriotic War. The author presents arguments in favor of the fact that the “image” of M. P. Teryaeva, considered in Bakhtin studies as unambiguously negative, deserves more correct assessments: her attitude to the dissertation of M.M. Bakhtin was not determined by any opportunistic considerations, she was a convinced “fighter” against any (real or imaginary) deviations from the ideals that she defended from her youth and to which she remained faithful to the end.

Conclusion. The article contributes to the reconstruction of the historical, literary and socio-cultural context associated with the figure of M. M. Bakhtin, to the elimination of gaps in his scientific biography, to the study of his environment. The conclusions made by the author allow to rethink some key episodes in the history of academic life in the Soviet period, avoiding their simplified, unambiguous interpretations. The materials of the article can be useful for Bakhtin scholars, specialists in the history of social and humanitarian science in the USSR.

Keywords: M.M. Bakhtin, the defense of M.M. Bakhtin’s dissertation, M.P. Teryaeva, the Teryaevs, V.Ya.Zazubrin

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Klyueva I. V. The Irreconcilable “Unofficial Opponent” of M. M. Bakhtin (Reconstruction of the Biography of M. P. Teryaeva). *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2025;7(1):76–94. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.076-094>

Введение

Актуальность исследования заключается в необходимости создания наиболее объективной и точной научной биографии М. М. Бахтина. Одним из условий достижения этого является воссоздание ее культурно-исторического контекста, что предполагает, в частности, характеристику представителей ближнего и дальнего окружения мыслителя – как его друзей, так и недоброжелателей. Цель статьи – дать представление о личности «неофициального оппонента» на защите его диссертации – М. П. Теряевой: выяснить некоторые подробности ее жизненного пути, выявить события и обстоятельства, повлиявшие на формирование ее характера и убеждений.

Впервые имя «одной из выступавших ученых дам, некоей, при такой скандальной защите не растерявшейся, тов. Теряевой» в связи с защитой диссертации М. М. Бахтина 15 ноября 1946 г. было упомянуто Л. Е. Пинским в заметке «Памяти М. М. Бахтина». Заметка включена в его рукопись «Парафразы и памятования», датированную 1979 г., впервые опубликованную под псевдонимом Н. Лепин в 1980 г. в издававшемся во Франции русскоязычном журнале «Синтаксис» [1], затем вошла в 2007 г. в его книгу «Минимы» [2].

Выступление М. П. Теряевой в контексте развернувшейся полемики на тему правомерности сопоставления творчества Ф. Рабле и Н. В. Гоголя, упоминает С. А. Дубровская, отмечая, что в нем «очевиден перевод проблемы в политический контекст» [3].

Больше всего внимания М. П. Теряевой уделил Н. А. Паньков, который реконструировал историю защиты диссертации М. М. Бахтина, опубликовал ее протокол, ряд сопроводительных материалов и достаточно подробно прокомментировал их, представив краткую информацию об участниках действия, вошедшего в историю научной, литературной, культурной жизни советского времени [4–6]. Сведения о Теряевой

почерпнуты Паньковым из текста протокола защиты, а также из обнаруженного им ее письма в Комиссию по теории литературы и критике Союза писателей, адресованного А. А. Фадееву и датированного 1947 г.

На защите диссертации Бахтина М. П. Теряева утверждала, что данная работа в целом «неправильна», не является «достойной советского литературоведения», не отвечает «тем задачам, которые ставит ЦК партии», поскольку «порочным» является сам метод, примененный автором; главным недостатком диссертации она считала отсутствие «принципа партийности и политического подхода к литературоведению», «непонимание» автором «политики как руководящего принципа в построении литературных исследований», отсутствие «классового подхода к описываемым событиям» и ссылок на «наших лучших литературоведов», в числе которых она назвала А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, а также В. И. Ленина и И. В. Сталина [6]. (Отметим, что в последующих вариантах диссертации такие ссылки появились.)

Речь М. П. Теряевой заставила чрезвычайно умного, тонкого, воспитанного человека – верного друга Бахтина Б. В. Залесского, представлявшего на его защите «группу поддержки», публично усомниться в ее интеллектуальных способностях: «Мне кажется, что первое выступление с известных точек зрения, с точки зрения требования от каждого выступающего понимания того, о чем он говорит, его надо отвести» [6, с. 214].

Н. А. Паньков называет точку зрения М. П. Теряевой «вульгарно-политизированной», ее риторику – «прокурорской», в целом ее монолог – «довольно смешным», а ее выпады против Бахтина – «опаснейшими (в прямом смысле!)» [6, с. 119, 132]. Сравнивая ее с еще одним «неофициальным оппонентом», «действовавшим в одном стиле» с ней, – Е. Я. Домбровской, он задается вопросом, жаждали ли они обе «геростратовой славы» или «самозабвенно (и догматично, с душевным самодовольством и ограниченностью) соблюдали “букву” марксистских принципов» [6, с. 140].

Для Н. А. Панькова М. П. Теряева «представляет собой занимательный и загадочный психологический феномен», ее «зловещий» образ, по его мнению, является «очень существенным для характеристики академических (да и политических) нравов соответствующей эпохи...» [6, с. 129, 130]. Исследователь при этом оговаривается, опасаясь обвинений в предвзятости своей оценки: «Давайте по крайней мере не откажем человеку в многомерности, масштабности духовного мира. Нельзя исключить того, что Теряева пламенно верила в отстаиваемые марксистские идеи и абсолютно искренне, а также вполне бескорыстно старалась предотвратить всяческое их утеснение, искажение или даже недооценку. Вся жизнь для нее – только борьба, и врагов она предпочла бы уничтожить, даже если они и сдадутся. А уж если не сдаются!...» [6, с. 129–130]. Однако, судя по тону его публикаций, сам он не верит в «многомерность» и «масштабность» духовного мира Теряевой.

Материалы и методы

В статье использованы различные источники – опубликованные и неопубликованные. Среди наиболее важных: протокол защиты диссертации М. М. Бахтина и связанные с ней материалы, введенные в научный оборот Н. А. Паньковым [4–6]; воспоминания М. П. Теряевой¹ и ее сестры В. П. Зазубриной-Теряевой²; издания научного, справочного, документального и популярного характера, содержащие информацию о представителях семьи Теряевых и лицах, входивших в их близкое окружение [7–10]; научные работы, связанные с изучением биографии и творчества писателя В. Я. Зазубрина [11–14],

¹ Теряева М. [П.] Наш канский дом. (Воспоминания) // У Братского перевоза: обозрение. Вып. 1. / сост. Г. И. Усольцева. Канск, 1996. С. 69–72.

² Зазубрина-Теряева В. П. Как рождались «Два мира» (Воспоминания о В. Я. Зазубрине) // Сибирские огни. 1967. № 3. С. 153–155.

труды по истории Енисейской губернии [15]. Используются также архивные материалы – неопубликованные или фрагментарно опубликованные в изданиях, не имеющих научного характера (письма М. П. Теряевой (1975, 1976) и ее дочери И. И. Липилиной (1984) к директору краеведческого музея г. Канска Г. И. Усольцевой).

Методологическая основа исследования сфокусирована на реконструкции биографии М. П. Теряевой как «неофициального оппонента» М. М. Бахтина и включает следующие методы:

- историко-культурный – анализ персональной биографии в соотношении с социокультурной средой, культурно-историческим контекстом;
- сравнительно-исторический – выявление изменений в развитии изучаемой персоны;
- биографический – анализ влияния биографического опыта личности на формирование ее идеологических установок.

Результаты исследования и их обсуждение

«Возраст ее мне выяснить не удалось», – писал Н. А. Паньков о М. П. Теряевой [6, с. 129]. Как мы выяснили, Мария Прокопьевна (Прокофьевна) Теряева родилась 6(19) февраля 1896 г., на три месяца позже М. М. Бахтина – т. е. практически была его ровесницей. На момент ее печально известного выступления на защите его диссертации ей было 50 лет.

Родители Марии Прокопьевны были сибирскими крестьянами. Отец – Прокопий Иванович Теряев, донской казак, оказавшийся в Сибири вместе со своим отцом в составе разжалованной казацкой сотни – жил в селе Решёты (Решоты) на берегу Бирюсы. В 1897 г. рядом с этим местом была построена железнодорожная станция Тайшет, с 1906 г. ставшая селом, с 1938 г. – городом. Мать – Анна Романовна Неизвестных была родом из таежной деревни Конторка (позднее – село Конторское или Конторско-Лавинское), находившейся также неподалеку от места, где был построен Тайшет, но на противоположном берегу реки. Крестьяне по фамилии Неизвестных, согласно семейному преданию, происходили из забайкальских казаков, которые также были когда-то сосланы в Сибирь, ставшую для них родным домом.

Поженившись, Прокопий Иванович и Анна Романовна жили в селе Решёты. Всего в их семье родилось 14 детей, четверо из которых умерли в раннем возрасте. В 1898 или 1899 г. по настоянию Анны Романовны, которая хотела, чтобы ее дети получили образование, семья переехала в уездный центр – город Канск Енисейской губернии (ныне Красноярского края), стоящий на берегу реки Кан (правый приток Енисея). Их связи с родственниками, жившими в Решётах и Конторке, оставались крепкими.

Канск не был оторван ни от других сибирских городов, ни от центральной России: помимо речного пути в 1740-х гг. через него прошел Сибирский тракт, в 1897 г. – Транссибирская железнодорожная магистраль. Как и другие сибирские города и села, Канск был традиционным местом ссылки «неблагонадежных». Его население прирастало как вольными переселенцами, так и (в значительной степени) ссыльными. Среди них были «строптивые» крепостные крестьяне, с которыми не могли справиться хозяева помещики, разжалованные казаки, декабристы, участники польского восстания 1863 г., революции 1905–1907 гг., марксисты (в том числе Ф. Э. Дзержинский (1909), Е. Д. Стасова (1913), Г. А. Усиевич (1911–1914) и др.).

Теряевы приобрели в Канске большой добротный дом, расположенный в конце улицы Большой (ныне Красноармейская). С одной стороны от него находилась пересыльная тюрьма, с другой – солдатская казарма. Впоследствии дом Теряевых стал одной из достопримечательностей города. В нем было шесть комнат с кухней; во дворе был флигель (одна комната и кухня), а также хозяйственные постройки (Теряевы держали корову, лошадей, птицу, собак, имели огород). И. И. Липилина с любовью описывала убранство комнат, семейный уют (застланные светлыми покрывалами

кровати, чистые сибирские половики и красивые дорожки на полу, в столовой – большой овальный обеденный стол с резными ножками, часто меняющиеся скатерти с комплектом тканевых крахмальных салфеток, венские стулья, большой красивый буфет, русские сервизы, постоянно кипящий самовар на медном подносе и огромные домашние пироги); с ностальгией вспоминала она елку в большой комнате и снежную горку для детских забав во дворе зимой, разбитые под окнами клумбы с разнообразными цветами летом³.

Деньги на дом глава семейства заработал извозом: ездил с обозами по сибирским морозам. Вероятно, именно это подорвало его здоровье: Прокопий Иванович умер в 1908 г., оставив вдову с десятью детьми. За этим несчастьем последовали новые: еще трое детей умерли от дифтерита.

Оставшихся в живых детей Анне Романовне, женщине сильной и выносливой, удалось поднять на ноги. Помимо ведения домашнего хозяйства она занималась и производственно-предпринимательской деятельностью: в перечне фабрично-заводских предприятий Канска на 17 июля 1919 г. указан мыловаренный завод Теряевой Анны Романовны⁴.

Согласно И. И. Липилиной, все дети, кроме самой старшей – Матрены, помогавшей матери по хозяйству, – окончили канскую гимназию (младшая дочь Галина окончила уже советскую школу)⁵. Однако до 1907 г. в городе были только училища: городское трехклассное мужское, три приходских (женское, смешанное и церковно-приходское) и частное еврейское⁶. Лишь в 1907 г. была открыта женская прогимназия, которая не сразу получила статус гимназии⁷.

Матрена («Мотя»), родившаяся в 1882 г., осталась без образования, о чем Анна Романовна «всегда горько сожалела»⁸. Выйдя замуж, Матрена уехала в Новониколаевск/Новосибирск, была домохозяйкой. Ее единственная дочь Софья, ставшая врачом-кардиологом и вышедшая замуж за военного, жила в Омске. Согласно И. И. Липилиной, на 1984 г. сын Софьи был заведующим кафедрой в Омском университете⁹.

Анна («Нюра»), родившаяся в 1888 г., в прогимназии (не говоря уже о гимназии) учиться не могла, поскольку на момент ее открытия ей было уже 19 лет. Вероятно, она окончила приходское училище (возможно, также и учительские курсы), после чего работала учительницей начальных классов. В справочных книгах Енисейской губернии есть информация о том, что Теряева Анна Прокопьевна учительствовала в церковно-приходской школе села Коркино (неподалеку от Красноярска)¹⁰, затем в Канском женском одноклассном приходском училище¹¹. Анна умерла в 1939 г., в возрасте 51 года. Вероятно, последние годы жизни она провела в Москве у сестер. По воспоминаниям И. И. Липилиной, Анна Прокопьевна очень любила и постоянно посещала «старый

³ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 29.07.1984. Канский краеведческий музей (далее – ККМ). № 4336/3. Номер в Госкаталоге: 24646729. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24792116> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ Крыштопа Н. С. Город над Каном. Красноярск : ООО «Горница», 2003. С. 96–97.

⁵ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984. ККМ 4336/4. Номер в Госкаталоге: 24646674. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24792219> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶ Памятная книжка Енисейской губернии на 1905 год. Красноярск : Енисейская губернская типография, 1905. С. 57.

⁷ Царев В. И. Канск. Градостроительная летопись. Красноярск : Витал, 1996. 239 с.

⁸ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984.

⁹ Там же.

¹⁰ Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 год. Красноярск : Енисейская губернская типография, 1907. С. 58.

¹¹ Памятная книжка Енисейской губернии на 1911 год. Красноярск : Енисейская губернская типография, 1911. С. 117; Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 год. Красноярск : Енисейская губернская типография, 1913. С. 74; Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. Красноярск : Енисейская губернская типография, 1915. С. 84.

МХАТ Станиславского, Качалова, Москвина, Книппер-Чеховой, молодых Андровской и Яншина и т. д. Театр Чехова, Горького, Булгакова...», много читала, отлично знала русскую литературу, любила природу¹².

В отечественную культуру вошло имя следующей дочери Теряевых – Варвары Прокопьевны (1894–1983), замужество которой сделало их семью известной далеко за пределами Канска. Она, как и ее младшие сестры, уже имела возможность учиться в открывшейся прогимназии, а затем и в гимназии.

Мария была двумя годами младше Варвары.

На три года младше Марии была Августина (Августа, «Гутя» (1899 – после 1984)), ставшая доктором экономических наук, профессором (занималась экономикой сельского хозяйства). Нам не известно, где она получила высшее образование – в одном из сибирских вузов или в Москве; из писем И. И. Липилиной следует, что в столице она оказалась не позже 1922–1923 гг., а скорее всего, раньше.

В начале 1930-х гг. Августина Прокопьевна работала в научно-исследовательском совхозном институте (система Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина), с конца 1930-х гг. – в Институте экономики АН СССР. На сайте института говорится, что она – ветеран Великой Отечественной войны (при этом неверно указано ее имя – Агриппина)¹³. В ее личной жизни не обошлось без трагедий: в конце 1920-х – начале 1930-х гг. умер ее сын, которому было примерно 8–10 лет. (Фотография сцены прощания с ним есть в Канском краеведческом музее. На ней среди родных и близких семьи запечатлены Августина Прокопьевна и Мария Прокопьевна с дочерью Ириной¹⁴.)

В 1902 г. родился сын Теряевых Владимир Прокопьевич. Мария Прокопьевна писала о нем: «Родился он в Канске. Там он входил в комсомольскую организацию... После Канска... одно время работал в Красноярске, а затем в Новосибирске зав. СибОНО (имеется в виду Западно-Сибирский краевой отдел народного образования. – И. К.)»¹⁵. И. И. Липилина поведала о нем также немного: «... работал зав. крайОНО, по его замыслу построен Новосибирский театр оперы и балета, талантливый организатор, умер в 1940-м...»¹⁶.

Мария Прокопьевна не захотела написать всю правду о судьбе своего брата, ее дочь, возможно, всей правды о его судьбе не знала. Владимир Прокопьевич, вероятно, окончил появившееся в Канске реальное училище. Из ряда источников следует, что у него было неоконченное высшее образование: два курса политехнического института; в 1925 г. он вступил в ВКП(б), в 1920-х гг. был инспектором ОНО Западно-Сибирского крайисполкома, заведующим школьным отделом крайкома ВЛКСМ и инструктором школ рабочей молодежи, с 1930 г. – заместителем председателя Западно-Сибирского краевого совета народного просвещения, с 1932 г. – заведующим Западно-Сибирским крайОНО¹⁷. Известна, по крайней мере, одна его научная публикация – в «Сибирском педагогическом журнале» в 1924 г. [10].

В статье С. А. Папкина утверждается, что в 1932–1936 гг. В. П. Теряев был директором педагогического института в Ворошиловске (Ставрополе) [8, с. 91]. Однако, судя по архивным документам, процитированным в диссертации С. А. Пономарева [9],

¹² Липилина И. И. Указ. соч.

¹³ Ветераны Великой Отечественной войны. Теряева Агриппина Прокопьевна // Институт Экономики Российской академии наук : офиц. сайт. URL: <https://inecon.org/institut/veterany-vov-i-truzhenniki-tyla/veterany-velikoj-otechestvennoj-vojny.html> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁴ Фотография «Похороны сына Августы Теряевой». КKM 4388/6; номер в Госкаталоге: 24647114. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24792549> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁵ Теряева (Липилина) М. П. Письмо к Усольцевой Г. И. от 22.08.1975. КKM 4336/10; номер в Госкаталоге: 24646727. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24792119> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁶ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984.

¹⁷ Теряев Владимир Прокопьевич // Открытый список. URL: [https://ru.openlist.wiki/Теряев_Владимир_Прокопьевич_\(1902\)](https://ru.openlist.wiki/Теряев_Владимир_Прокопьевич_(1902)) (дата обращения: 10.01.2025).

а также в альманахе «Возвращение памяти»¹⁸, в 1934 г. Теряев все еще занимал должность заведующего Западно-Сибирским крайОНО. Совершенно очевидно, что он не мог совмещать две должности в регионах, расположенных столь далеко один от другого. Следовательно, в Ставрополь он приехал не в 1932, а не ранее конца 1934 г. Здесь в сентябре 1936 г. Теряев был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей¹⁹. Согласно И. И. Липилиной, он умер от болезни²⁰. Неясно, был ли он освобожден по истечении срока наказания или погиб в лагере.

Имя В. П. Теряева встречается в ряде исследований, связанных с культурной и социально-политической ситуацией в Сибири 1920-х – начала 1930-х гг. Так, С. А. Кочурина в монографии, посвященной истории педагогического образования в Сибири и на Дальнем Востоке, упоминает «острую критику» (в данном случае – вполне конструктивную) педагогического факультета Иркутского университета, с которой в 1926 г. он выступил, являясь инспектором СибОНО: выпускники «не в состоянии провести хороший урок», «крайне слабо ориентируются в вопросах методики обучения, поверхностно знают школьную жизнь, не умеют наладить связь школы с жизнью» [7, с. 240–241].

В 1929 г. В. П. Теряев принимал участие в «партийных чистках», подвергнув нападкам писателя Вивиана Азарьевича Итина (1893–1938). Бывший студент Петербургского психоневрологического института, затем юридического факультета Петербургского/Петроградского университета, ученик известного юриста и публициста профессора М. А. Рейснера и близкий друг его знаменитой дочери – Ларисы Рейснер, Итин во время Гражданской войны по стечению обстоятельств оказался в Сибири, находился в Красной Армии, в партизанских отрядах. Некоторое время он работал в родном городе Теряевых Канске (заведовал отделами агитации и пропаганды, политического просвещения, местного отдела РОСТА, был редактором газеты и председателем товарищеского дисциплинарного суда). В Канске в 1922 г. Итин издал в типографии газеты «Канский крестьянин» свою книгу – первый советский научно-фантастический роман «Страна Гонгури». С 1923 г. он жил в Новониколаевске/Новосибирске, являлся главным редактором журнала «Сибирские огни», председателем правления Западно-Сибирского объединения писателей.

В статье С. А. Папкова, в которой впервые вводятся в научный оборот материалы «чистки» 1929 г., подчеркивается: «Их содержание отражает... важную сторону внутренней жизни Коммунистической партии, члены которой заняты систематическим выяснением отношений друг с другом и поисками “компрометирующих фактов” в биографии однопартийцев» [8, с. 90]. В. П. Теряев утверждал, что в литературной деятельности В. А. Итина «не совсем ярко выражено лицо коммуниста», у него «барское отношение к партии. К собраниям он относится спустя рукава, выговоры ячейки называет “махаевским настроением”²¹. Его конкретной работы по ячейке не видно» [цит. по: 8, с. 91]. Как подчеркивает Папков, «чистка 1929 г. предстает как важная фаза» в судьбе Итина, «в ходе которой был подготовлен значительный компрометирующий материал для окончательной расправы с ним в период 1937–1938 гг.» [8, с. 89]. Нельзя забывать и того, что Итин сам участвовал в разного рода «чистках», был в свое время членом революционного трибунала и председателем дисциплинарного суда.

¹⁸ «Возвращение памяти»: историко-публицистический альманах. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. С. 106.

¹⁹ Теряев Владимир Прокофьевич // Открытый список. URL: [https://ru.openlist.wiki/Теряев_Владимир_Прокофьевич_\(1902\)](https://ru.openlist.wiki/Теряев_Владимир_Прокофьевич_(1902)) (дата обращения: 10.01.2025).

²⁰ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984.

²¹ В. П. Теряев имеет в виду «махаевщину» (от имени польского революционера Я. В. Махайского (псевдонимы: А. Вольский, Махаев)), представлявшего направление индивидуалистического анархизма, враждебно относившегося к интеллигенции.

В диссертации С. А. Пономарева приводятся другие факты «разоблачительной» деятельности В. П. Теряева. Так, в его докладной записке в крайком ВКП(б) от 1 июня 1934 г. «О состоянии педагогических техникумов в Западносибирском крае» говорится о «весьма низком политико-моральном состоянии учащихся»: в ряде техникумов выявлены «"кулацкие писатели" стихов, направленных против соцсоревнования, а в одном техникуме «вскрыта "контрреволюционная группа студентов", распространявшая свои журналы и листовки» [9, с. 156]. Нельзя не отметить, что стиль и суть устных и письменных выступлений Теряева практически идентичны «духу и букве» выступлений его сестры Марии.

Самая младшая дочь в семье – Галина (в замужестве Адамович) окончила Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, стала агрономом-селекционером. Свои последние годы она жила в Севастополе, в семье дочери. Галина и ее семья были особенно дружны с семьей Августины (вероятно, старшая сестра как коллега всегда помогала ей в профессиональной деятельности).

И. И. Липилина утверждает, что все дети Теряевых «были красивые, умные, прогрессивных взглядов, демократических убеждений», семья отличалась «одаренностью, гостеприимством, хлебосольством, домашними спектаклями и стойкими революционными традициями»²².

Революционные традиции в Канске и Канском уезде действительно были стойкими, что было в значительной степени обусловлено особенностями состава населения: вольнолюбивое крестьянство (немалой своей частью происходившее из разжалованных казаков), политкаторжане и ссыльные, постоянно ведущие активную пропагандистскую работу, представители рабочего класса (число которых увеличилось с развитием железной дороги и промышленности, в том числе золотых приисков), солдаты военного гарнизона, а с началом мировой войны – военнопленные.

Как подчеркивает историк В. И. Федорова, в 1905 г. Енисейская губерния стала эпицентром революционных событий в Сибири [15]. В Канске волнения начались еще в 1902 г.: после смерти в местной больнице ссыльного студента в городе прошла антиправительственная демонстрация, затем начались забастовки и столкновения рабочих с полицией на городских предприятиях²³. В 1905 г. здесь была создана большевистская организация, в которую входили рабочие железнодорожных депо города и станции Иланской (поселок Иланский, с 1939 г. – город)²⁴. В январе 1906 г. в Канске прошла забастовка рабочих станции Иланской, поводом к началу которой стал арест около двух десятков человек (телеграфистов, мастеровых и машинистов) за агитацию на железной дороге. Прибывшие в Канск, затем последовавшие в Иланскую карательные экспедиции самым жестоким образом расправились с рабочими депо и их семьями (было убито и ранено более 100 человек, свыше 150 человек заключено в тюрьму)²⁵. С ноября 1905 г. до 1910 г. вся Енисейская губерния находилась на военном положении. Новый подъем революционного движения начался с 1916 г.: бастовали рабочие на железной дороге и промышленных предприятиях, начались «голодные бунты»²⁶.

На таком фоне выросли сестры и брат Теряевы в их большом уютном доме, расположенном между пересыльной тюрьмой и военной казармой. Анна учительствовала, все ее младшие сестры, будучи гимназистками, уже давали уроки. Как вспоминала М. П. Теряева, в 1914–1915 гг. в их доме образовался литературный кружок, в который входили старшеклассники из гимназии и реального училища: «обсуждали рус-

²² Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984.

²³ Прокушев В. И. Канск. Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1986. С. 52.

²⁴ Крыштопа Н. С. Указ. соч. С. 55–56.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 57.

скую классику, литературные новинки и решили выпустить свой журнал», редактором и издателем которого стал «Миша Ошаров» (Ошаров Михаил Иванович, 1894–1937) – тогда учащийся реального училища, впоследствии известный сибирский писатель, погибший в годы репрессий); он «раздобыл где-то гектограф»; на этом гектографе в погребе во дворе Теряевых был отпечатан литературный журнал – «возможно, первый в Канске... тоненькая книжечка, с тетрадку величиной...»²⁷.

Первая мировая война принесла М. П. Теряевой личные переживания и, возможно, утраты. Она до конца жизни хранила датированный 23 ноября 1915 г. ответ на свой запрос в действующую армию, командованию 55-го Сибирского стрелкового полка о судьбе ее друга (возможно, жениха) прапорщика Григория Нигрицкого, в котором сообщалось, что 2 июля 1915 г. он был ранен и остался на поле боя: «был ли он взят в плен или ранение имело для него смертельный исход, неизвестно»²⁸. Имя подпоручика (уже не прапорщика) 55-го Сибирского стрелкового полка Григория Нигрицкого мы нашли в тексте Высочайшего приказа за февраль 1916 г. (дело № 14828): он награждался Орденом Св. Анны IV степени с надписью «За храбрость»²⁹. Был ли награжденный в это время жив, нам неизвестно, больше никаких данных о нем обнаружить не удалось.

Не совсем ясно, когда М. П. Теряева в первый раз уехала из Канска: И. И. Липилина пишет, что, окончив гимназию, ее мать «училась и учительствовала» в Томске, Казани (не указывая дат); в 1916 г. уехала в Москву³⁰. Мы обнаружили ее имя в «Списках лиц, окончивших, выбывших или подававших прошения о приеме на Московские высшие женские курсы 1900–1918 гг.»: она подавала прошение о приеме или училась на историко-философском факультете³¹.

Возможно, в Москве М. П. Теряева познакомилась с будущим мужем – Иваном Петровичем Липилиным (1894 – после 1958), однако не исключено, что они приехали туда вместе (возможно, из Томска, где учились). Некоторые биографические сведения о нем мы получили из ряда опубликованных источников. Из анкеты Всероссийской переписи членов ВКП(б), заполненной им в Екатеринбурге в 1922 г., следует, что он крестьянского происхождения (место рождения не указано), окончил двухклассное училище (продолжительность обучения – 5 лет), учительскую семинарию (4 года), учительский институт (1 год); в 1917 – начале 1919 г. работал в Москве учителем школы I ступени, затем инструктором на неких курсах, был курсантом; в 1919 г. был мобилизован в Красную армию и направлен в Екатеринбургское политуправление Уральского военного округа, в этом же году стал членом ВКП(б)³². Демобилизовавшись в 1920 г., Липилин поступил в Уральский университет (вероятно в политехнический институт, входивший тогда в состав университета), поскольку на вопрос о том, чему бы он хотел учиться, ответил: «техническим знаниям»³³.

Весной 1918 г. И. П. Липилин присутствовал на заседании ВЦИК, где видел В. И. Ленина (о чем он вспоминал 22 января 1943 г. в письме к известной актрисе и общественному деятелю М. Ф. Андреевой – бывшей гражданской жене А. М. Горь-

²⁷ Теряева М. [П.] Наш канский дом... С. 69.

²⁸ Ответ на запрос Теряевой М. П. о Нигрицком Григории. КKM 4388/9; номер в Госкаталоге: 24647102. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24792562> (дата обращения: 10.01.2025).

²⁹ Российский Государственный Военно-исторический архив. Фонд: Печатные издания. Д. № 14828, Высочайшие приказы за февраль 1916 г. С. 32.

³⁰ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984.

³¹ Списки лиц, окончивших, выбывших или подававших прошения о приеме на Московские высшие женские курсы 1900–1918 гг. URL: http://www.genarh.ru/363_6.htm (дата обращения: 10.01.2025).

³² Архив проектов МЦДИ: Липилин Иван Петрович. URL: <https://idun.urfu.ru/archive/handle/idun/23795> (дата обращения: 10.01.2025).

³³ Там же.

кого³⁴). М. П. Теряева оставалась в Москве, однако, по словам И. И. Липилиной, у нее тогда было слабое здоровье, в Москве был голод, и она поехала в Канск – через Екатеринбург: «Отец был там (в армии), он достал ей путевку в санаторий в Елабуге, оттуда она приехала в Канск»³⁵. Здесь в родном доме, 25 августа 1920 г. родилась ее дочь Ирина (через несколько лет у Липилиных появилась вторая дочь – Надежда).

1917–1919 гг. для Канска – время постоянной напряженной и ожесточенной борьбы различных сил: со старой властью боролись представители как «умеренных», так и крайне левых партий. После Октябрьской революции здесь была провозглашена Советская власть, однако в мае 1918 г. город был взят силами Чехословацкого корпуса. Начавшееся в декабре 1918 г. Канско-Иланское народное вооруженное восстание было жестоко подавлено, но в городе оставалось революционное подполье, население уезда массово уходило в тайгу, в партизанские отряды.

Одной из ярких фигур партизанского движения был Иван Андреевич Бич, получивший известность как Бич-Таежный (1881–1919), семья которого породнилась с семьей Теряевых-Неизвестных. М. П. Теряева утверждала, что Бич был ссыльным поляком³⁶, хотя, согласно всем источникам, он был белорусом, родившимся в Виленской губернии³⁷. Несомненно, Бич был человеком незаурядным. Происходивший из крайне бедной многодетной крестьянской семьи, с детства батрачивший у помещика, он упорно стремился к знаниям: несмотря на многочисленные препятствия, окончил двухклассное училище, активно занимался самообразованием и сумел сдать экстерном экзамен за курс учительской семинарии. Бич не был ссыльным: он переселился в Сибирь после революции 1905–1907 гг. вместе с родственниками (мать, две сестры, жена, дети) по собственной воле, опасаясь политических преследований, поскольку участвовал в революционных событиях (ранее, в 1904 г. сюда переселился со своей семьей его брат Арсений).

И. А. Бич с семьей поселился в родном селе А. Р. Теряевой – Конторке, подружился с ее братьями – Иннокентием и Гаврилой («Ганей») Неизвестных; сестра Бича Мария («Маня») вышла замуж за Гаврилу. Бич занимался крестьянским хозяйством в селе, затем работал сцепщиком вагонов на станции Тайшет, был сельским учителем и писарем в селах и деревнях Конторской волости. После Февральской революции жители волости избрали его своим делегатом на уездный крестьянский съезд в Канск. После Октябрьской революции Бич остался в Канске: его избрали членом уездного продовольственного комитета, он представлял эту организацию в местном объединенном Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В январе 1918 г. Совет отправил Бича в Красноярск на губернский продовольственный съезд, который избрал его продкомиссаром в новую губернскую продовольственную управу. В Красноярске Бича застал мятеж белочехов. Ему удалось пробраться в Конторку и тайно вывезти свою семью на плоту по Бирюсе в деревню Тремино Шелаевской волости. Устроившись там работать, он начал вести агитацию среди населения, призывая организовывать партизанские отряды.

В Канском уезде образовался один из очагов партизанской войны против колчаковцев и белочехов. В конце декабря 1918 г. восстало село Тасеево, где было объявлено о восстановлении Советской власти (возникла Тасеевская Республика), за ним восстали и другие волости. Ранней весной 1919 г. крестьяне подняли восстание в селе Шиткино, которое быстро разрасталось по окрестным селениям – в результате был открыт

³⁴ Андреева Мария Федоровна. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М. Ф. Андреевой / сост., ст. и коммент. А. П. Григорьевой и С. В. Щириной. Изд. 3-е, доп. и перераб. М.: Искусство, 1968. С. 440–441.

³⁵ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984.

³⁶ Теряева (Липилина) М. П. Письмо к Г. И. Усольцевой от 22.08.1975.

³⁷ Бич Иван Андреевич // Биографический справочник. Минск: Белорусская Советская энциклопедия имени Петруся Бровки, 1982. Т. 5. С. 59.

Шиткинский партизанский фронт из семи отрядов, в числе которых были Шелаевский и Конторский. К концу марта шиткинские партизаны установили тесные связи с тасеевскими. Колчаковцы безжалостно расправлялись с партизанами и их семьями, сожгли ряд деревень и сел, в том числе Конторку и Тасеево.

Исследователи спорят о той роли, которую сыграл в партизанском движении И. А. Бич: одни считают его большевиком, организатором и руководителем Шиткинского партизанского фронта³⁸, другие утверждают, что он был эсером-максималистом или анархистом, выступал не за власть Советов, а за Учредительное собрание, отказывался подчиняться большевикам и соблюдать дисциплину, руководил лишь небольшим отрядом жителей Конторки и в целом выступал против централизации партизанского руководства³⁹. Тем не менее никто не оспаривает большого личного мужества Бича и весьма успешной активности его отряда, совершавшего рейды по тылам белочехов и колчаковцев, едва ли не ежедневно крушившего поезд с воинскими грузами и войсками.

С 29 августа по 2 сентября 1919 г. проходил очередной партизанский съезд, на котором И. А. Бича избрали в агитационный отдел, однако 6 сентября он попал в плен к белорумынам и 1 октября был повешен на станции Тайшет; был убит и его брат Арсений. Иннокентий и Гаврила Неизвестных, жена Гаврилы Мария (сестра Бича) также были партизанами. Иннокентию удалось выжить; Гаврила погиб, его жена и ребенок умерли от болезни в тайге, в партизанском отряде.

Одна из учениц Августины Теряевой, белорусский ученый-экономист Е. И. Кивейша, писавшая под ее руководством кандидатскую диссертацию, утверждала, что ее руководитель в прошлом была революционеркой, участницей событий гражданской войны в Сибири⁴⁰. Нам неизвестно, где именно в Сибири находилась во время войны Августина Прокопьевна, судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, в Канске ее в это время не было.

События гражданской войны в Сибири застала Варвара Прокопьевна Теряева. После окончания гимназии она отправилась в Омск, где поступила в Сибирскую сельскохозяйственную академию. (И. И. Липилина ошибочно утверждала, что Варвара училась в Томске⁴¹.) Занятия были прерваны в 1919 г., когда город стал ставкой Колчака. Варвара Прокопьевна вспоминала, что на улицах появилось много военных (белогвардейцы, чехословаки, интервенты) и толпы беженцев. Все корпуса академии были отданы под госпиталь, студентов перевели в купеческий особняк, который вскоре «понадобился французам»: занятия продолжились в бывших винных складах, но скоро прекратились совсем; стремительно развивавшиеся события заставили ее уехать домой по железной дороге, забитой солдатскими эшелонами и беженцами: «Когда я вернулась в Канск, то и через него уже катилась на восток людская волна... К городу, тесня белых, подступали части Красной армии и вышедшие из тайги партизаны»⁴². 31 декабря 1919 г. в Канск переехал армейский Совет Северо-Канского партизанского фронта (Тасеевской Республики), в январе 1920 г. в город вошли регулярные части Красной армии.

В конце декабря 1919 г. в доме Теряевых появился незнакомый человек из партизанского отряда: «назвался Владимиром Яковлевичем Зубцовым и предъявил

³⁸ Иван Бич-Таежный // Революционный подвиг сибиряков: биографии борцов за власть Советов на земле Иркутской. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1972. С. 56–57.

³⁹ Лифантьев А. Н. По поводу популяризации личности И. А. Бича-Таежного (1975). URL: <https://taishettoday.ru/information/47> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴⁰ См.: Корнилович Э. Земля – основа нашей жизни // Эканамист: орган УА «Дзяржауны эканамічны ўніверсітэт» [Минск]. 2013, № 4 (999), 7 сакавіка. С. 3.

⁴¹ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984.

⁴² Зазубрина-Теряева В. П. Указ. соч. С. 153.

ордер на комнату»⁴³. Незнакомец войдет в историю русской литературы как первый советский писатель В. Я. Зазубрин (1895–1937). На третий день после заселения жилец Теряевых заболел тифом. Больного выхаживали Анна и Варвара, которая вскоре стала его женой.

Внешне похожая на приключенческий роман, по существу глубоко трагичная жизнь В. Я. Зубцова-Зазубрина и его незаурядное творчество привлекают внимание многих исследователей [11–14]. Будущий писатель родился и провел детство в Пензе, затем семья переехала в Сызрань, где он еще в годы обучения в реальном училище стал революционером-подпольщиком. Зубцов неоднократно арестовывался (как при императорской власти, так и при Временном правительстве), затем был мобилизован в армию и попал в юнкерское училище. После Октябрьской революции он оказался на территории, находившейся под властью Уфимской дирекции и как бывший юнкер был направлен в Оренбургское военное училище, вскоре эвакуированное в Иркутск. По окончании училища в июле 1919 г. получивший звание подпоручика Зубцов вместе с другими выпускниками отправился в Омск (где их приветствовал на торжественном приеме адмирал Колчак), затем находился в занятом колчаковцами Канске, откуда попал на Тасеевский фронт – на борьбу с партизанами. В октябре 1919 г. он сумел убедить солдат своего и соседнего взводов прорваться через посты и с оружием уйти к партизанам. Если солдат (бывших рабочих) партизаны приняли сразу, то к Зубцову как к офицеру отнеслись с недоверием. Однако среди них оказались революционеры, отбывавшие в свое время ссылку вместе с большевичкой из Сызрани, от которой знали имя подпольщика Зубцова. Вожди партизанского движения направили его в агитационный отдел при армейском Военном Совете – выпускать партизанскую газету (он с ранней юности сотрудничал в революционных изданиях).

После выздоровления В. Я. Зубцов начал работать в газете Канского ревкома и укома партии «Красная звезда», одновременно читал лекции красноармейцам, преподавал в партшколе. Побывавший в лагерях и белых, и красных, Зубцов как «извне», так и «изнутри» увидел обе стороны конфликта; в Канске и в уезде он постоянно встречался с бывшими партизанами. В доме Теряевых Зубцов начал писать беспощадно правдивый роман «Два мира», показав в нем как лагерь колчаковцев и интервентов, так и восставший против них народ.

М. П. Теряева не была непосредственной участницей или свидетельницей всех этих событий (хотя, возможно, она приезжала в Канск в 1917 г., поскольку в письме к Г. И. Усольцевой сообщала, что виделась после Февральской революции со своим дядей Гаврилой Неизвестных, который рассказал ей, что еще до революции он входил в подпольную группу, созданную в их селе (вероятно, И. А. Бичем)⁴⁴. Она вновь приехала в Канск в 1920 г., когда память об этих событиях у ее родных и оставшихся в живых местных жителей была совсем свежей. Мария Прокопьевна была свидетельницей создания романа «Два мира» и сбора материалов для него, в частности встречи В. Я. Зубцова с Иннокентием Неизвестных⁴⁵. И. А. Бич-Таежный для нее навсегда остался идеалом человека и революционера. В 1976 г. она писала Усольцевой о фотоснимке памятника знаменитому партизану, установленного в Тайшете в 1958 г.: «... волевое, мужественное лицо... В этом человеке, когда девочкой-школьницей я увидела его в семье моего деда и бабушки, было то, что предвещало человека большой

⁴³ Там же.

⁴⁴ Теряева (Липилина) М. П. Письмо к Г. И. Усольцевой от 22.08.1975.

⁴⁵ Теряева (Липилина) М. П. Письмо к Г. И. Усольцевой от 02.03.1976. ККМ 4336/11. Номер в Госкаталоге: 24646724. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=24792122> (дата обращения: 10.01.2025).

судьбы... Ближайших его помощников, моих дядей Гаврилу и Иннокентия, полупролетариев, работавших в свое время на железной дороге и на приисках, тоже никак нельзя считать людьми неорганизованными. Думаю, что приклеивание ярлыков “анархистских настроений”, “партизанщины” – результат недомыслия некоторых критиков, не умеющих подойти к вопросу по-ленински: разобрать его диалектически, “во всех связях и опосредованиях”⁴⁶. Мария Прокопьевна написала очерк «Известные партизаны Неизвестные», машинописную копию которого приложила к своему письму, адресованному Усольцевой⁴⁷. Она всегда гордилась своими родственниками-партизанами.

В Канске, когда там жила Мария Прокопьевна с маленькой Ириной, у ее сестры Варвары в 1921 г. родился сын Игорь. Вскоре В. Я. Зубцова призвали в Красную армию: он редактировал газету «Красный стрелок» в Иркутске. Здесь же был завершён и в ноябре 1921 г. впервые издан его роман «Два мира» под именем В. Я. Зазубрина. Избранный псевдоним стал его официальной фамилией. Роман неоднократно переиздавался (12 раз при жизни автора), был одобрен А. М. Горьким, В. И. Лениным, А. В. Луначарским.

В феврале 1922 г. В. Я. Зазубрин был демобилизован из Красной Армии и вернулся в Канск, где за короткое написал ряд новых произведений: повести «Щепка» (1922–1923, позже переработана в роман), «Общежитие» (1923), рассказ «Бледная правда» (1922–1923), в которых без прикрас показал жесточайшие реалии первых лет новой советской действительности. «Щепка», рассказывающая о расстрелах в подвалах ЧК, была опубликована только в 1989 г. Судя по этим произведениям, Зазубрина во многом разочаровали новые порядки.

М. П. Теряева до 1922 г. (пока муж учился в Екатеринбургe/Свердловске) находилась в Канске, затем вместе с дочерью приехала в Москву к сестре Августине, у которой была там маленькая комната. Когда И. П. Липилин, окончив университет, вернулся из Свердловска, Ирину отправили в Канск к бабушке, поскольку в комнате Августины стало совсем тесно.

Как следует из обнаруженного Н. А. Паньковым письма М. П. Теряевой на имя К. А. Федина, в 1923–1930 гг. она училась в МГУ, где «вела борьбу против вульгарной меньшевистской социологии Переверзева» [6]; вероятно, в это время она вступила в ВКП(б).

Н. А. Паньков писал, что М. П. Теряева «пробовала свои силы и на писательском поприще, выпустив несколько книжек для детей и юношества...» [6, с. 131]. Он приводит далеко не полный перечень ее книг. Судя по письмам дочери, «писательское поприще» было (по крайней мере, в 1920-х – первой половине 1930-х гг.) основным полем ее деятельности. И. И. Липилина говорит о ней: «литератор», «писательница» и лишь после этого – «доцент» и сообщает, что в 1920-х гг. она работала с Н. К. Крупской и К. Т. Свердловой⁴⁸. Обе вдовы большевистских лидеров с 1920 г. работали в системе народного образования: Крупская была председателем Главполитпросвета при Народном комитете просвещения; с 1929 г. – заместителем наркома просвещения РСФСР; Свердлова была ее ближайшей сподвижницей, входила в состав Ученого Совета Наркомпроса РСФСР, заведовала Отделом детских учреждений ВЦИК, Отделом детской литературы, затем Отделом учебников Объединенного государственного издательства. Под руководством Свердловой были изданы первый советский букварь «Смена» (авт.-сост. А. Г. Малютина, М. П. Теряева, Н. Р. Эйгес; 1926, 1927, 1929), первая и вторая книги для чтения «Искорка» (авт.-сост. М. П. Теряева; 1930) и «Советские ребята» (авт.-сост. А. Г. Малютина, М. П. Теряева; 1928, 1929). Теряева также является автором книг для детей: «Кровавый урок. [Рассказ о 9 января 1905 г.] (1925, 1928, 1930), «Гирни Камгар. Красный флаг» (1930); «Люлю, французский мальчик» (1930) и научно-популярного очерка для юношества «Первая русская революция. 1905–1907» (1930). Ряд ее рассказов для детей был опубликован в журналах.

⁴⁶ Теряева (Липилина) М. П. Письмо к Г. И. Усольцевой от 02.03.1976

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Липилина И. И. Письмо к Г. И. Усольцевой от 29.07.1984.

М. П. Теряева также выступала в печати как автор критических статей о детской литературе: «Лицо автора детской книги» («Книга и революция», 1930. № 19); «На фронте без перемен. [Общественно-политическая детская книга.]» («Книга и революция», 1930. № 27); «О кадрах детской литературы. [К 1-му Всероссийскому совещанию по детской литературе]» («За коммунистическое воспитание», 1930, вып. 9); «Надо драться за качество. Обзор продукции детской литературы [1930 г.]» («За коммунистическое воспитание», 1931, вып. 2). Обращает на себя внимание использование автором «боевой» лексики в статьях о детской литературе: «фронт», «драться».

Вместе с М. П. Теряевой работал и ее муж. И. И. Липилина писала, что ее отец в 1920-х гг. был редактором⁴⁹. Под редакцией К. Т. Свердловой издана его книга «Как советская власть строит новую жизнь, и что говорил об этом Ленин» (1928, 1929). Вышедшая на русском, книга была также издана на других языках, в том числе на мордовских (мокшанском и эрзянском), польском.

С 1930-х гг. жизнь И. П. Липилина была связана с наукой: он работал в Московском институте стали им. Сталина, затем (возможно, одновременно) являлся старшим научным сотрудником Института общей и неорганической химии АН СССР, членом Ученого совета этого института. Позже в этом институте работала и его дочь Ирина, ставшая в 1955 г. кандидатом химических наук.

Зазубрины с 1923 по 1928 г. жили в Новониколаевске/Новосибирске. Их сын Игорь, как и Ирина Липилина, находился некоторое время в Канске. Автор «Двух миров» стал одним из руководителей журнала «Сибирские огни» (секретарем, затем главным редактором) и организатором (вскоре председателем) Союза сибирских писателей. В конце 1920-х гг. против него резко выступили местные представители РАППа, добившись его исключения из партии и изгнания из «Сибирских огней». (Главным редактором журнала становится В. А. Итин, с которым они подружились еще во время совместной работы в Канске, затем вместе работали в «Сибирских огнях» и который посвятил ему одно из своих стихотворений. Не обидой ли на Итина, занявшего место В. Я. Зазубрина, продиктовано выступление против него на «чистке» 1929 г. В. П. Теряевой?).

В 1929 г. Липилины, вероятно, получив свою жилплощадь, забрали из Канска Ирину и Анну Романовну. «Тетя Гутя к тому времени имела уже отличную небольшую квартирку близ Тимирязевки и свою семью», – вспоминала И. П. Липилина⁵⁰.

В. Я. Зазубрин с семьей после нескольких лет скитаний также был вынужден уехать в Москву – к А. М. Горькому, который высоко его ценил. Находясь под покровительством классика советской литературы, он работал в Госиздате, в журнале «Колхозник», опубликовал свой новый роман «Горы», был делегатом I Всесоюзного съезда писателей, членом правления Литфонда. Горький постоянно проявлял заботу о Зазубрине и его семье: в частности, он отправил на лечение тяжело заболевшего сына писателя, Зазубрин помимо квартиры в Москве получил дачу в Переделкине. По словам И. И. Липилиной, Зазубрин нечасто, но бывал в их семье, «рассказывал о своих планах литературных, о работе редакторской...»; она пользовалась большой, «во всю стену» библиотекой Зазубриных, бывала у них на даче в Переделкине, «однако постоянного общения, увы, не было»⁵¹.

В РГАЛИ имеется ряд материалов, связанных с деятельностью М. П. Теряевой в 1930-х гг. В датированной 1927–1931 гг. «Коллекции материалов о призыве рабочих-ударников в литературу» мы обнаружили документ под названием «Репорты Теряевой М. о проделанной работе по призыву рабочих ударников в литературу на

⁴⁹ Липилина И. И. письмо к Г. И. Усольцевой от 29.07.1984.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

фабрике «Москошвей 4»⁵². Известно, что таким «призывом» занимался РАПП, следовательно, Теряева являлась в это время его активисткой. В архивном фонде редакции журнала «На литературном посту» сохранилась рукопись рецензии М. Елизаровой, Т. Козьминой и М. Теряевой на книгу итальянского революционера-коммуниста, журналиста-антифашиста Эдмондо Пелузо «Гражданин мира», вышедшую в московском издательстве «Федерация» в 1931 г. (издававшуюся также в 1927 и 1930 гг.)⁵³.

Н. А. Паньков обнаружил в архивном фонде журнала «Литературный критик» неопубликованные статьи М. П. Теряевой «Стендаль и буржуазный реализм» и «Стендаль – основоположник реалистического романа XIX в.», относящиеся к середине 1930-х гг. [6, с. 131]. В архиве издательства «Academia» (М.–Л.) нами обнаружено дело под названием «Переписка с Д. Ф. Сверчковым, М. П. Теряевой и др. об издании сочинений Стендаля с приложением образцов переводов и отзывов о них», датированное 10 июня 1935 г. – 9 марта 1937 г.»⁵⁴. Переписка по поводу издания произведений Стендаля прекратилась в марте 1937 г., в августе этого года Сверчков (личный друг Л. Д. Троцкого) был арестован и в апреле 1938 г. расстрелян. Арестован в 1938 г. и расстрелян в 1942 г. был и Пелузо, о котором писала Теряева.

В 1937 г. был арестован и в 1938 г. расстрелян В. Я. Зазубрин, после смерти А. М. Горького оставшийся без покровителя. В годы «большого террора» был расстрелян также весь командный состав знаменитой Тасеевской Республики. Варвара Прокопьевна была арестована вслед за мужем и в течение восьми лет находилась в Акмолинском лагере жен изменников Родины (АЛЖИР). (Отметим, что дачу Зазубриных в Переделкине занял А. А. Фадеев; именно здесь он позже застрелился.) Вероятно, после ареста Зазубриных их сына Игоря поддерживали помимо других родственников и Липилины: Ирина вспоминала, что она дружила с Игорем (который «был гениальным ученым») как в Канске, так затем и в Москве в 1938–1941 гг.⁵⁵. Игорь Зубцов погиб под Сталинградом во время Великой Отечественной войны.

Липилины после начала Великой Отечественной войны находились в эвакуации в Казани (именно оттуда И. П. Липилин написал письмо М. Ф. Андреевой), затем вернулись в Москву.

В ноябре 1945 г. В. П. Зазубрина-Теряева была освобождена из лагеря (но реабилитирована лишь в 1956 г. – вместе с расстрелянным мужем). Она окончила сельскохозяйственный техникум и работала агрономом во Владимирской области; выйдя на пенсию, поселилась в Москве. Судя по письмам к Г. И. Усольцевой, в последние годы М. П. Теряева постоянно общалась с сестрой. Их мать до конца своих дней жила в семье Липилиных и скончалась в 1951 г.

Вероятно, в Казани М. П. Теряева занималась преподавательской деятельностью, которую продолжила, вернувшись в Москву. Как выяснил Н. А. Паньков, до июля 1946 г. она работала в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков [6]. В протоколе защиты (точнее, в реплике В. Я. Кирпотина она представлена как «кандидат наук в области западной литературы» [6], однако кандидатом наук Теряева не стала, хотя получила в первой половине 1940-х гг. ученое звание доцента. Ее педагогическая деятельность в московских вузах завершилась не ранее 1950 г.

Последняя по времени из обнаруженных нами публикаций М. П. Теряевой – статья к юбилею И. В. Гете «Великий немецкий поэт» в газете «Сельское хозяйство» (22 марта 1957 г.); судя по названию газеты, статья попала в нее благодаря ее сестре Августине.

⁵² Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2153.

Оп. 1. Д. 13. 3 л.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 1698. Оп. 1. Д. 223. 12 л.

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 202. 130 л.

⁵⁵ Липилина И. П. Письмо к Г. И. Усольцевой от 21.08.1984.

Установить точную дату смерти М. П. Теряевой нам пока не удалось. Последнее ее письмо к Г. И. Усольцевой написано в августе 1976 г. В 1984 г. в музей писала уже ее дочь, следовательно, ее к этому времени уже не было в живых. Переписка Теряевых–Липилиных с Усольцевой была связана с инициативой открытия музея в их канском доме, однако энтузиастам не хватило на это средств. Сегодня дом находится в запущенном состоянии, хотя на нем есть мемориальная доска, посвященная В. Я. Зазубрину.

Следует отметить, что М. П. Теряева высоко ценила творчество В. Я. Зазубрина, прежде всего, его роман «Два мира», в котором, в частности, была отражена и судьба ее родственников. Она подчеркивала, что в романе «счастливы сочетались две силы: возможности талантливого автора и добротность исходного материала... Автор... быстро распознал характерную черту сибиряков – “вольнолюбивость”, за которую они дорого платили в своей истории, в чем он смог убедиться по истории одной семьи... Роман... стал живым итогом исторических событий, одновременно пережитых автором и его героями»⁵⁶. Стоит упомянуть, что любимым писателем Зазубрина был Ф. М. Достоевский [14].

Заключение

Таким образом, реконструировав биографию М. П. Теряевой, мы приходим к выводу, что ее «образ», вошедший в бахтиноведение как однозначно негативный, заслуживает значительно более корректных и взвешенных оценок. На наш взгляд, в отношении данной персоны неуместны ирония, высокомерная насмешка и даже презрение, которые демонстрирует Н. А. Паньков. Реконструкция биографии Теряевой способствует пониманию ее мотивов: ее отношение к диссертации М. М. Бахтина было обусловлено отнюдь не какими-либо конъюнктурными соображениями – она была убежденным «борцом» с любыми (действительными или надуманными) отступлениями от тех идеалов, которые защищала с юности и которым осталась верна до конца своих дней.

Разумеется, масштаб личности и духовного мира М. П. Теряевой несопоставим с «космическим» масштабом личности и духовного мира М. М. Бахтина. Ее выступление на защите его диссертации можно рассматривать как досадную неудачу по-своему незаурядного человека со своей конкретной жизненной правдой, оказавшегося здесь «не на своем месте».

Статья вносит вклад в реконструкцию историко-литературного и социокультурного контекста, связанного с фигурой М. М. Бахтина, в устранение лакун в его научной биографии, в исследование его окружения. Сделанные автором выводы позволяют переосмыслить некоторые ключевые эпизоды истории академической жизни советского периода, избегая их упрощенных, однозначных трактовок. Материалы статьи могут быть полезны бахтиноведам, специалистам в области истории отечественной социально-гуманитарной науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лепин Н. (Пинский Л. Е.). Памяти М. М. Бахтина // Синтаксис. 1980. № 7. С. 102–105.
2. Пинский Л. Е. Памяти М. М. Бахтина // Минимы. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. С. 451–453.
3. Дубровская С. А. «Гоголь и Рабле» как сюжет отечественного литературоведения 1940–1980-х гг. // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73, № 6. С. 62–71. URL: <https://izv-oifn.imli.ru/index.php/ru-ru/arkhiv/12-tom-73-6-2014/145-145> (дата обращения: 24.04.2024).

⁵⁶ М. П. Теряева (Липилина). Письмо к Г. И. Усольцевой от 25.08.1976.

4. Паньков Н. А. «От хода этого дела зависит все дальнейшее...» (Защита диссертации М. М. Бахтина как реальное событие, высокая драма и научная комедия) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 29–54.
5. Стенограмма заседания Ученого совета ИМЛИ им. А. М. Горького. Защита М. М. Бахтиным диссертации «Рабле в истории реализма» / публ. Н. А. Панькова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 55–100.
6. Паньков Н. А. Вокруг «Рабле» // Н. А. Паньков. Вопросы биографии и научного творчества М. М. Бахтина. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 91–417.
7. Кочурина С. А. История педагогического образования в Сибири и на Дальнем Востоке в условиях реализации государственной политики по введению всеобщего начального обучения в 1917 – начале 1930-х гг. Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2022. 354 с.
8. Папков С. А. Вивиан Итин на партийной чистке 1929 года: очередной шаг к гибели // Исторический курьер. 2022. № 1 (21). С. 89–97. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-1-9>
9. Пономарев С. А. Развитие педагогического образования в Западной Сибири в 1930–1941 гг. : дис. ... канд. пед. наук. М., 2018. 248 с.
10. Теряев В. П. Производственная практика педагогов фабзавуча // Сибирский педагогический журнал. 1924. № 5. С. 59–63.
11. Иванов В. В. Жизнь и смерть Владимира Зазубрина // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2024. № 2. С. 181–192. <https://doi.org/10.36718/2500-1825-2024-2-181-192>
12. Проскурина Е. Н. Неопубликованные письма В. Я. Зазубрина // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 4. С. 61–67.
13. Сухих О. С. Воплощение «духа Великого инквизитора» в образе чекиста в повестях «Щепка» В. Зазубрина и «Шоколад» А. Тарасова-Родионова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). С. 294–300. <https://elibrary.ru/pjfaqj>
14. Сырьева Е. И., Смирнов С. Р. Гуманизм В. Я. Зазубрина // Вестник Иркутского университета. 2023. Вып. 26. С. 139–140. URL: https://isu.ru/export/sites/isu/ru/science/publication/galleries/docs/2023_Vol_26_ISU_Bulletin.pdf (дата обращения: 11.10.2024).
15. Федорова В. И. Енисейская губерния 1861–1917 гг.: экономика, общество, культура. Красноярск : Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2016. 342 с.

REFERENCES

1. Lepin N. (Pinsky L.E.). [In Memory of M.M. Bakhtin]. *Sintaksis*. 1980;(7):102–105. (In Russ.)
2. Pinsky L.E. [In Memory of M.M. Bakhtin]. In: [Minims]. St. Petersburg: Ivan Limbach Publ., 2007. p. 451–453. (In Russ.)
3. Dubrovskaya S.A. “Gogol and Rabelais” as a Plot of Russian Literary Criticism in the 1940s–1980s. *Izvestiya RAS. Literature and Language Series*. 2014;73(6):62–71. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://izv-oifn.imli.ru/index.php/ru-ru/arkhiv/12-tom-73-6-2014/145-145> (accessed 24.04.2024).
4. Pankov N.A. [‘Everything That Follows Depends on How This Business Turns out...’ (The Defense of M.M. Bakhtin’s Dissertation as Real Event, as High Drama and as Academic Comedy)]. *Dialogue. Carnival. Chronotope*. 1993;(2–3):29–54. (In Russ.)
5. [The Transcript of the Meeting of the Academic Council of the A.M. Gorky Institute of World Literature. The Defense of M.M. Bakhtin’s Dissertation ‘Rabelais in the History of Realism’ (publ. by N.A. Pan’kov)]. *Dialogue. Carnival. Chronotope*. 1993;(2–3):55–100. (In Russ.)
6. Pankov N.A. [Around ‘Rabelais’]. In: [Issues of the Biography and Scientific Work of M. M. Bakhtin]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta; 2009. p. 91–417. (In Russ.)
7. Kochurina S.A. [The History of Pedagogical Education in Siberia and the Far East in the Context of the Implementation of State Policy on the Introduction of Universal Primary Education in 1917 – early 1930s.] Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta; 2022. (In Russ.)
8. Papkov S.A. Vivian Itin at the Party Purge of 1929: Another Step towards Destruction. *Historical Courier*. 2022;(1):89–97. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-1-9>
9. Ponomarev S.A. [Development of Pedagogical Education in Western Siberia in 1930–1941. Cand. Ped. Sci. Diss.]. Moscow; 2018. 248 p. (In Russ.)
10. Teryaev V.P. [Industrial Practice of Factory Apprenticeship Teachers]. *Siberian Pedagogical Journal*. 1924;(5):59–63. (In Russ.)
11. Ivanov V.V. The Life and Death of Vladimir Zazubrin. *Social, Economic and Humanitarian Journal*. 2024;(2):181–192. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.36718/2500-1825-2024-2-181-192>

12. Proskurina E.N. [Unpublished Letters of V. Ya. Zazubrin]. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 1994;(4):61–67. (In Russ.)
13. Sukhikh O.S. The Embodiment of the Spirit of the Grand Inquisitor in the Image of the Cheka Official in the Novels ‘The Chip’ by V. Zazubrin and ‘Chocolate’ by A. Tarasov-Rodionov. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. 2011;5(1):294–300. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/pjfaqj>
14. Syryeva E.I., Smirnov S.R. Humanism of V.Ya. Zazubrin. *Bulletin of Irkutsk University*. 2023;(26):139–140. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://isu.ru/export/sites/isu/ru/science/publication/.galleries/docs/2023_Vol_26_ISU_Bulletin.pdf (accessed 11.10.2024).
15. Fedorova V.I. [The Yenisei Province in 1861–1917: Economy, Society, Culture]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev Publ.; 2016. (In Russ.)

Об авторе

Клюева Ирина Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, аналитик Центра М. М. Бахтина Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0392-3228>
SPIN-код: 7205-8697,
e-mail: klyueva_irina@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 03.02.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 04.04.2025.

About the author

Irina V. Klyueva, Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor, Associate Professor in the Department of Culturology and Library Information Resources, analyst in M.M. Bakhtin Center, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation),
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0392-3228>,
SPIN-code: 7205-8697,
e-mail: klyueva_irina@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 03.02.2025; revised 31.03.2025; accepted 04.04.2025.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И АРХИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / BIOGRAPHICAL AND ARCHIVAL RESEARCH

Оригинальная статья / Original article
<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.095-103>
EDN: <https://elibrary.ru/eqnecf>
УДК / UDC 316.624.2Бахтин

Издания с маргиналиями М. М. Бахтина (из архива мыслителя)

М. А. Бабушкина ✉, А. Д. Владимирова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет,
г. Саранск, Российская Федерация

✉ fairysky@yandex.ru

Аннотация

Введение. Проблемы создания научной биографии М. М. Бахтина в последнее десятилетие находятся в центре внимания бахтиноведов. Читательские пометы философа на различных изданиях, включая художественные произведения и учебные пособия, остаются неисследованными и представляют интерес для дальнейшего изучения. Цель исследования – представить список изданий с бахтинскими маргиналиями из личного архива мыслителя.

Материалы и методы. Основным материалом для исследования послужили книги и статьи с читательскими пометами М. М. Бахтина из его личного архива, собрание сочинений М. М. Бахтина. Биографический метод использован для анализа взаимосвязи жизненного пути, концепции «малого времени» и творчества ученого в контексте его «персональной среды»; описательный – для систематизации маргиналий и реконструкции рабочих процессов Бахтина; сравнительно-исторический – для выявления творческих диалогов мыслителя с современниками на фоне эволюции гуманитарной мысли XX в.

© Бабушкина М. А., Владимирова А. Д., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Результаты исследования и их обсуждение. В статье представлен алфавитный список 19 книг и оттисков статей с маргиналиями М. М. Бахтина из личного архива мыслителя. Авторы отмечают, что страницы всех изданий хранят карандашные пометы М. М. Бахтина (от одной до семи линий на полях), читательские знаки «NB», в отдельных случаях – дополнительное горизонтальное подчеркивание словосочетаний и предложений. Обоснована важность детального изучения этих изданий в контексте научной биографии М. М. Бахтина, определения источниковедческой ценности сохранившихся читательских помет на полях конкретных книг и статей, осмысления бахтинских маргиналий с точки зрения созвучия проработанных текстов научным интересам ученого в определенный период, а также рассмотрения ряда изданий с читательскими пометами как материала, который М. М. Бахтин использовал в преподавательской и просветительской деятельности.

Заключение. Исследование маргиналий и переходных текстов М. М. Бахтина позволяет уточнить представления о его работе с источниками, восстановить контуры научного диалога с современниками и предшественниками, а также определить оригинальность его идей в контексте интеллектуальных трендов времени. Перспективы исследования связаны с восстановлением и изучением бахтинских диалогов в соответствии с его идеей диалогизирующего чтения.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, архив М. М. Бахтина, научная биография М. М. Бахтина, личная библиотека М. М. Бахтина, маргиналии М. М. Бахтина

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда 24-28-00061 в Национальном исследовательском Мордовском государственном университете (<https://rscf.ru/project/24-28-00061>).

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бабушкина М. А., Владимирова А. Д. Издания с маргиналиями М. М. Бахтина (из архива мыслителя) // Бахтинский вестник. 2025. Т. 7, № 1. С. 95–103. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.095-103>

Editions with Marginalia by M. M. Bakhtin (from the Thinker's Archive)

M. A. Babushkina ✉, A. D. Vladimirova
National Research Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation
✉ fairysky@yandex.ru

Abstract

Introduction. The problems of creating a scientific biography of M. M. Bakhtin in the last decade have been the focus of attention of researchers of his legacy. Readers' notes of the philosopher on other publications, including works of fiction and textbooks, remain unstudied and are of interest for further study. The purpose of the study is to present a list of publications with Bakhtin's marginalia from the personal archive of the thinker.

Materials and Methods. The main material for the study were books and articles with readers' notes of M. M. Bakhtin from his personal archive, the collected works of M. M. Bakhtin. The biographical method was used to analyze the relationship between the life path, the concept of "small time" and the work of the scientist in the context of his "personal environment"; the descriptive method was used to systematize the marginalia and reconstruct Bakhtin's work processes; the comparative historical method was used to identify the cre-

ative dialogues of the thinker with his contemporaries against the background of the evolution of humanitarian thought in the 20th century.

Results and Discussion. The article presents an alphabetical list of 19 books and reprints of articles with marginalia by M. M. Bakhtin from his personal archive. The authors note that the pages of all publications contain Bakhtin's pencil marks (from one to seven lines in the margins), reader's signs "NB", and in some cases, additional horizontal underscores of phrases and sentences. Based on a preliminary analysis of the identified publications, we came to the conclusion that it is relevant and important to study the publications in detail in the context of M. M. Bakhtin's scientific biography, to determine the "source value" of preserved reader's notes in the margins of specific books and articles, to understand M. M. Bakhtin's marginalia in terms of the consonance of the elaborated texts with the scientific interests of the scientist in a certain period, as well as to consider a number of publications with reader's notes as a material that M.M. Bakhtin used in teaching and educational activities.

Conclusion. The study of marginalia and transitional texts by M. M. Bakhtin allows us to clarify our understanding of his work with sources, to restore the contours of his scholarly dialogue with his contemporaries and predecessors, and to determine the originality of his ideas in the context of intellectual trends of the time. The prospects of the study are connected with the restoration and study of Bakhtin's dialogues in accordance with his idea of dialogizing reading.

Keywords: M. M. Bakhtin, archive of M. M. Bakhtin, scientific biography of M. M. Bakhtin, M. M. Bakhtin's personal library, M. M. Bakhtin's marginalia

Funding: The research was funded by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-00061 at the National Research Mordovia State University (<https://rscf.ru/project/24-28-00061>).

Conflict of interests: The authors declare no conflict of interests.

For citation: Babushkina M.A., Vladimirova A.D. Editions with Marginalia by M. M. Bakhtin (from the Thinker's Archive). *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2025;7(1): 95–103. <https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.095-103>

Введение

Создание научной биографии М. М. Бахтина – проблема, привлекающая внимание исследователей не одно десятилетие. Актуальным в рамках этой проблемы является изучение личного архива ученого. 22 марта 1975 г. Ю. М. Лотман, беспокоясь о судьбе архива Бахтина, в письме к Б. А. Успенскому восклицал: «Рукописи Бахтина не кресло и не сервиз, чтобы ими одаривать кого-либо за какие-либо заслуги перед Бахтиным как человеком <...>. Рукописи Бахтина – культурная ценность»¹.

В течение нескольких десятилетий российские ученые работали с бахтинским архивом, итогом этой работы стало издание собрания сочинений М. М. Бахтина [1]. Обозначая в редакторском предисловии принципы издания, С. Г. Бочаров и Л. А. Гогтишвили подчеркивали: «Открывающееся настоящим томом собрание сочинений М. М. Бахтина должно быть научным <...> читатель должен во всех случаях получить новые тексты Бахтина, в том числе и уже известных работ <...>. По замыслу авторского коллектива, работающего над собранием, последовательный текстологический и исследовательский комментарий ко всем публикуемым работам должен сложиться в целостную картину бахтинских идей» [1, т. 5, С. 5–6]. Несмотря на то, что при создании научного

¹ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Переписка. М. : Новое литературное обозрение, 2008. С. 275–276.

комментария авторский коллектив учитывал большую часть материалов бахтинского архива, он по-прежнему остается наименее изученной частью наследия Бахтина, что связано с тем, что «в составе архива находятся не только рукописи оригинальных произведений разных жанров, но и “вторичный” материал – документы, переписка, фотографии, газетные вырезки, журнальные оттиски и даже записки от студентов, полученные на лекциях и семинарах» [2, с. 184]. Нельзя не согласиться с исследователями, подчеркивающими значимость всех архивных материалов для «выявления истоков и реконструкции процесса эволюции бахтинской мысли, уточнения деталей его научной биографии и повседневной жизни» [2, с. 184].

Личный архив М. М. Бахтина, переданный его наследниками в Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, содержит 1 348 единиц хранения (материалы 1905–2000 гг.)². Архив обработан и отредактирован заведующим сектором комплектования, экспертизы и описания рукописей кандидатом исторических наук А. И. Серковым. Окончательное описание документов было произведено в 2020 г. Фонд 913 состоит из пяти частей:

1. Биографические документы.
2. Переписка:
 - 2.1. Письма М. М. Бахтина.
 - 2.2. Письма и телеграммы к М. М. Бахтину.
3. Бахтин М. М. Творческие рукописи.
4. Материалы третьих лиц.
 - 4.1. Материалы по подготовке «Собрания сочинений» М. М. Бахтина.
5. Изобразительные материалы.

Важной составляющей личного архива М. М. Бахтина являются книги и оттиски статей из личной библиотеки мыслителя. Большую ценность им придают сохранившиеся читательские пометы Бахтина. Сегодня исследователи относят издания с бахтинскими маргиналиями к существенному источнику для реконструкции биографии мыслителя и в целом для понимания движения идей в истории науки [3]. Результаты изучения нескольких книг, сохранивших читательские пометы Бахтина, уже были опубликованы на страницах российской научной периодики [4, 5].

Цель статьи – представить список изданий с бахтинскими маргиналиями из личного архива мыслителя.

Материалы и методы

Материалом послужили книги и статьи с читательскими пометами М. М. Бахтина из его личного архива, собрание сочинений мыслителя. В работе использовались биографический, описательный, сравнительно-исторический методы.

Обращение к конкретной личности и архиву требует учета биографических факторов, соотнесения фактов биографии мыслителя и «персональной среды», личных контактов, «малого времени» (М. М. Бахтин) жизни и творчества ученого.

При анализе архивных материалов в их совокупности и изучении отдельных документов в связи с решением конкретных исследовательских задач используется последовательное описание и систематизация книг, сохранивших маргиналии ученого – от одной до семи вертикальных линий на страницах книг и статей, с которыми он работал.

Сравнительно-исторический подход позволяет уточнить детали научной биографии мыслителя, показать круг его творческих диалогов в конкретные периоды жизни на фоне развития филологии и философии XX в.

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 913. М. М. Бахтин.

Результаты исследования и их обсуждение

Определяя статус маргиналий в общих границах бахтинского наследия и подчеркивая важность изучения читательского диалога мыслителя, исследователи отмечают: «Изучение интеллектуального архива ученого, образующих его переходных текстов, в частности конспектов и маргиналий, дает возможность уточнить имеющиеся в современной науке представления о характере работы Бахтина с конкретными источниками, восстановить контуры и содержание его научного диалога с современниками и предшественниками, определить степень оригинальности бахтинских замыслов и их сопряженность с важнейшими интеллектуальными трендами времени» [2, с. 188].

Издания из личной библиотеки М. М. Бахтина сегодня находятся в разных книгохранилищах. Большая ее часть была передана в Саранск наследницей ученого – Леонтиной Сергеевной Мелиховой в 2005 г. В этот период был составлен алфавитный список книг, журналов и музыкальных пластинок, поступивших в Саранск. Он содержал описание изданий с указанием номеров страниц, на которых сохранились читательские пометы Бахтина, также были впервые опубликованы тексты дарственных надписей и книжных вложений (почтовых открыток, писем, записок и др.) [6]. С ноября 2008 г. эти издания хранятся в Отделе редких книг и работы с книжными памятниками Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Мордовия. Коллекция книг и журналов состоит из 1355 единиц хранения, из них 562 экземпляра – книги, 793 – периодические издания («Вопросы литературы», «Вопросы философии», «Вопросы языкознания», «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», «Русская литература» и др.). Хронологические рамки собрания – 1916–1974 гг. [7].

В 2015 г. несколько десятков книг, журналов и пластинок поступило на хранение в Центр М. М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Собрание мемориальных изданий включает 58 книг, 81 периодическое издание («Вопросы литературы», «Иностранная литература», «Новый мир»), 14 грампластинок (Р. Вагнер, опера «Лоэнгрин»; В.-А. Моцарт, «Реквием»; Л. Ван Бетховен, увертюра «Леонора» и «Страсти по Иоанну» и др.; литературное чтение фрагмента романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»; беседа Ю. А. Завадского «О театре»). Двадцать единиц хранения содержат дарственные надписи. В 2020 г. к 125-летию М. М. Бахтина в результате работы творческого коллектива ученых и библиотекарей вышло в свет «Собрание инскриптов на изданиях из личной библиотеки М. М. Бахтина» [8]. В нем представлено описание 251 экземпляра, в числе которых – «230 на русском языке, 5 – на английском, 2 – на мордовских языках (мокшанском и эрзянском), 3 – на немецком, 4 – на польском, 2 – на французском, 2 – на сербском, по одному тому – на румынском, украинском и чешском языках» [8, с. 16].

«Существенная часть книг и отдельные номера журналов, – это подношения Бахтину, чаще всего от авторов <...> большинство авторов инскриптов – известные персоны, выдающиеся деятели науки, литературы и искусства, – подчеркивает И. В. Ключева в предваряющей сборник статье «Личная библиотека М. М. Бахтина в культурном контексте эпохи» [8, с. 16].

Несколько десятков изданий из личной библиотеки М. М. Бахтина сегодня входят в состав архива мыслителя, девятнадцать из них сохранили бахтинские маргиналии.

В последние годы личный архив мыслителя находится в центре внимания исследователей. Так, в приложении к статье Н. М. Долгооруковой и А. А. Аббасовой появились рабочие записи М. М. Бахтина о менипповой сатире, которые ранее в большинстве своем не были опубликованы [9]. Пятый том из собрания сочинений А. Бергсона, сохранившийся в архиве Бахтина, стал объектом специального исследования: статья С. А. Дубровской и О. О. Осовского посвящена анализу проблемы восприятия Бахтиным идей и текстов французского философа. Исследователи, опираясь на идею Бахтина о диалогическом характере чтения, рассматривают его маргиналии на страницах тома Бергсона как форму диалога двух мыс-

лителей: «На страницах тома представлено все разнообразие бахтинских помет, в том числе и четкое выделение конкретных суждений французского мыслителя, принципиально важных для Бахтина <...>. Полемика Бахтина с Бергсоном <...> свидетельствует о все более ясно осознаваемых им расхождениях с французским философом. Если в работах Бахтина 1920-х гг. Бергсон предстает одним из столпов современной мысли, с именем которого тот связывает радикальные изменения в философском мышлении, то в конце 1930-х – 1940-х гг. все выглядит иначе: со стороны Бахтина разворачивается прямая полемика с ним. А ряд бахтинских фрагментов и набросков, появляющихся в 1940-х – начале 1950-х гг., можно, в частности, рассматривать как результат этой полемики» [5, с. 76–77].

Читательские пометы Бахтина на других изданиях еще ждут своего исследователя. В списке изданий – художественные произведения (роман «Левкиппа и Клитофонт» Ахилла Татия (Александрийского), избранные сочинения Лукиана); учебное пособие «История западно-европейской литературы Нового времени», в основе которого – курс лекций, прочитанный советским литературоведом, специалистом по немецкой литературе и культуре Францем Петровичем Шиллером (1898–1955) в 1927–1934 гг. в различных вузах Москвы; монографии («Язык. Лингвистическое введение в историю» Ж. Вандриеса, «Национальный язык и социальные диалекты» В. М. Жирмунского, «Проза Пушкина: Опыт стилового исследования» А. Лежнева) и сборники статей («Тристан и Исоolda. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Африки», «Творчество Ф. М. Достоевского»), связанные с кругом научных интересов Бахтина в разные периоды. Также в фонде хранятся оттиски или машинописные копии статей из научной периодики («Русская литература», «Вестник Ленинградского университета») и вступительных статей к сборникам. Бахтинские маргиналии хранит и программа заседаний «IV Международного съезда славистов», состоявшегося в сентябре 1958 г.

Статьи А. А. Смирнова «Шекспир, Ренессанс и барокко» и П. Г. Богатырева «Функции лейтмотивов в русской былине» имеют дарственные надписи.

Приведем алфавитный список изданий с маргиналиями М.М. Бахтина, хранящихся в личном архиве мыслителя:

1. Ахилл Татий (Александрийский). Левкиппа и Клитофонт / пер. А. Б. Д. Е. М. под ред. Б. Л. Богаевского со вступ. статьей А. В. Болдырева «Ахилл Татий Александрийский». М. : Гос. изд-во, 1925. 191 с.
2. Бергсон А. Собрание сочинений : В 5 т. / пер. с фр. В. Флеровой и И. Гольденберга, СПб. : М. И. Семенов, 1914. Т. 5. 206 с.
3. Богатырев П. Г. Функции лейтмотивов в русской былине // *Literatura. Komparatystyka. Folklor: Księga poświęcona Julianowi Krzyżanowskiemu / pod red. Marii Bokszczanin i i. Warszawa : Państwowy instytut wydawniczy, 1968. S. 693–710.*
4. Бройтман С. Н. К вопросу о центральной проблеме книги В. Луговского «Середина века» // *Русская литература. 1968. № 2. С. 138–145.*
5. Вандриес Ж. Язык = *Le langage. Introduction linguistique à l'histoire: Лингвистическое введение в историю: пер. с франц. / Ж. Вандриес, проф. Парижск. ун-та; прим. П. С. Кузнецова; под ред. и с пред. Р. О. Шор. М. : Соцэкгиз, 1937 (16 тип. треста «Полиграфкнига»). 410 с.*
6. Дживелегов А. К. Данте Алигиери. В книге 11 иллюстраций. М. : Журнально-газетное объединение (тип. «Искра революции»), 1933. 174 с. (Жизнь замечательных людей: серия биографий. Вып. 16).
7. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л. : Гослитиздат, 1936. 297 с.
8. Канаев И. И. Аннотация на книгу «Близнецы» // Тематический план изданий «Академической книги». М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 5.

9. Лежнев А. Проза Пушкина: Опыт стилистического исследования. М. : Гослитиздат, 1937 (17 ф-ка нац. книги треста «Полиграфкнига»). 415 с.

10. Лукиан. Избранные сочинения / пер. с греч. [и авт. предисл.] Н. Д. Чечулин. СПб. : Тип. Гл. упр. удел., 1909. II, 166 с.

11. IV Международный съезд славистов : литературоведческая и литературно-лингвистическая тематика. 1–10 сентября 1958 г. : программа заседаний / Международный комитет славистов; Советской комитет славистов. М., 1958. 44 с.

12. Смирнов А. А. Шекспир, Ренессанс и барокко // Вестник Ленинградского университета. 1946. № 1. С. 96–112.

13. Творчество Ф. М. Достоевского: сборник статей / Н. Л. Степанов (отв. ред.) М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 546 с.

14. Тристан и Исоolda. От героини любви феодальной Европы до богини матриархальной Афревразии: Коллективный труд Сектора семантики мифа и фольклора / под ред. акад. Н. Я. Марра. Л. : Изд. и тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1932. 286 с.

15. Шиллер Ф. П. История западно-европейской литературы Нового времени : В 3 т. Т. 1. М. : Гослитиздат, 1935. 467 с.

16. Шиллер Ф. П. История западно-европейской литературы Нового времени: В 3 т. Т. 2. М. : Гослитиздат, 1936. 430 с.

17. Matson F., Montgu A. The Civilization of the Dialogue // The Human dialogue. Perspectives on communication. New York: The Free Press; London : Collier-Macmillan Limited, 1967. P. 3–10. Машинописная копия (пер. В. Лукошина).

18. Meijer J. M. Situation rhyme in a novel of Dostoevsky. Dutch contributions to the Fourth International Congress of Slavists. Moscow, Sept. 1958. 15 s.

19. Vark W. Die Form in der Novelle. Diss. Jena, 1930.

Страницы всех перечисленных изданий хранят карандашные пометы М. М. Бахтина (от одной до семи линий на полях), читательские знаки «NB», в отдельных случаях – дополнительное горизонтальное подчеркивание словосочетаний и предложений.

Заключение

На основе предварительного анализа представленного материала мы пришли к выводу об актуальности и важности детального изучения вышеупомянутых изданий в контексте научной биографии М. М. Бахтина, определения «источниковедческой ценности» сохранившихся читательских помет на полях конкретных книг и статей, осмысления бахтинских маргиналий с точки зрения созвучия проработанных текстов научным интересам ученого в определенный период, а также рассмотрения ряда изданий с читательскими пометами как материала, который Бахтин использовал в преподавательской и просветительской деятельности. Перспективы исследования связаны с восстановлением и изучением бахтинских диалогов в соответствии с его идеей диалогизирующего чтения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М. : Русские словари, Языки славянской культуры. 1996–2012.

2. Дубровская С. А., Осовский О. О. Феномен «переходного текста» в интеллектуальном архиве мыслителя (конспекты, записи и маргиналии М. М. Бахтина) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2025. № 1. С. 184–190. <https://doi.org/10.20339/PhS.1-25.184>

3. Дубровская С. А., Владимирова А. Д. Бахтинские маргиналии как источник изучения творческой лаборатории мыслителя // Бахтинский вестник. 2022. Т. 4, № 2. С. 11–15 URL:<https://bakhtiniada.ru/2658-5480/article/view/264477/243331> (дата обращения 25.12.2023).

4. Дубровская С. А., Осовский О. О. О цитатах из Герцена в исследовании М. М. Бахтина о Рабле // Русская литература. 2020. № 3. С. 252–255. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2020-3-252-255>
5. Дубровская С. А., Осовский О. Е. Бахтин и Бергсон: диалог на страницах пятого тома собрания сочинений французского мыслителя (бахтинские пометы в работе «Введение в метафизику») // Вопросы философии. 2025. № 2. С. 70–80. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2025-2-70-80>
6. Ключева И. В., Лисунова Л. М. М. М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск [Б и.], 2010. 468 с.
7. Земкова Н. Н. Книжные собрания библиотеки как часть культурного наследия страны // INFOLIB: Информационно-библиотечный вестник. 2024. № 1 (37). С. 24–27.
8. Собрание инсриптов на изданиях из личной библиотеки М. М. Бахтина / авт.-сост. : И. В. Ключева, Н. Н. Земкова. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 320 с.
9. Долгорукова Н. М., Аббасова А. А. «Мир наизнанку» в средневековом французском романе // Вопросы литературы. 2024. № 6. С. 83–98. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2024-6-83-98>

REFERENCES

1. Bakhtin M.M. [Collected Works]. In 7 vol. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoi kultury, 1996–2012. (In Russ.)
2. Dubrovskaya S.A., Osovsky O. O. The Phenomenon of the “Transitional Text” in the Intellectual Archive of the Thinker (Summaries, Notes and Marginalia by M.M. Bakhtin). *Philological Sciences*. 2025;(1):184–190. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20339/PhS.1-25.184>
3. Dubrovskaya S.A., Vladimirova A.D. Bakhtin’s Marginalia as a Source of Study in the Creative Laboratory of the Thinker. *Russian Journal of Bakhtin Studies*. 2022;6(4):11–15. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://bakhtiniada.ru/2658-5480/article/view/264477/243331> (accessed 25.12.2024).
4. Dubrovskaya S.A., Osovsky O.E. On Quotations from Herzen in M.M. Bakhtin’s Study on Rabelais. *Russian Literature*. 2020;(3):252–255. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2020-3-252-255>
5. Dubrovskaya S.A., Osovsky O. O. Bakhtin and Bergson: a Dialogue on the Pages of the Fifth Volume of the Collected Works of the French Thinker (Bakhtin’s Notes in the Work “Introduction to Metaphysics”). *Voprosy filosofii*. 2025;(2):70–80. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2025-2-70-80>
6. Klyueva I.V., Lisunova L.M. [M.M. Bakhtin – Thinker; Teacher; Person]. Saransk; 2010. (In Russ.)
7. Zemkova N.N. [The Book Collections of the Library as the Part of the Cultural Heritage of the Country]. *INFOLIB: Informatsionno-bibliotechnyi vestnik*. 2024;(1):24–27. (In Russ.)
8. [The Collection of Incrites on Publications from the Personal Library of M.M. Bakhtin]. Authors-comp.: I.V. Klyueva, N.N. Zemkova. Saransk: Izdatelstvo Mordovskogo universiteta; 2020. (In Russ.)
9. Dolgorukova N.M., Abbasova A.A. “The World Inside Out” in the French Mediaeval Romance. *Voprosy literatury*. 2024;(6):83–98. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2024-6-83-98>

Об авторах

Бабушкина Мария Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9769-715X>,
SPIN-код: 1325-2594,
e-mail: fairysky@yandex.ru

Владимирова Анна Дмитриевна, студентка факультета иностранных языков Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68),
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2036-2823>
e-mail: teracot4282@gmail.com

Вклад авторов

М. А. Бабушкина – разработка концепции, развитие методологии, научное редактирование текста.

А. Д. Владимирова – подготовка начального варианта текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 18.02.2025; одобрена после рецензирования 07.03.2025; принята к публикации 12.03.2025.

About the authors

Mariya A. Babushkina, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9769-715X>,

SPIN-code: 1325-2594,

e-mail: fairysky@yandex.ru

Anna D. Vladimirova, Student, Faculty of Foreign Languages, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2036-2823>

e-mail: teracot4282@gmail.com

Authors' contribution

M. A. Babushkina – concept development, methodology development, scientific editing of text.

A. D. Vladimirova – writing the initial version of the article.

The authors had read and approved the final version of the manuscript.

Submitted 18.02.2025; revised 07.03.2025; accepted 12.03.2025.

<https://doi.org/10.15507/2658-5480.07.202501.104-111>

EDN: <https://elibrary.ru/vdufdq>

ХРОНИКА / CRONICLES

2025 год в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва – юбилейный, Бахтинский. В этом году исполняется: 130 лет со Дня рождения Михаила Михайловича Бахтина, 50 лет со дня его смерти; 80 лет со дня второго приезда Бахтиных в Саранск, 10 лет со дня открытия Центра М. М. Бахтина и памятника мыслителю в Саранске. Юбилеями 2025 г. стали монография Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (60 лет) и подготовленный к изданию самим Бахтиным сборник его работ «Вопросы литературы и эстетики» (50 лет).

В связи с этими памяtnыми датами Приказом ректора (от 24 декабря 2024 г.) 2025 год в МГУ им. Н. П. Огарёва объявлен Годом М. М. Бахтина и утверждена программа мероприятий. Она включает Международные семинары и Круглые столы, творческие конкурсы, презентации новых изданий и экскурсии по бахтинским местам Саранска, выставки новых работ саранских бахтиноведов с презентацией в Научной библиотеке им. М. М. Бахтина МГУ им. Н. П. Огарёва и др. Все это, безусловно, будет способствовать развитию научного диалога и привлечет внимание к университету как центру бахтиноведения в России. Среди важных задач этих мероприятий – знакомство молодежи и студентов с саранскими страницами биографии ученого, с бахтинскими местами в нашем городе, приобщение к изучению жизни и творчества мыслителя, сохранение памяти о нем.

Старт Году М. М. Бахтина был дан 11 февраля «Диалогом тысячелетий», который прошел в преддверии Международного Дня дарения книг. В Центре М. М. Бахтина собрались преподаватели университета (филологи и культурологи), сотрудники Научной библиотеки им. М. М. Бахтина и первокурсники филологического факультета.

Состоялось знаменательное и важное мероприятие – Центр принимал экземпляры книг с инскриптами М. М. Бахтина и с читательскими пометами мыслителя. Открывая мероприятие, заместитель директора Центра профессор С. А. Дубровская подчеркнула важность поисково-исследовательской работы по выявлению подобных изданий для изучения научной биографии Бахтина: «Благодаря проделанной работе в научный оборот вводятся имена и тексты, ранее остававшиеся вне поля зрения бахтиноведов».

Диалог был продолжен директором Центра М. М. Бахтина профессором Н. И. Ворониной. Она передала в Центр книги из своей личной библиотеки. Это бахтинские монографии «Проблемы поэтики Достоевского» и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», подаренные автором ее отцу – профессору И. Д. Воронину (рис. 1). Книги Бахтина о Достоевском и Рабле с дарственными

Рис. 1. Книги с дарственными надписями М. М. Бахтина
Fig. 1. Books with dedications by M. M. Bakhtin

Источник: здесь и далее в статье автор изображений Р. М. Резепов (2025 г.).
Source: Here and further in the article the author of the images is R. M. Rezepov (2025).

надписями автора также передали саранский журналист Е. Д. Лапицкий (бывший студент Бахтина) и доцент Мордовского университета В. А. Маргулис (сосед ученого по обоим саранским адресам). Эти книги войдут в новую экспозицию, посвященную саранским собеседникам Бахтина – семьям Ворониных, Маргулисов, Лапицких, Кукановых.

Фонды Научной библиотеки МГУ им. Н. П. Огарева, с 1991 г. носящей имя М. М. Бахтина, хранят уникальные издания – книги и брошюры, которые читал мыслитель в период пребывания в Саранске (1936–1937, 1945–1969). «Сегодня мы участвуем в очень важном мероприятии – пополнении мемориального фонда Центра М. М. Бахтина. Это событие важно не только для ученых нашего университета, это событие российского и мирового масштаба», – отметила директор Научной библиотеки И. В. Отставнова. Она передала пять книг и брошюр с читательскими пометами ученого, находившихся в фондах библиотеки (научный абонемент и книгохранилище): 1) Коган П. С. Очерки по истории древних литератур. Греческая литература (1935); 2) Вильмонт Н. Гете: Критико-биографический очерк (1951); 3) Дейч А. Генрих Гейне, поэт (1941); 4) Шиллер Ф., Шор Р., Лаврецкий А. Генрих Гейне (1931); 5) Шор Р. О., Чемоданов Н. С. Введение в языковедение (1945). Бахтинская работа с этими книгами документально подтверждена (наличием библиотечных формуляров с подписью мыслителя и соответствующей датой, либо маргиналиями на страницах изданий).

7 марта, в День памяти М. М. Бахтина, преподаватели и студенты МГУ им. Н. П. Огарева возложили цветы к памятнику мыслителю в университетском сквере. Церемонию открыла директор Центра М. М. Бахтина профессор Н. И. Воронина, в своем вступительном слове особо подчеркнув: «Сегодня Саранск воспринимается учеными всего мира как город Бахтина, а наш университет – как центр бахтиноведения».

Непреходящую ценность научных открытий М. М. Бахтина, актуальность его идей и востребованность его трудов отметил в своем слове проректор по научной работе А. М. Давыдкин: «Труды Бахтина давно стали классикой, а сам мыслитель – одним из символов влияния российской науки на мировое гуманитарное знание и, конечно, гордостью нашего университета».

В мероприятии приняли участие аналитик Центра М. М. Бахтина доцент И. В. Клюева, сотрудники Редакции научных журналов Мордовского университета, студенты-гуманитарии из России и разных стран мира (Египет, Индия, Китай, Туркменистан, Узбекистан) (рис. 2). Они фотографировались на фоне памятника, задавали вопросы преподавателям о работах Бахтина, о том, в каких странах он известен, есть ли ученые-бахтиноведы в их странах. Эти вопросы станут предметом обсуждения на факультетских научных семинарах. Все это позволяет говорить о решении одной из задач программы Года М. М. Бахтина – включение студенчества в большой диалог о непреходящей актуальности идей российского мыслителя.

«День памяти М. М. Бахтина – еще одна возможность не просто поклониться российскому мыслителю, но привлечь внимание студенчества к живому источнику вдохновения – мысли ученого», – подчеркнула, завершая мероприятие, профессор С. А. Дубровская.

Рис. 2. Н. И. Воронина (справа) и И. В. Клюева (слева) возлагают цветы к памятнику М. М. Бахтину
Fig. 2. N.I. Voronina (right) and I. V. Klyueva (left) lay flowers at the monument to M. M. Bakhtin

12 марта в Центре М. М. Бахтина состоялся VI Международный научный семинар «Полвека без Бахтина. К 50-летию со дня смерти мыслителя» (рис. 3). «Семинары, посвященные анализу разных аспектов восприятия личности и идей Бахтина, стали традиционным научным событием нашего университета. Однако март этого года – особая дата, – подчеркнула заместитель директора Центра М. М. Бахтина С. А. Дубровская, открывая мероприятие. – Прошло пятьдесят лет со дня смерти мыслителя. Рубежные даты всегда привлекают внимание, заставляя задуматься о пройденном пути, проанализировать и оценить сделанное».

Семинар собрал исследователей из научных центров России (Белгород, Москва, Новосибирск, Санкт-Петербург, Саранск), Израиля (Беэр-Шева) и Китая (Ланьчжоу, Пекин, Ханчжоу, Ухань, Шицзячжуан).

Семинар открыл доктор филологических наук, главный научный сотрудник Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева профессор О. Е. Осовский. Свое вступительное слово «Полвека без Бахтина» он начал с обращения к марту 1975 г., когда современники осмысливали уход М. М. Бахтина-человека. Анализируя их воспоминания, докладчик подвел к пониманию того, что со второй половины 1970-х гг. началась жизнь Бахтина в «большом времени». Особое внимание Осовский уделил значению собрания сочинений ученого (1996–2012), отметив серьезную работу подготовившего это издание научного коллектива, в который входили и участники семинара – В. Л. Махлин и Н. И. Николаев.

Кандидат филологических наук, Phd, научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая Школа Экономики» и Института научной информации по общественным наукам Российской Академии наук Н. М. Долгорукова представила собравшимся анализ фрагментов рабочих записей М. М. Бахтина о менипповой сатире. Записи демонстрируют интерес мыслителя к мотиву «мира наоборот» в средневековом французском романе. Не менее важными здесь являются и общие наблюдения Бахтина над жанром как таковым. Бахтинские записи были подготовлены к публикации исследовательницей совместно с С. В. Сандлером.

Доклад доктора философских наук, ведущего научного сотрудника отдела литературоведения Института научной информации по общественным наукам Российской Академии наук профессора В. Л. Махлина «После Бахтина: на разломе эпох» был посвящен осмыслению разных десятилетий Bakhtin studies, границей которых стал рубеж тысячелетий, осмысленный исследователем как «разлом эпох» современного бахтиноведения.

Продолжил семинар доклад доктора философских наук, главного научного сотрудника Института философии и права Сибирского отделения Российской Академии наук, главного редактора журнала «Человек.RU» профессора С. А. Смирнова «Полвека без Бахтина... Пятьдесят лет с Бахтиным». Размышляя о значении личности и трудов М. М. Бахтина, исследователь поделился своим опытом открытия и «переоткрытия» идей мыслителя, показал их определяющую роль в понимании магистральных поворотов, произошедших в разных областях гуманитарных наук за последние пятьдесят лет.

Первые результаты исследования диалога русского формализма и М. М. Бахтина

Рис. 3. Участники семинара «Полвека без Бахтина. К 50-летию со дня смерти мыслителя»
Fig. 3. Participants of the seminar at the M. M. Bakhtin center

в литературном поле Китая в 1980-е гг. представил кандидат филологических наук, преподаватель Пекинского университета иностранных языков Лю Мяовэнь.

В обсуждении вопросов участвовали сотрудники Центра М. М. Бахтина, профессора П. А. Ольхов, Е. Н. Мотовникова (Белгород), С. В. Сандлер (Безр-Шева), С. Лу (Шицзячжуан, провинция Хэбэй, Китай), доценты А. Е. Ефименко (Ланьчжоу, Китай), Х. Лю (Ухань, Китай), Е. А. Семенова (Москва), председатель Всекитайского бахтинского общества профессор Ц. Чжоу (Ханчжоу, Китай), преподаватели и студенты филологического факультета МГУ им. Н. П. Огарева, Белгородского государственного университета.

Завершил семинар член Союза литераторов России, художник-педагог А. С. Спиридонов (Орел), представив серии иллюстраций, посвященных Михаилу и Николаю Бахтиным.

Опираясь на русскую, западноевропейскую и американскую словесность XIX–XX вв., автор использует междисциплинарный подход в исследовании фигуры аналепсиса и системы ее мотивировок. Книга будет интересна историкам и теоретикам литературы, а также практикующим филологам, в частности преподавателям новой прикладной дисциплины «Творческое письмо» (Creative Writing).

28 апреля в Центре М.М. Бахтина состоялось заседание «Из истории саранского бахтиноведения. Студент М. М. Бахтина Максим Бебан – “неутомимый первооткрыватель мордовской поэзии”» (рис. 4, 5). Заседание было посвящено студенту М. М. Бахтина – Максиму Афанасьевичу Бебану (1913–1986), ставшему выдающимся мордовским (мокша) писателем. Бебан учился у Бахтина в 1936/37 учебном году. В 1937 г. он записал лекции, прочитанные Бахтиным в Мордовском государственном педагогическом институте (с 1957 г. – государственный университет им. Н. П. Огарёва). Записи лекций были расшифрованы и опубликованы с соответствующим комментарием аналитиком Центра М. М. Бахтина кандидатом философских наук И. В. Ключевой в нескольких выпусках журнала «Бахтинский вестник» в 2019–2024 гг.

Заседание состоялось накануне Дня Победы. Это неслучайно – М. А. Бебан был участником Великой Отечественной войны.

Открыла заседание директор Центра профессор Наталья Ивановна Воронина. Ирина Васильевна Ключева рассказала о жизненном и творческом пути М. А. Бебана. Дочь писателя – Ирина Максимовна Бебан, сохранившая конспекты его записей лекций Бахтина, поделилась своими личными воспоминаниями об отце. Светлана Анатольевна Дубровская говорила о значении личности и творчества Бебана в становлении и развитии мордовской национальной литературы.

Рис. 4. Участники заседания (2025 г.)
Fig. 4. Participants of the meeting (2025)

Рис. 5. Выступает И. М. Бебан
Fig. 5. I. M. Beban speaking

Были продемонстрированы фотографии из архива писателя (в том числе военных лет), а также фрагменты документальных фильмов о М. А. Бебане, созданных на теле студии Мордовской АССР в 1970-х – 1980-х гг.

В мероприятии приняли участие студенты института национальной культуры.

19 мая 2025 г. в Центре М.М. Бахтина состоялось очередное заседание «Эрзя-Бахтинский ридинга: текст, образ, искусство сегодня». Проект реализуется Центром М. М. Бахтина совместно с Мордовским республиканским музеем изобразительных искусств им. С. Д. Эрзи и Культурно-выставочным центром государственного Русского музея (Санкт-Петербург). С 2022 г. проводятся регулярные встречи ридинг-групп, в которые входят студенты, магистранты и аспиранты МГУ им. Н. П. Огарёва. Модераторами регулярно проводимых мероприятий проекта являются аналитик Центра М. М. Бахтина Ирина Васильевна Клюева и заведующий научно-исследовательским отделом МРМИИ им. С. Д. Эрзи Виктор Борисович Махаев (рис. 6).

Заседание было посвящено теме скульптуры в творчестве М. М. Бахтина. Анализировались используемые мыслителем концепты «скульптурность» и «живописность». Рассматривалось отношение мыслителя к творчеству скульпторов прошлого и современности, в том числе С. Д. Эрзи, работы которого Бахтин видел в Саранске.

В заседании приняли участие студенты института национальной культуры.

23 мая 2025 года состоялась иммерсивная экскурсия «Диалоги с Михаилом Бахтиным в хронотопе Саранска». Участниками экспериментального проекта стали преподаватели и студенты географического факультета Мордовского университета (рис. 7).

Погружение в атмосферу живого диалога с мыслителем началось в Центре М. М. Бахтина. Участники познакомились с научными открытиями Колумба гуманитаристики XX в., а продолжением диалога стала «прогулка с Бахтиным» по улицам города. Она началась у памятника мыслителю, где группу встретил «живой» Бахтин. С присущей ему иронией он рассказал участникам о знаковых событиях своей жизни в Саранске и работе в Мордовском университете, показал виды Саранска 1940–1960-х гг., поделился историей своего «воскрешения» и увлек слушателей почти авантюрными поворотами своей судьбы.

Основная идея иммерсивной экскурсии может быть выражена строчками В. В. Маяковского, обращенными к А. С. Пушкину: «Я люблю Вас, но живого, а не мумию». Ее цель – заинтересовать студентов историей родного вуза и на примере судьбы Бахтина показать, насколько увлекательным и обогащающим может быть диалог с ученым в хронотопе Саранска.

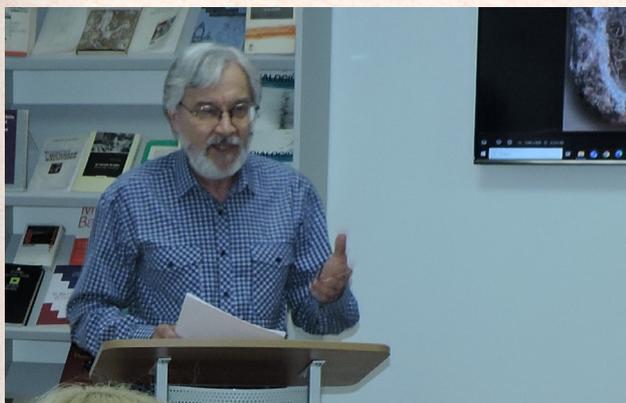

Рис. 6. Выступает В. Б. Махаев
Fig. 6. V. B. Makhaev speaking

Рис. 7. Участники иммерсивной экскурсии у дома, где в 1959–1969 гг. жил М. М. Бахтин
Fig. 7. Participants of the immersive excursion at the house where M. M. Bakhtin lived in 1959–1969

В роли Михаила Бахтина, ведущего экскурсию, выступил Егор Родионычев, студент 204 группы географического факультета. За эту роль он получил в подарок третий том «Бахтинской энциклопедии» – «Мыслитель в своем отечестве: страницы истории рецепции личности и идей М.М. Бахтина в XX– начале XXI века» (2024).

Экскурсия была разработана зав. кафедрой туризма кандидатом экономических наук Ириной Михайловной Калабкиной, зам. директора Центра М. М. Бахтина Светланой Анатольевной Дубровской и студентом 204 группы географического факультета Егором Родионычевым.

2 июня 2025 г. в Центре М. М. Бахтина состоялся Бахтинский праздник поэзии. Конкурс на лучшее чтение любимых поэтических произведений М. М. Бахтина (рис. 8, 9). Стихотворения И. Ф. Анненского, А. А. Блока, А. А. Пушкина и других русских поэтов читали студенты Института национальной культуры. Лучшими чтецами были признаны учащиеся СПО Владислав Антипкин (1-е место), Марина Агеева (2-е место), Алина Биктеева (2-е место), Анастасия Бушуева (3-е место) и студенты ИНК (специальность «Медиакоммуникации») Мария Рубцова (1-е место), Лидия Митрофанова (2-е место), Елизавета Голенкова (2-е место).

Участники конкурса возложили цветы к памятнику М. М. Бахтину (рис. 10, 11).

Рис. 8. Выступает И. В. Ключева
Fig. 8. I. V. Klyueva speaking.

Рис. 9. Победитель конкурса В. Антипкин
Fig. 9. Competition winner V. Antipkin

Рис. 10. Участники конкурса у памятника
М. М. Бахтину
Fig. 10. Competition participants
at the monument to M. M. Bakhtin

Рис. 11. Возложение цветов к памятнику
М. М. Бахтину
Fig. 11. Laying flowers at the monument
to M. M. Bakhtin

В начале 2025 года в Издательском доме ЯСК (обновленное название хорошо известного московского издательства «Языки славянских культур») в серии «Studia philologica» вышла монография работающего в Китае российского исследователя Александра Евгеньевича Ефименко «Фигура аналепсиса и система ее мотивировок» (рис. 12). Книга, подготовленная под научным руководством одного из основателей отечественной нарратологии профессора Российского государственного гуманитарного университета В. И. Тюпы, является первым опытом в области порождающей нарратологии.

Опираясь на русскую, западноевропейскую и американскую словесность XIX–XX вв., автор использует междисциплинарный подход в исследовании фигуры аналепсиса и системы ее мотивировок. Книга будет интересна историкам и теоретикам литературы, а также практикующим филологам, в частности преподавателям новой прикладной дисциплины «Творческое письмо» (Creative Writing).

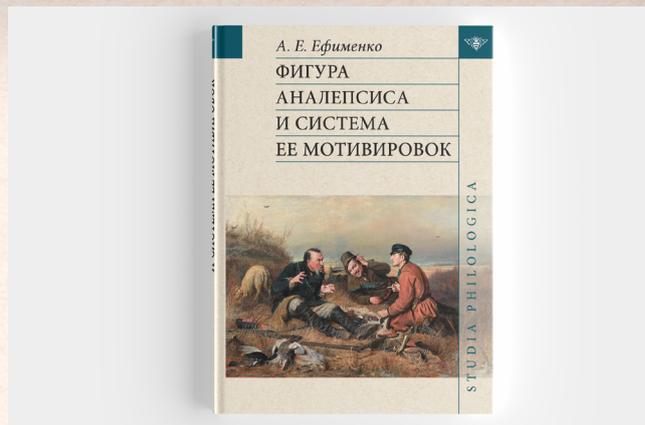

Рис. 12. Ефименко А. Е. Фигура аналепсиса и система ее мотивировок

Fig. 12. Efimenko A. E. The figure of analepsis and the system of its motivations

Об авторах

Воронина Наталья Ивановна, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, директор Центра М. М. Бахтина Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6821-828X>,

SPIN-код: 1783-1554,

e-mail: kafkmg@mail.ru

Дубровская Светлана Анатольевна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора Центра М. М. Бахтина Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5660-8977>,

Scopus ID: 57197733308,

Researcher ID: AAW-9694-2020

e-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

Клюева Ирина Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, аналитик Центра М. М. Бахтина Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0392-3228>,

SPIN-код: 7205-8697,

e-mail: klyueva_irina@mail.ru

About the authors

Natalya I. Voronina, Dr.Sci. (Philos.), Professor, Professor in the Department of Culturology and Library Information Resources, Director of M. M. Bakhtin Center, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6821-828X>,

SPIN-code: 1783-1554,

e-mail: kafkmgu@mail.ru

Svetlana A. Dubrovskaya, Dr.Sci. (Philol.), Associate Professor, Associate Professor in the Department of Russian as a Foreign Language, Deputy Director of M. M. Bakhtin Center, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5660-8977>,

Scopus ID: 57197733308,

Researcher ID: AAW-9694-2020

e-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

Irina V. Klyueva, Cand.Sci. (Philos.), Associate Professor, Associate Professor in the Department of Culturology and Library Information Resources, analyst in M. M. Bakhtin Center, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation),

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0392-3228>,

SPIN-code: 7205-8697,

e-mail: klyueva_irina@mail.ru

Научный редактор *И. В. Ключева*

Редактор *С. А. Дубровская*

Корректор *А. Н. Харитонов*

Компьютерная верстка *О. С. Дроздовой*

Перевод на английский язык *И. В. Ключевой, С. В. Голованова*

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Реестровая запись ЭЛ № ФС77-74424 от 23.11.2018.

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.

Номер подписан и опубликован 24.06.2025

Объем 24,8 МБ

Редакция журнала «Бахтинский вестник».
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия,
г. Саранск, ул. Большевистская, 68.

<https://bakhtiniada.ru/>

Scientific Editor *I. V. Klyueva*

Editor *S. A. Dubrovskaya*

Proofreader *A. N. Kharitonov*

Desktop publishing *O. S. Drozdova*

Translation in English *I. V. Klyueva, S. V. Golovanov*

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision – of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registry Entry ЭЛ № ФС77-74424 23.11.2018.

Distributed in Russian Federation and foreign countries.

The issue was signed and published on 24.06.2025

The volume: 24,8 Mb

Editorial office:

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005,
Republic of Mordovia, Russian Federation,

<https://bakhtiniada.ru/>